

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2026 Том 18 № 3

Общество и культура античного Средиземноморья

Приглашенный редактор Т.Б. Гвоздева

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-3

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Средство массовой информации зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Воронин С.А., д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Куделин А.А., кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

Ответственный секретарь

Попова Е.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Бакри Абу аль-Хассан Мусса, кандидат исторических наук, профессор, Каирский университет, Гиза, Египет

Варику Кулбхушан, профессор, Университет имени Джавахарлала Неру, Дели, Индия

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Губайдуллина М.Ш., доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления, Университет Карлтона, Оттава, Канада, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Ли Нарангоа, профессор Австралийского Национального университета, Канберра, Австралия

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры иностранных языков ФГСН, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, специалист Центра просветительской деятельности «Разговоры о важном», Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

Стефанидис И.Д., профессор, Университет имени Аристотеля, Салоники, Греция

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в Белый список РЦНИ (ЕГПНИ), в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируются в РИНЦ Научной электронной библиотеки elibrary.ru, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история» – периодическое рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов научных исследований ученых из России и различных регионов мира в виде оригинальных научных сообщений, библиографических обзоров.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: 5.6.2 Всеобщая история, 5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Основные рубрики журнала: история исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, история ислама, история Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, к сотрудничеству по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>

Электронный адрес: histj@rudn.ru

Литературный редактор *О.В. Горячева*

Редакторы англоязычных текстов *Т.А. Майкова, А.А. Куделин*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 26.09.2026. Выход в свет 30.09.2026. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 15,23. Тираж 500 экз. Заказ № 1038. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2026 VOLUME 18 NUMBER 3

Society and Culture of the Ancient Mediterranean

Guest editor Tatiana B. Gvozdeva

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-3

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
named after PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey A. Voronin

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

DEPUTY

EDITOR-IN-CHIEF

Andrey A. Kudelin

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Elena A. Popova

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Members of Editorial Board

Aboualhassan Bakry, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Inna A. Gvozdeva, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Mara Gubaidullina, Doctor of Science (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Piotr Dutkiewicz, Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Li, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Lyudmila V. Ponomarenko, Doctor of Science (History), Professor of Department of Foreign Languages, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Warikoo, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Nikolay I. Smolenskiy, Doctor of Science (History), Professor, specialist of the Center for Educational Activities "Conversations about important things", State University of Education, Moscow, Russian Federation

Ioannis Stefanidis, Professor, Aristotle University of Thessaloniki, Thessaloniki, Greece

Anatoliy M. Khazanov, Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

The journal is included in the RCNI White list, Russian Index of Science Citation (eLIBRARY.RU), DOAJ, Indexing by Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, Dimensions.

Aim and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles and review, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>

E-mail: histj@rudn.ru

Review Editor *O.V. Goryacheva*

Translation Editors *T.A. Maykova, A.A. Kudelin*

Layout Designer *I.A. Chernova*

Address of the editorial office:

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

***Общество и культура
античного Средиземноморья***

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Гвоздева Т.Б. Феаген с Фасоса на Олимпийских играх	269
Булычева Е.В. Порядок внесения арендной платы в договорах об аренде теменосов в Аттике второй половины IV в. до н.э.	281
Климов О.Ю. Культурная жизнь в городах Малой Азии эпохи эллинизма	293

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

Гвоздева И.А. Adjudicatio в римском земельном праве.....	307
Кириллова М.Н. Римское межевание: почему лимиты назывались «галльскими»?	313
Никишин В.О. Борьба с коррупцией в римских провинциях во II–I вв. до н.э.	328
Markov K.V. Human nature as a factor of Roman imperial history in the work of Cassius Dio (Человеческая природа как фактор истории императорского Рима в труде Кассия Диона).....	343
Пантелеев А.Д. Граффити Алексамена и история раннего христианства в Риме на рубеже II–III вв.	356

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

Хапаев В.В., Бараненко П.А. Трактат Константина Багрянородного «О фемах» как источник по исторической топонимике и этнонимике древней Анатолии.....	372
---	-----

ИСТОРИЯ ДОКОЛУМБОВОЙ АМЕРИКИ

Беляев Д.Д. Рабство у древних майя: терминология, экономические функции и правовой статус	387
Safronov A. Dynastic history of Saktz'i': new evidences of the Late Classic Ancient Maya kingdom (Династическая история Сакц'и: новые данные о царстве древних майя позднего классического периода).....	411

CONTENTS

*Society and Culture
of the Ancient Mediterranean*

THE HISTORY OF ANCIENT GREECE

Gvozdeva T.B. Theagenes of Thasos at the Olympic Games 269

Bulycheva E.V. The procedure of paying rent in the contracts for the lease of temenos in Attica in the second half of the 4th century BC..... 281

Klimov O.Yu. Cultural life in the cities of Asia Minor during the Hellenistic era 293

THE HISTORY OF ANCIENT ROME

Gvozdeva I.A. Adjudicatio in Roman land law 307

Kirillova M.N. Roman land surveying: why were the limites called “Gallic”? 313

Nikishin V.O. The fight against corruption in the Roman provinces in the 2nd–1st centuries BC..... 328

Markov K.V. Human nature as a factor of Roman imperial history in the work of Cassius Dio..... 343

Panteleev A.D. Alexamenos Graffito and the history of Early Christianity in Rome at the turn of the 2nd–3rd centuries 356

THE HISTORY OF BYZANTIUM

Khapaev V.V., Baranenko P.A. Constantine Porphyrogenitus’s treatise “De Thematibus” as a source on the historical toponymy and ethnonymy of ancient Anatolia..... 372

THE HISTORY OF PRE-COLUMBIAN AMERICA

Beliaev D. Slavery among the Ancient Maya: terminology, economic functions and legal status 387

Safronov A. Dynastic history of Saktz’i’: new evidences of the Late Classic Ancient Maya kingdom 411

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ THE HISTORY OF ANCIENT GREECE

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-3-269-280

EDN: QRHKLP

Научная статья / Research article

Феаген с Фасоса на Олимпийских играх

Т.Б. Гвоздева

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ tbgvozdeva@rambler.ru

Аннотация. Цель исследования — выяснить причины, по которым один из величайших атлетов античности Феаген с Фасоса так редко принимал участие в Олимпийских играх. Среди эллинских атлетов архаики и классики победа в Олимпии считалась самой значимой, и почетные перечни достижений атлетов всегда начинались победами в Олимпии. Однако, Феаген, карьера которого была одной из самых блестящих в истории античного спорта, только дважды принял участие в олимпийских соревнованиях. На основе письменных источников и данных эпиграфики автор показывает, что причины такого поведения атлета могли быть объяснены как социальным и финансовым положением семьи Феагена, а отсюда спецификой графика его участия в панэллинских и местных играх, так и особенностями организации Олимпийских игр. Статистический анализ данных хронологии побед Феагена дал возможность автору предположить, что если принять во внимание версию о том, что семья Феагена не принадлежала к аристократии Фасоса, то тогда это объясняет его желание участвовать в местных играх с ценными призами и нежелание терять месяц, предназначенный для тренировок перед Олимпийскими играми. Поэтому Феаген смог принять участие только в 75–76-й Олимпиадах, когда стал финансово независимым, где и одержал две победы, в кулачном бою и панкратионе. Дальнейшее же отсутствие Феагена на Олимпиадах связано с наложенным на него элладниками после поединка с Евфимом из Локр штрафом и последующим завершением карьеры.

Ключевые слова: кулачный бой, панкратион, Немейские игры, Истмийские игры, Павсаний

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 06.02.2026; принята к публикации 29.04.2026.

© Гвоздева Т.Б., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Гвоздева Т.Б. Феаген с Фасоса на Олимпийских играх // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 3. С. 269–280. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-269-280> EDN: QRHKLP

Theagenes of Thasos at the Olympic Games

Tatiana B. Gvozdeva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ tbgvozdeva@rambler.ru

Abstract. The purpose of the study is to find out the reasons why one of the greatest athletes of antiquity, Theagenes of Thasos, so rarely participated in the Olympic Games. Among the Hellenic athletes of the archaic and classical periods, victory in Olympia was considered the most honorable, and the honorable lists of athletes' achievements always began with victories in Olympia. However, Theagenes, whose career was one of the most brilliant in the history of ancient sports, only participated in Olympic competitions twice. Based on written sources and epigraphic data, the author shows that the reasons for the athlete's behavior could be explained both by the social and financial situation of Theagenes' family, and hence by the specifics of the schedule of his participation in the Panhellenic and local Games, as well as by the specifics of the organization of the Olympic Games. Statistical analysis of the chronology of Theagenes' victories allowed the author to assume that if we take into account the version that Theagenes' family did not belong to the aristocracy of Thasos, then this explains his desire to participate in local games with valuable prizes, and unwillingness to waste a month dedicated to training before the Olympic Games. Therefore, Theagenes was able to participate only in the 75th and 76th Olympiads, when he became financially independent, where he won two victories, in a boxing and in pankration. His further absence from the Olympics is due to the fine imposed on him by the Hellenicists after the duel with Euthymos of Lokri, and the subsequent end of Theagenes' career.

Keywords: boxing, pankration, Nemean Games, Isthmian Games, Pausanias

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 06.02.2026; accepted 29.04.2026.

For citation: Gvozdeva TB. Theagenes of Thasos at the Olympic Games. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(3):269–280. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-269-280> EDN: QRHKLP

Введение

75-я Олимпиада (480 г. до н.э.) вошла в историю греческой атлетики как игры, на которых произошел знаменитый поединок между действующим олимпийщиком по кулачным боям Евфимом из Локр и противостоявшим ему Феагеном с Фасоса, героем многих панэллинских и местных игр. Одолев Евфима, Феаген впервые стал олимпийщиком. Павсаний приписывает Феагену 1400 побед (Paus. VI. 11. 6), Плутарх — 1200 побед (Plut. Mor. 811d-e),

а в надписи из Дельф упоминается 1300 побед этого великого атлета (Delphes, inv. 3835 = Syll.3 36A) [1. С. 140]. Это был рекорд, который, вероятно, не имел аналогов в истории античного спорта [2. Р. 39–42], поэтому остается загадкой, по какой причине Феаген не имел до 480 г. до н.э. победного олимпийского венка, или, правильнее сказать, почему он не участвовал в Олимпиадах.

Победный список Феагена

Феаген, сын Тимосфена, родом с острова Фасос в северной части Эгейского моря, являлся одним из величайших эллинских атлетов-единоборцев V в. до н.э. Феаген занимался не только кулачным боем, но и панкратионом. Его многочисленные победы, которые он одерживал в течение 22 лет, были в основном в единоборствах: в кулачном бою и панкратии. В эпиграмме IV в. до н.э., с гордостью подчеркивается, что Феаген ни разу не проиграл за 22 года спортивной карьеры в кулачном бою (Delphes, inv. 3835 = Syll.3 36A) [1. С. 140]. Феаген был, видимо, очень разносторонним атлетом; он принимал также участие в легкоатлетических дисциплинах, таких как длинный бег¹. Дважды он был победителем на Олимпийских играх. В 480 г. до н.э. на 75-й Олимпиаде Феаген одержал победу в кулачном бою, а в 476 г. до н.э. (76-я Олимпиада) — в панкратии [3. С. 229; 4. Р. 19, 115; 5. Р. 163; 6. С. 66; 7. С. 306]. В Альтисе Олимпии ему была установлена статуя работы скульптора Главкия (Paus. VI. 11. 9). Кроме побед в Олимпии, Феаген трижды побеждал в кулачных боях на Пифийских играх, и по девять раз — на Истмийских и Немейских играх (Paus. VI. 11. 5). Одну из Пифийских побед он одержал ἀκονίτι («без пыли»), т.е. победил за явным преимуществом перед другими борцами. Такую победу одерживал атлет, фаворит состязаний, когда соперники отказывались от поединка с ним, сдаваясь без боя [1. Р. 140–141; 8]. Известны также две победы Феагена в панкратии на панэллинских играх — в 476 г. до н.э. на 76-й Олимпиаде, и на Истмийских играх в 486 г. до н.э. (?). За свою долгую карьеру он дважды становился периодоником в кулачном бою [9. С. 22], т.е. побеждал во всех играх периода².

С именем Феагена было связано несколько «рекордов» — достижений, которые были особо отмечены при перечне его побед в надписях

¹ «В Фтии же, городе Фессалии, он не стал добиваться победы в кулачном бою и в панкратии, но задумал прославиться среди эллинов в беге и одолел всех, кто вместе с ним выступил в прямом беге. По моему мнению, тут действовало у него честолюбие по отношению к Ахиллу — одержать победу в беге на родине самого быстрого из так называемых героев» (Paus. VI. 11. 5–6. Здесь и далее перевод С.П. Кондратьева).

² Играми периода назывались панэллинские игры, которые проводились в промежутке от одной Олимпиады до другой, т.е. в рамках одного олимпийского периода. Кроме Олимпийских игр, в игры периода входили Пифийские игры, а также Немейские и Истмийские игры. Если Олимпийские и Пифийские игры проводились один раз в четыре года, то Истмийские и Немейские игры проводились через два года [5. С. 131].

и посвящениях. Он стал первым атлетом, победившим на Олимпийских играх в двух дисциплинах — в кулачном бою и панкратионе³, также первым, кто победил в этих двух дисциплинах на Истмийских играх, т.е. сделал «дубль». Он первым одержал эти победы на Истмиях в один и тот же день.

Поединок Феагена с Евфимом из Локр

Впервые в Олимпии, насколько нам известно из источников, Феаген выступил на 75-й Олимпиаде (480 г. до н.э.), заявившись не только в кулачный бой, но и в панкратион. В финале кулачного боя он сошелся в поединке с олимпиоником прошлой, 74-й Олимпиады Евфимом из Локр. Эту историю подробно описал Павсаний: «Так вот и говорят, что Евфим был сыном этой реки. Одержав в Олимпии победу в кулачном бою в 74-ю олимпиаду, он не имел такого же успеха в следующую: Феаген с Фасоса, желая в одну и ту же олимпиаду получить победу и в кулачном бою, и в панкратии, в кулачном бою победил Евфима. Однако в панкратии Феаген не был в состоянии получить победной оливы, так как он выдохся уже в бывшей перед тем борьбе с Евфимом. За это гелланоидики наложили на Феагена „священный“ штраф в пользу бога в размере таланта и талант в пользу Евфима за причинение вреда, потому что, как они решили, он выступил в состязании кулачного боя из-за злобы и зависти к Евфиму; из-за этого они и присудили его заплатить эти деньги лично Евфиму. В 76-ю олимпиаду Феаген заплатил наложенный на него штраф в пользу бога, а в виде компенсации Евфиму он не выступил в состязании кулачных бойцов, поэтому и в эту и в следующую олимпиаду победный венок за кулачный бой получил Евфим» (Paus. VI. 6. 4–7). Таким образом, в 480 г. до н.э. Феаген впервые участвовал в Олимпийских играх, как в соревнованиях по кулачному бою, так и в соревнованиях по панкратиону. Он победил Евфима из Локр, но измотанный или травмированный в этом поединке [10], не смог принять участие в финале панкратиона, где, таким образом, обеспечил Дромею из Мантинеи легкую победу (πρῶτος ὧν ἴσμεν ἄκοιτι λᾶβεῖν), о которой также пишет Павсаний: «Что касается его подвигов во время состязания в Олимпии, то самое замечательное мною рассказано выше, как он в кулачном бою сражался с Евфимом и как элейцами был наложен на Феагена штраф. Тогда победу в панкратии, говорят, получил мантинеец Дромей, первым, насколько мы знаем, без боя; а в следующую олимпиаду в панкратии одержал верх Феаген» (Paus. VI. 11. 4–5). Элланодиков, олимпийских судей, видимо, смутил отказ Феагена от панкратиона, поэтому они оштрафовали его на огромную сумму в 2 таланта. Феаген очевидно

³ Рекорд Феагена смог превзойти Клитомах из Фив на 141-й Олимпиаде (216 г. до н.э.), когда он победил в панкратионе и кулачном бое на одной Олимпиаде (Moretti 1953, no. 584, 589; Paus. VI. 15. 3–4) [4. С. 161; 5. Р. 42; 6. С. 67; 7. С. 321].

стремился к тому, чтобы повторить в Олимпии свой «истмийский дубль», установить еще один рекорд, став в один день олимпиоником в кулачном бою и панкратионе. Павсаний отмечал, что судьи усмотрели в этом некую «зависть» Феагена к Евфиму, что якобы Феаген выступил в кулачном бою только назло Евфиму, потому что хотел победить в двух единоборствах на одной Олимпиаде⁴. Однако, Феаген заплатил часть штрафа, но на следующую, 76-ю Олимпиаду он не стал заявляться в кулачный бой, таким образом, как бы «отдав» победу Евфиму, однако, выиграл панкратион, став второй раз олимпиоником [11. С. 273; 3. Р. 229; 4. Р. 116].

Хронология побед Феагена

Чтобы составить послужной список Феагена, мы должны следовать данным дельфийской надписи (Delphes, inv. 3835 = Syll.3 36A), где упоминаются две олимпийские победы Феагена, три его Пифийские победы, девять Немейских и десять Истмийских⁵. Однако, эта надпись не предоставляет никакой временной информации, и датировать победы Феагена по ней не представляется возможным. Данные надписи из Дельф подтверждаются сведениями Павсания, который в дополнение к двум победам Феагена в Олимпии, также указывает на другие панэллинские и местные победы атлета: «У него были и на Пифийских состязаниях три победы, все в кулачном бою, девять на Немейских состязаниях и десять на Истмийских, вместе в панкратии и в кулачном бою» (Paus. VI. 11. 5–7). Основываясь на информации, переданной Павсанием и другими авторами, ученые пытались датировать успехи Феагена на крупных соревнованиях⁶. Дискуссия о датировке его побед продолжается и по сей день, но послужной список Феагена, общепринятый в современной литературе, выглядит следующим образом:

- 490 г. до н.э. — Истмийские игры (кулачный бой)
- 489 г. до н.э. — Немейские игры (кулачный бой)
- 488 г. до н.э. — Истмийские игры (кулачный бой)
- 487 г. до н.э. — Немейские игры (кулачный бой)
- 486 г. до н.э. — Истмийские игры («дубль» — кулачный бой и панкратион)
- 485 г. до н.э. — Немейские игры (кулачный бой)
- 484 г. до н.э. — Истмийские игры (кулачный бой)

⁴ Н. Николсон полагает, что эти олимпийские правила, должно быть, были придуманы. Во-первых, правило, запрещающее участвовать в соревнованиях по «плохим» причинам, слишком странное, чтобы ему можно было верить. Во-вторых, Феаген участвовал в соревнованиях по кулачному бою, потому что в первую очередь был именно лидером в этом виде спорта [10].

⁵ На Истмийских играх, помимо девяти побед в кулачных боях, Феаген также одержал победу в панкратионе.

⁶ Дискуссию о хронологии побед Феагена см.: [2. С. 35]; ср.: [12. Р. 51–53].

- 483 г. до н.э. — Немейские игры (кулачный бой)
- 482 г. до н.э. — Пифийские игры (кулачный бой)
- 482 г. до н.э. — Истмийские игры (кулачный бой)
- 481 г. до н.э. — Немейские игры (кулачный бой)
- 480 г. до н.э. — Олимпийские игры (кулачный бой)⁷
- 480 г. до н.э. — Истмийские игры (кулачный бой)
- 479 г. до н.э. — Немейские игры (кулачный бой)
- 478 г. до н.э. — Пифийские игры (кулачный бой)
- 478 г. до н.э. — Истмийские игры (кулачный бой)
- 477 г. до н.э. — Немейские игры (кулачный бой)
- 476 г. до н.э. — Олимпийские игры (панкратион)
- 476 г. до н.э. — Истмийские игры (кулачный бой)
- 475 г. до н.э. — Немейские игры (кулачный бой)
- 474 г. до н.э. — Пифийские игры (кулачный бой)
- 474 г. до н.э. — Истмийские игры (кулачный бой)
- 473 г. до н.э. — Немейские игры (кулачный бой)

Таким образом, на панэллинских играх Феаген одержал следующие победы:

- 1) Истмийские игры — 490, 488, 486 (кулачный бой и панкратион), 484, 482, 480, 478, 476, 474 гг. до н.э. Итого — 9 побед в кулачном бою и 1 победа в панкратионе;
- 2) Немейские игры — 489, 487, 485, 483, 481, 479, 477, 475, 473 гг. до н.э. Итого — 9 побед, все в кулачном бою;
- 3) Пифийские игры — 482, 478, 474 гг. до н.э. Итого — 3 победы, все в кулачном бою;
- 4) Олимпийские игры — 480 г. до н.э. (кулачный бой) и 476 г. до н.э. (панкратион). Итого — 2 победы.

Р. Кастро-Синтрас справедливо отмечает, что в свете этого впечатляющего послужного списка количество побед Феагена в Олимпии вызывает некие сомнения, так как для борца, непобедимого в течение 22 лет, одержание всего двух олимпийских побед кажется довольно скромным достижением [2. С. 35].

С одной стороны, у нас есть указание в надписи из Дельф, что Феаген за 22 года карьеры не имел поражений в кулачных боях. Исключением, о котором нам известно, стала неудача Феагена в панкратионе на 75-й Олимпиаде, где он отказался выступать в поединке из-за усталости или травмы, полученной в поединке с Евфимом. Таким образом, его непобедимость подразумевает, что он никогда не участвовал в Олимпийских играх до своей победы на 75-й Олимпиаде в кулачном бою. Хотя, возможно, что нам известны далеко не все победы Феагена, а именно, мы почти ничего

⁷ На 75-й Олимпиаде Феаген проиграл панкратион Дромею из Мантинеи «без пыли» [8].

не знаем о его многочисленных победах на местных играх. Видимо, далеко не все победы на играх указывались Павсанием и другими авторами, которые писали об атлетах. Так, например, до нас дошел список побед соперника Феагена Евфима из Локр, где названы только его победы в Олимпии (74-я, 76-я и 77-я Олимпиады — 484, 476, 472 гг. до н.э.) (Paus. VI. 6. 4–11). С другой стороны, именно победы в Олимпии старались всегда подчеркнуть в списках побед атлетов, поэтому сложно предположить, что в источниках «пропали» бы олимпийские победы Феагена.

Помимо указания о непобедимости Феагена, с одной стороны, с другой — нам известны имена победителей на Олимпиадах в кулачном бою до и после победы Феагена на 75-й Олимпиаде. Первые победы Феагена в кулачном бою, судя по всему, относятся к 490 г. до н.э. — победа на Истмийских играх, и к 489 г. до н.э. — победа на Немейских играх [2. С. 35; ср.: 12. Р. 51–53]. На 72-й Олимпиаде (492 г. до н.э.) победителем в кулачном бою стал Клеомед из Астипалеи, убивший в финальном поединке своего противника Икка из Эпидавра (Paus. VI. 9. 6–7; ср.: Plut. Rom. 28. 4–5) [5. С. 41; 7. С. 305]. Феаген явно не принимал участия в этой Олимпиаде, но он победил в кулачном бою на Истмийских играх в 488 г. до н.э., которые проводились после Олимпийских игр в тот же год. На следующей, 73-й Олимпиаде, в кулачном бою победу одержал Диогнет с Крита (Phot. Libr. 151a) [5. С. 53]. На 74-й Олимпиаде (484 г. до н.э.) победителем в кулачном бою стал Евфим, сын Астиклея из эпизефирильских Локр [5. С. 66; 7. С. 305]. Надо отметить, что к 75-й Олимпиаде Феаген подошел в положении «лидера сезона»⁸, и впервые появился в состязания по кулачному бою, где с большим трудом одолел Евфима из Локр⁹. Именно «конфликтом» с Евфимом и наказанием судей можно объяснить тот факт, что Феаген больше не участвовал на Олимпиадах в кулачных боях. Он якобы «уступил» Евфиму право на победную серию в Олимпиадах (Paus. VI. 6. 4–11) в счет части того штрафа, который на него наложили элланодики. Последняя победа Евфима на 77-й Олимпиаде примерно совпадает с окончанием карьеры Феагена (473 г. до н.э.), таким образом, мы видим, что этому великому атлету только один раз суждено было стать олимпиоником в кулачном бою.

Конечно, это была не последняя победа Феагена в Олимпии, не стоит забывать про его победу на 76-й Олимпиаде, но ее легендарный атлет одержал уже в панкратионе. О победах Феагена в панкратионе нам известно немного. Первое упоминание — это знаменитый «истмийский дубль» (486 г. до н.э.),

⁸ С периода с 74-й по 75-ю Олимпиады (= 484—480 гг. до н.э.) Феаген победил в кулачном бою на Истмийских играх 484 и 482 гг. до н.э., на Немейских 483 и 481 гг. до н.э., а также впервые на Пифийских играх в 482 г. до н.э.

⁹ Н. Николсон отмечает, что оба атлета должны были не раз сражаться друг с другом. Евфим, по-видимому, добился наибольших успехов в Олимпии, в то время как Феаген доминировал на других крупных панэллинских играх [10].

второе — проигрыш «без пыли» Дромею из Мантинеи на 75-й Олимпиаде (480 гг. до н.э.), и третье — победа на 76-й Олимпиаде (476 гг. до н.э.). Возможно, что «отдав» Евфиму победы в Олимпии, Феаген сосредоточился на других панэллинских состязаниях. Он одержал еще несколько побед в кулачном бою, но о его победах в панкратионе нам более не известно. Все-таки Феаген был в первую очередь кулачным бойцом, а его участие в панкратионе, возможно, связано с желанием уже известного своими победами кулачного бойца попробовать себя в другом единоборстве и стать первым победителем в этих двух состязаниях¹⁰.

Феаген и Олимпиады

Р. Кастро-Синтрас предполагает, что отсутствие Феагена на Олимпиадах связано, с одной стороны, с формой самих олимпийских соревнований, с другой — с уровнем благосостояния его семьи [2. С. 38], а также с вопросом хронологии его побед. Так, отсутствие атлета на играх в Олимпии в начале его карьеры, возможно, могло быть связано с правилами этих состязаний. После того, как по всей Элладе было объявлено священное олимпийское перемирие, спортсменам надо было собираться в Элиде. Там они должны были в течение месяца тренироваться под присмотром элланодиков [2. С. 38]. Если предположить, что Феаген происходил из небогатой семьи, то финансирование его спортивной карьеры было возможно, в основном, за счет призов на местных играх. Поэтому он не мог позволить себе «роскошь» потратить целый месяц на показательные тренировки в Олимпии, когда мог «заработать» призовые на местных играх.

Существуют две основные концепции о социальном статусе семьи Феагена, разработанные ведущими специалистами истории античного спорта. Г.В. Плекет предполагает, что Феаген происходил из знатной семьи своего города, а Д. Янг, наоборот, видит в Феагене человека низкого социального положения [15–17]. Таким образом, существуют две возможные модели развития карьеры Феагена.

Первая концепция состоит в том, что Феаген принадлежал к высшей аристократии Фасоса, и, следовательно, ему было доступно образование, в котором большое время уделялось спорту. Г.В. Плекет утверждает, что состязания изначально были исключительной прерогативой греческой элиты, и только в период поздней архаики с развитием местных игр открылись возможности для участия в них низших классов. Идея Г.В. Плекета основана, в частности, на стоимости спортивной жизни, включающей как спортивную подготовку, образ жизни атлета, так и поездки на места соревнований. Он отрицает, что большое количество спортсменов могло происходить из более

¹⁰ О желании Феагена уподобиться Гераклу см.: [13. Р. 383–384; 14. Р. 573, 580].

низшего сословия до V в. до н.э., поскольку местных игр, в которых они могли принимать участие, было все еще слишком мало, и это не позволило бы молодому спортсмену заработать достаточно денег для финансирования его участия в крупных панэллинских играх. Следовательно, до конца архаики спорт оставался прерогативой элиты, особенно на крупнейших соревнованиях. Однако это не мешало многообещающим молодым спортсменам, которые жили недалеко от мест проведения нескольких локальных соревнований, делать менее значимую спортивную карьеру. Согласно этой идее, учитывая удаленность Фасоса, маловероятно, что Феаген мог не принадлежать к городской элите [15]. С опорой на сведения Павсания о том, что отец Феагена был жрецом Геракла, можно предположить, что семья атлета достигла определенного благосостояния, и в 476 г. до н.э., когда Феаген заплатил штраф в размере одного таланта, у него уже было крупное состояние, полученное либо в результате призовых, либо по наследству [2. С. 153]. Д. Поттер заявляет, что Феаген был исключительно богат, в противном случае, невозможно объяснить тот факт, что он смог заплатить штраф в размере одного таланта, суммы, как он подчеркивает, которой было достаточно для того, чтобы в течение месяца содержать экипаж крупного военного корабля [18. С. 54].

Д. Янг, напротив, полагает, что в классический и архаический периоды всегда было много спортсменов из низших слоев общества [17. С. 163]. Тем не менее, критикуя теорию Г.В. Плекета, Д. Янг серьезно относится к его мнению о том, что бедным людям в архаической и классической Греции было бы очень трудно найти необходимые деньги и досуг для тренировок и поездок по Греции на панэллинские игры [17. Р. 158–162]. Д. Янг является сторонником концепции, согласно которой атлеты из низших классов могли финансировать свои карьеры за счет вознаграждений, присуждаемых победителям игр. Тем не менее, он ставит под сомнение принадлежность семьи Феагена к аристократии Фасоса [16. Р. 45–51; 17. С. 151–161]. По его словам, нет никаких официальных доказательств, подтверждающих то, что предки спортсмена занимали важные магистратуры. Кроме того, Д. Янг оспаривает утверждение Павсания, что отец Феагена, Тимоксен, был жрецом Геракла¹¹. Он не только отмечает, что Павсаний ошибся в имени отца Феагена, но также высказывает сомнение насчет его жреческой службы. Кроме того, Д. Янг полагает, что магистратуры, занимаемые братьями Феагена, были весьма скромные, и могли быть им предоставлены только благодаря спортивным успехам Феагена. Это оспаривание текста Павсания Д. Янгом подверглось критике со стороны М. Полякова. Он полагал, что тот факт, что отец Феагена

¹¹ Павсаний называет имя отца Феагена как Тимосфен, а не Тимоксен: «Недалеко от названных царей стоит статуя Феагена, сына Тимосфена с острова Фасоса. Жители Фасоса говорят, что Феаген не был сыном Тимосфена, но что Тимосфен был жрецом в храме Геракла на Фасосе и что с матерью Феагена сошелся Геракл, приняв образ Тимосфена» (Paus. VI. 11. 2).

был жрецом культа Геракла, вероятно, породил легенду о том, что Геракл был его отцом, а не представлял собой, как утверждает Д. Янг, позднюю переработку мифа о божественном происхождении атлета [19].

Г.В. Плекет также обращает внимание на непомерную стоимость спортивной карьеры атлета, и, в частности, карьеры Феагена. Остается не ясным, как тот мог финансировать свои тренировки и различные поездки на игры в детстве, если он не был из семьи, располагающей значительными финансовыми средствами. Признавая, что карьера Феагена, безусловно, принесла ему деньги в довольно большом количестве, он отмечает, что все равно это не позволяет понять, как атлет финансировал свою карьеру в раннем возрасте¹². Если его семья была богатой, то Феаген не зависел бы от различных доходов, полученных в результате побед, чтобы зарабатывать на жизнь [15. С. 81]. Д. Янг полагает, что Феаген зарабатывал деньги, одерживая победы среди атлетов младшей возрастной группы, «мальчиков», на панэллинских играх¹³.

Р. Кастро-Синтрас предполагает третий вариант развития событий. Феаген, возможно, не считал, что достиг того уровня физической подготовки, который необходим для победы в Олимпии, особенно с учетом того, что поражение являлось источником многочисленных унижений для спортсмена¹⁴. С этой точки зрения Феаген, возможно, предпочел сначала установить свое полное лидерство на Немейских и Истмийских играх, затем выиграть Пифийские состязания, и только потом претендовать на победу в Олимпии. Р. Кастро-Синтрас полагает, что гипотеза о том, что Феаген одержал свою первую олимпийскую победу в возрасте 20 лет, не позволяет объяснить небольшое количество побед спортсмена на Олимпийских играх. В то время как более поздняя победа, в середине карьеры в возрасте около тридцати лет, кажется более подходящей для его послужного списка. Феаген, возможно, начал свою карьеру в 496–494 гг. до н.э. и закончил в 474–472 гг. до н.э. [2. С. 39].

Заключение

Таким образом, отсутствие Феагена на 72–74-й Олимпиадах может объясняться тем, что атлет принимал участие в местных играх с ценными наградами, и не мог себе позволить потратить время на месяц, предназначенный для тренировок перед Олимпийскими играми, который атлеты должны были провести в Олимпии. Став уже финансово независимым, Феаген принял участие в 75–76-й Олимпиадах, где одержал две победы, в кулачном бою и панкратионе. Отсутствие Феагена на следующих Олимпиадах связано,

¹² Н. Кровтер полагает, что в V в. до н. э., атлеты постепенно становятся более профессиональными и могли зарабатывать на жизнь, участвуя в многочисленных греческих праздниках [20. Р. 7–8].

¹³ О младших возрастных группах спортсменов см.: [21].

¹⁴ О положении проигравших атлетов см.: [22].

с одной стороны, с тем, что он как бы «уступил» Евфиму из Локр первенство в Олимпии в кулачном бою, а с другой — что к моменту 77-й Олимпиады он уже завершал свою карьеру.

Список литературы / References

1. Crowther NB. *Sport in Ancient Times*. London; 2007.
2. Castro-Cintras R. *Théogénès de Thasos : l'illustre ou la vie du plus grand pugiliste antique*. Histoire. 2023.
3. Poliakoff MB. Greek combat sport and the borders of athletics, violence, and civilization. In: Futrell A, Scanlon ThF, eds. *Sport and Spectacle in the Ancient World*. Oxford, New York: Oxford University Press; 2021, p. 221–231. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199592081.013.14>
4. Harris HA. *Greek athletes and athletics*. London, 1964.
5. Golden M. *Sport in the ancient world from A to Z*. London, N.Y., 2004. <https://doi.org/10.4324/9780203497326> EDN: QTYHXP
6. Gvozdeva TB. Olimpioniks of ancient Greece — ‘Second after Heracles’. *RUDN Journal of World History*. 2016;(4):59–72. (In Russ.). EDN: XXAVBV
Гвоздева Т.Б. Олимпионики древней Эллады — «вторые после Геракла» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2016. № 4. С. 59–72. EDN: XXAVBV
7. Gvozdeva TB. Chronology of the Olympic games (from antiquity to the present day). In: Nikishin VO, ed. *Olimpiiskie igry v politike, povsednevnoi zhizni i kul'ture (ot antichnosti do sovremennosti)*. Saint Petersburg: Aleteiya publ.; 2021, p. 292–424. (In Russ.). EDN: TVHRCN
Гвоздева Т.Б. Хронология Олимпийских игр (от античности до наших дней) // Олимпийские игры в политике, повседневной жизни и культуре (от античности до современности) / отв. ред. В.О. Никишин. СПб. : Алетейя, 2021. С. 292–424. EDN: TVHRCN
8. Gvozdeva TB. Victory ‘dustlessly’ — victory by a clear advantage. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(3):356–380. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-356-380> EDN: SNNDUU
Гвоздева Т.Б. Победа «без пыли» — победа за явным преимуществом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 3. С. 356–380. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-356-380> EDN: SNNDUU
9. Ramba D. *Bestimmung der prägenden Wesenszüge im Sport der griechisch-römischen Antike*. PhD. Göttingen, 2014.
10. Nicholson N. The Athlete’s Body and the Rhetoric of Injury. *Classics@*. 2015;13(1). Available from: <https://classics-at.chs.harvard.edu/classics13-nicholson/> (accessed: 12 March 2026).
11. Young D. First with the Most: Greek Athletic Records and ‘Specialisation. In: *Greek Athletics*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2010, p. 267–283. <https://doi.org/10.1515/9781474469920-023>
12. Moretti L. *Iscrizioni agonistiche greche*. Roma; 1953.
13. Lunt D. The Heroic Athlete in Ancient Greece. *Journal of Sport History*. 2009;36(3):375–392.
14. Dillon MJP. Cult and Competition. In: Futrell A, Scanlon ThF, eds. *Sport and Spectacle in the Ancient World*. Oxford, New York: Oxford University Press; 2021, p. 567–591. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199592081.013.48>
15. Pleket HW. Games, prizes, athletes, and ideology. Some aspects of the history of sport in the Greco-Roman world. *Stadion. Internationale Zeitschrift für Geschichte des Sports*. 1975;1:49–89.

16. Young DC. Professionalism in Archaic and Classical Greek Athletics. *Ancient World*. 1983;7:45–51.
17. Young DC. *The Olympic myth of Greek amateur athletics*. Chicago; 1984.
18. Potter D. *The Victor's Crown: a History of Ancient Sport from Homer to Byzantium*. Oxford; 2012.
19. Poliakoff MB. Review of The Olympic Myth of Greek Amateur Athletics. *The American Journal of Philology*. 1989;110(1):166–171. <https://doi.org/10.2307/294962>
20. Crowther NB. The Ancient Olympic Games through the centuries. In: Schaus GP, Wenn SR, eds. *Onward to the Olympics: historical perspectives on the Olympic Games*. Wilfrid Laurier University Press; 2007, p. 69–80. <https://doi.org/10.51644/9781554581290-010>
21. Gvozdeva TB. Juniors age categories of athletes at the Panathenaic Games. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(3):243–256. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-243-256> EDN: CFTTOE
Гвоздева Т.Б. Младшие возрастные категории атлетов на Панафинейских играх // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 3. С. 243–256. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-243-256> EDN: CFTTOE
22. Roubineau J-M. Quand l'important était de gagner: Indignité de la défaite et stratégies athlétiques en Grèce ancienne. *Revue belge de philologie et d'histoire*. Antiquité-Ouheid. 2016;94(1):5–26. <https://doi.org/10.3406/rbph.2016.8872>

Информация об авторе:

Гвоздева Татьяна Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, 117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: tbgvozdeva@rambler.ru ORCID: 0000-0003-0400-4589. SPIN-код: 1913-852.

Information about the author:

Tatiana B. Gvozdeva — Phd in History, associate Professor of the department of World History, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198, Russian Federation, e-mail: tbgvozdeva@rambler.ru ORCID: 0000-0003-0400-4589. SPIN-code: 1913-852.

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-3-281-292

EDN: QPEPCI

Научная статья / Research article

Порядок внесения арендной платы в договорах об аренде теменосов в Аттике второй половины IV в. до н.э

Е.В. Булычева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская
Федерация

✉ bulychevalena@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования — представить, каким был порядок и как происходил процесс взимания платы за аренду теменосов в Аттике (области Афин) во второй половине IV в. до н.э. на основании эпиграфических данных. В качестве основного источника использованы данные эпиграфики, представляющие собой надписи об аренде, которые недостаточно изучены в современной историографии. На основе подробного анализа эпиграфических материалов показано, что существовали определенные способы сбора арендной платы. Сравнительный анализ сведений из Аттики и других областей Древней Греции (Феспий, Делоса) дает возможность предположить, что в греческих полисах в ходе аренды теменосов существовали общепринятые правила организации процесса взимания арендной платы, которые практически не менялись со временем. Выводы: арендная плата, которую получали арендодатели теменосов в Аттике второй половины IV в. до н.э., была невысокой, поскольку основным мотивом организации сделки являлось не получение значительного устойчивого дохода, а обеспечение должного ухода за священными участками. В Аттике второй половины IV в. до н.э. существовал строгий порядок взимания арендной платы, за осуществлением которого следили специальные должностные лица, как правило, демархи или управляющие религиозным сообществом. Они также контролировали процесс распределения средств, полученных от сдачи в аренду теменосов.

Ключевые слова: Афинский полис, эпиграфика, сумма платежа, священные земли, гражданин, условия договора, арендаторы

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 13.02.2026; принята к публикации 20.04.2026.

© Булычева Е.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Булычева Е.В. Порядок внесения арендной платы в договорах об аренде теменосов в Аттике второй половины IV в. до н.э. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 3. С. 281–292. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-281-292> EDN: QPEPCI

The procedure of paying rent in the contracts for the lease of temenos in Attica in the second half of the 4th century BC

Elena V. Bulycheva

Russian State University for the Humanities, *Moscow, Russian Federation*

✉ bulychevalena@yandex.ru

Abstract. The purpose of this study is to present the order and process of collecting rent for temenos rentals in Attica (the region of Athens) in the second half of the 4th century BC, based on epigraphic data. As the main source, the author uses epigraphic data, which are inscriptions about rent, which are not sufficiently studied in modern historiography. Based on a detailed analysis of epigraphic materials, it is shown that there were certain ways of collecting rent. A comparative analysis of information from Attica and other regions of Ancient Greece (Thespieae, Delos) suggests that Greek polis had generally accepted rules for organizing the process of collecting rent during the lease of temenos, which remained largely unchanged over time. The following conclusions have been drawn: the rents received by the landlords of the temenos in Attica in the second half of the 4th century BC was low, as the main motive for organizing the transaction was not to generate significant and sustainable income, but to ensure proper care for the sacred sites. In the second half of the IVth century BC, Attica had a strict system of collecting rents, which was overseen by special officials, such as demarchs or religious community managers. They also controlled the distribution of funds received from the rental of temenos.

Keywords: Athenian polis, epigraphy, payment amount, sacred lands, citizen, contract terms, tenants

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 13.02.2026; accepted 20.04.2026.

For citation: Bulycheva EV. The procedure of paying rent in the contracts for the lease of temenos in Attica in the second half of the IVth century BC. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(3):281–292. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-281-292> EDN: QPEPCI

Введение

Начиная с эпохи существования цивилизаций Древнего Востока, в социально-экономическом развитии общества большое значение имела аренда земли. В Древней Греции в аренду сдавались различные виды земельных участков. На территории Афин и их области Аттики

археологи обнаруживают каменные стелы с надписями об аренде теменосов¹. Большинство из них относится к IV в. до н.э. [1. С. 21]. В каждом таком документе подробно представлены условия, на основании которых проходит сделка по аренде. В качестве арендаторов указаны частные лица (граждане полиса), а арендодателями в большинстве случаев являлись представители святилищ (отдельные лица, например, управляющие храмовой организацией, а также целые религиозные сообщества) [1. С. 102]. К сожалению, в историографии этот источник малоизучен. Можно назвать лишь некоторые работы, в которых при рассмотрении экономических вопросов привлекается данный эпиграфический материал. В российской историографии некоторые надписи об аренде теменосов исследованы В.Н. Андреевым [2]. Среди зарубежных следует отметить работы М. Уолбэнка [3] и Р. Осборна [4]. Как правило, исследователи привлекают отдельные сведения аттических надписей, рассматривая различные вопросы, связанные с развитием аграрных отношений в Аттике. При этом многие проблемы экономической деятельности в Афинском полисе остаются практически неизученными. В связи с этим рассмотрим один из важнейших вопросов социально-экономического развития Афин — взимание арендной платы в процессе сдачи в аренду теменосов в Афинском полисе во второй половине IV в. до н.э.

Хронологические рамки исследования обусловлены прежде всего наличием источников, поскольку большинство эпиграфических материалов относится к названному периоду. При этом в историографии вопрос о внесении платы за аренду теменосов во второй половине IV в. до н.э. практически не затрагивался. В.Н. Андреев частично обращался к этой теме в связи с изучением общественной земельной собственности в Аттике [2. С. 50]. Р. Осборн рассматривал проблему взимания арендной платы в связи с изучением состава арендаторов в разных областях Древней Греции [4. С. 287]. Таким образом, отсутствуют специальные исследования о порядке взимания платы за аренду теменосов во второй половине IV в. до н.э., хотя изучение этого вопроса представляется весьма важным, поскольку позволит более комплексно проанализировать ситуацию с развитием аграрных отношений в Афинском полисе и даст возможность представить характер организации и финансирования земельных сделок, связанных с распоряжением священными землями. В рамках нашего исследования проанализированы некоторые тексты надписей, относящихся ко второй половине IV в. до н.э., в которых представлена весьма подробная информация о ходе аренды священных земельных участков и представлена система внесения арендной платы. Эти договоры об аренде теменосов содержатся в сборниках эпиграфических

¹ В Древней Греции теменосами являлись священные участки, которые располагались на территории храма. Они могли представлять собой сады, полевые угодья, а также рощи и даже овраги. В ряде случаев их собственником являлся полис, но теменосы также поступали в распоряжение отдельных подразделений, например, демов или религиозных сообществ.

материалов, опубликованных Й. Кирхнером и Х. Плекетом². Мы уделили внимание прежде всего тем текстам, в которых содержится больше всего информации по интересующему нас вопросу, кроме того, использован дополнительный материал, в частности, аттические надписи, которые датируются V и III вв. до н.э., а также некоторые договоры о сдаче в аренду священных земель из других районов греческого мира. Привлечение такого дополнительного материала позволило провести сравнительный анализ по ряду вопросов, что дало возможность более комплексно изучить порядок взимания арендной платы, а также оценить масштаб и значение этого мероприятия.

Арендная плата в договорах об аренде теменосов в Аттике второй половины IV в. до н.э.

Начиная с VI в. до н.э. в Аттике стала распространяться аренда земли [2. С. 49]. В аренду поступали частные земли, а также территории, которые находились в распоряжении демов, фратрий (территориально-административных подразделений греческого полиса) и религиозных сообществ [1. С. 7]. Зачастую в аренду сдавались теменосы. По-видимому, одним из основных мотивов передачи священных земельных участков в аренду являлось стремление арендодателей (демов и религиозных организаций) к сохранности и поддержанию в цветущем состоянии данного земельного фонда. Скорее всего, эта забота стала проявляться еще более очевидно во второй половине IV в. до н.э., после завершения Пелопоннесской войны, когда многие земли Афинского полиса пострадали от военных действий и нуждались в сохранении и восстановлении³. Интересно отметить, что в тексте некоторых надписей об аренде, относящихся к середине IV в. до н.э., содержится предупреждение о возможности прихода вражеского войска, несмотря на окончание военных действий, что свидетельствует о неспокойной обстановке в Афинах (IG. II². 2492. 20; IG. II². 1241. 15).

С арендаторов (частных лиц) взималась арендная плата, которая могла использоваться для поддержания жизнедеятельности святилищ [3. С. 210].

² Сборник эпиграфических материалов, изданный под редакцией Й. Кирхнера — *Inscriptiones Graecae. Consilio et auctoritate academiae litterarum Borussicae*. Vol. II—III. Berlin, 1924. В историографии существует его общепринятое сокращение, как IG. II². При этом традиционной является запись этого сокращения, после чего указывается номер, под которым документ записан в сборнике, а также строки, содержащие необходимую информацию. Некоторые тексты надписей собраны в труде Х. Плекета (Pleket, H.W. *Epigraphica*. Vol. I. *Texts on Economic History of the Greek World*. Leiden: Brill, 1964). В историографии используется сокращение названия, как Pleket, с указанием номера надписи и соответствующих строк. Эти общепринятые сокращения применяются в статье.

³ Пелопоннесская война (431–404 гг. до н.э.) между Афинами и Спартой завершилась поражением Афинского полиса. Последствия этого события весьма негативно повлияли на экономическое развитие Афин.

В частности, полученные средства расходовались на организацию жертвоприношений, уплату налогов, а также на покупку некоторых строительных материалов, необходимых для постройки и ремонта хозяйственных и культовых помещений [5. С. 114]. На основании материалов некоторых эпиграфических памятников постараемся представить, какую плату за аренду следовало вносить арендаторам теменосов. В договоре, посвященном сдаче в аренду священных участков земли демом эксонейцев, говорится о том, что арендатор должен внести 152 драхмы в течение сороколетнего периода (IG. II². 2492. 1, 3). До нашего времени также хорошо сохранились две каменные стелы, на которых запечатлены тексты договоров об аренде теменосов на территории дема Пирея. В договоре о сдаче в аренду мастерской на земле, посвященной Герою, имя которого не известно, речь идет о необходимости внесения арендной платы, общая сумма которой составляет 1000 драхм (IG. II². 30). В другой надписи из Пирея, посвященной сдаче в аренду теменосов Тесея, Паралии и Галмириды, относящейся к 30-м гг. IV в. до н.э., речь идет об уплате 10 драхм ежегодно (IG. II². 2498. 3). В надписи о передаче в аренду теменосов оргеонов Иатра, датированной концом IV в. до н.э., сказано о том, что арендатору необходимо вносить 20 драхм каждый год в течение тридцатилетнего арендного срока (Pleket. 43. 5, 6). В договоре, посвященном передаче в аренду теменоса оргеонов Героя Эгрета, говорится об уплате 200 драхм ежегодно (IG. II². 2499. 2).

Таким образом, суммы арендной платы очень разные, что, по-видимому, связано с определенными обстоятельствами. Подробное освещение этого вопроса — предмет отдельного исследования, но некоторые факторы, влияющие на сумму платы за аренду теменосов, следует назвать. Можно предположить, что имел значение размер земельных участков, а также характер работ, которые предполагалось выполнить [5. С. 60]. При этом сумма арендной платы в представленных договорах, по-видимому, не была высокой, поскольку ее можно сравнить с теми средствами, которые вносили арендаторы в других случаях. Например, в договоре об аренде священного участка, которым распоряжался дем диалейцев (надпись относится к концу IV — началу III в. до н.э.), предписано арендаторам вносить 600 драхм ежегодно (IG. II². 1241. 10). Такая арендная плата гораздо выше, чем та, что взималась во второй половине IV в. до н.э. Характерно также, что подобные суммы арендной платы названы в надписях об аренде теменосов из Феспий, которые относятся к началу III в. до н.э. [4. С. 298]. Кроме того, в нашем распоряжении есть немного источников, содержащих информацию о передаче в аренду частных земель. Исходя из сведений этих документов, можно заключить, что указанная в них сумма арендной платы могла быть весьма высокой и часто составляла 500–600 драхм ежегодно [6. С. 54]. Можно предположить, что при сдаче в аренду частных земель учитывались стоимость и степень доходности объекта, сдающегося в аренду. В отличие

от сдачи в аренду священных земель арендодателями были не сообщества, а частные лица, имевшие свои мотивы, заключающиеся прежде всего в получении материальной выгоды. У арендодателей теменосов были другие задачи: обеспечить процветание священных земель, восстановить их после разрушений военных лет. Подтверждением этого служит то, что в договорах об аренде теменосов постоянно предусматривается проведение сельскохозяйственных и ремонтных работ, что позволяло поддерживать теменосы в хорошем состоянии [IG. II². 2492. 25; IG. II². 2493. 18, 20, 23; IG. II². 2499. 30, 35].

Порядок взимания платы за аренду теменосов в Аттике во второй половине IV в. до н.э.

Подробный анализ содержания текстов надписей об аренде священных участков земли из Аттики второй половины IV в. до н.э. показывает, что, как правило, арендаторы вносили плату за аренду в месяце, который указан в договоре. Судя по содержанию надписей, в каждом конкретном случае был представлен определенный срок взимания платы за аренду теменосов. Так, например, в договоре о сдаче в аренду теменоса оргеонов Иатра сказано о необходимости уплаты в месяце таргелионе (Pleket. 43. 11). В надписи, предписывающей передачу в аренду священной земли оргеонов Героя Эгрета, речь идет об уплате в течение двух месяцев — боздромиона и элафеболиона (IG. II². 25). В договорах об аренде теменосов, в которых арендодателями выступают пирейцы, предусмотрено несколько сроков выплаты арендной платы. Сообщество китерийцев из Пирея требует от арендатора вносить плату за аренду два раза в течение года. Одна часть должна быть внесена в месяце гекатомбеоне, а оставшаяся — в течение посеидеона (IG. II². 2496. 14). В договоре о передаче в аренду теменосов, находящихся на территории Пирея, сказано, что плата также вносится в течение месяцев гекатомбеона и посеидеона (IG. II². 2498. 12). На основании этих данных можно предположить, что плата за аренду священных земель в Аттике второй половины IV в. до н.э. не зависела от каких-то общепринятых правил, а устанавливалась на местном уровне в зависимости от требований коллектива — арендодателя (дема или религиозного сообщества). При этом характерно, что в основном все указанные месяцы соответствуют осенне-летнему периоду. Возможно, это была специфика Афинского полиса, поскольку в это время могла завершаться предыдущая арендная сделка и начиналась новая, что было связано с графиком сельскохозяйственных работ в этом регионе [7. С. 47]. При этом характерно, что в Пирее сроки внесения платы за аренду теменосов были одинаковые. В двух разных надписях указаны месяцы гекатомбеон и посеидеон, в течение которых должна проводиться выплата арендной платы. По-видимому, можно постараться найти этому некоторое объяснение. Изучение

текстов надписей, сохранившихся до нашего времени, с территорий Делоса и Гераклеи показывает, что примерно в такие же сроки, как и в Пирее, арендатор вносит арендную плату за теменосы [8. С. 275]. Скорее всего, это связано с тем, что в этих случаях в аренду сдавались теменосы, на землях которых располагались пастбища и сроки внесения арендной платы зависели от продажи и получения приплода скота [8. С. 277].

Говоря о порядке взимания арендной платы в договорах о сдаче в аренду священных территорий в Афинах, следует отметить, что, по-видимому, существовало два способа организации этого процесса. С одной стороны, были священные земли, которые передавались в аренду в централизованном порядке. Аристотель сообщает, что такие земли сдавались в аренду властью полиса на десять лет, а перечисление полученных средств происходило в девятую пританию под контролем архонта-басилевса (Arist. Ath. Pol. 47. 4). До нашего времени также сохранилась надпись, датированная 418/417 гг. до н.э., в которой содержится информация о передаче в аренду храмового комплекса Кодра, Нелея и Басилея (IG. I². 94). В ней сообщается о том, что взимание арендной платы проводится ежегодно архонтом-басилевсом, которому следует отчитываться о полученной арендной плате перед Советом и Народным собранием Афин (IG. I². 94). В централизованном порядке также сдаются в аренду священные участки, которые находились в Элевсине. В надписи, датированной примерно 350 г. до н.э., речь идет о создании целой комиссии, которая должна заниматься сбором средств от сдачи земли в аренду (IG. II². 204. 14). В ее состав включаются должностные лица, среди которых названы басилевс и жрецы храма (IG. II². 204. 14). Важно отметить, что подобный процесс взимания арендной платы также существовал в других районах Древней Греции. Например, в надписи с территории Аморгоса, датируемой началом III в. до н.э., сказано о том, что контроль за сбором средств от аренды земель центральных святилищ осуществляют должностные лица полиса — наопеи (IG. II. XII. 7. 62). В Гераклеи этот вопрос контролировали полианомы, которые являлись высшими должностными лицами полиса (IG. XIV. 645. 1). В Феспиях этим вопросом занимаются управляющие (эпимелеты) храма Муз [4. С. 289].

Судя по информации договоров об аренде теменосов в Аттике, находящихся в распоряжении отдельных подразделений полиса (демов и религиозных сообществ) во второй половины IV в. до н.э., контроль за сбором арендной платы осуществляли представители местной власти. В первую очередь наблюдение за поступлением средств проводил демарх⁴. В надписи, посвя-

⁴ Демарх являлся высшим должностным лицом дема. Ежегодно он переизбирался на общем собрании демотов. Его основные полномочия заключались в том, что он созывал собрание граждан дема, проводил в жизнь их решения, а также ведал сбором налогов, штрафов. Он также следил за их поступлением в общую казну дема и нес ответственность за своевременный перевод части средств в общеполисную казну.

щенной сдаче в аренду теменосов в деме Тейтры, содержится подробная информация о том, какой установлен порядок сбора арендной платы. В частности, сказано, что в присутствии демарха Евтиппа принято постановление собрания всех граждан дема, в соответствии с которым демарх должен записать, что сдается в аренду, а также указать, какую сумму арендной платы следует собрать ежегодно (Pleket. 41. 7, 8). Характерно, что перечислены все священные участки, за аренду которых необходимо взимать плату. В частности, названы теменосы Геракла, Датила и Зевса. Далее в тексте договора следует подробное предписание о том, что следует поставить каменную стелу, на которой необходимо перечислить все сданные в аренду теменосы с указанием арендной платы за каждый священный участок, переданный в аренду (Pleket. 41. 20). При этом отмечается, что арендаторы должны вносить плату ежегодно демарху в течение месяца элафеболиона (Pleket. 41. 35). В других договорах об аренде священных земель из Аттики второй половины IV в. до н.э., к сожалению, не содержится такой подробной информации, но некоторые сведения можно извлечь. В надписи о передаче в аренду священного участка эксонейцев, а также в договоре о сдаче в аренду теменосов, расположенных на территории Пирея сказано, что необходимая сумма арендной платы взимается в присутствии высшего должностного лица дема, т.е. демарха (IG. II². 2492. 35–40; IG. II². 2498. 3–4). При этом в надписи о передаче в аренду священных земель, находящихся в распоряжении дема Эксоны, сказано, что вместе с демархом сбор арендной платы осуществляют казначеи, которые должны проследить за тем, чтобы плата, полученная от арендаторов, поступила своевременно, а условия договора следует записать на двух каменных стелах и установить их в наиболее посещаемых местах на территории дема (IG. II². 2492. 24).

В договорах об аренде теменосов, где в качестве арендодателей указаны культовые сообщества, также установлен определенный порядок взимания арендной платы. В надписи, посвященной передаче в аренду теменоса Героя Эгрета, говорится о том, что арендатор должен передавать плату за аренду управляющим оргеонов. При этом четко установлен порядок оплаты. В договоре сказано, что арендная плата вносится ежегодно, 100 драхм следует уплачивать в начале месяца боэдромиона, а остальная такая же сумма вносится первого числа в элафеболионе (IG. II². 2499. 20, 21). При этом интересно, что речь идет о внесении арендной платы «кому-то из управляющих оргеонами». В нашем распоряжении, к сожалению, нет точных сведений о том, что представляли собой оргеоны. В историографии существуют споры об их статусе. Исследователи полагают, что они могли быть религиозным или родовым сообществом [9. С. 45]. При этом опираясь на данные эпиграфических материалов, можно с уверенностью говорить о существовании у них определенной системы управления [10. С. 200]. Точное название управляющих сбором арендной платы среди оргеонов не указано в источниках, но можно

сделать некоторые предположения. Благодаря сведениям эпиграфических материалов известно, что администрацию оргеонов возглавлял гестиатор, его помощниками являлись эпимелеты и казначеи [9. С. 56]. Скорее всего, за сбор арендной платы с теменосов могли отвечать эпимелеты, поскольку по сведениям из других надписей известно, что взимание средств являлось одним из их полномочий [1. С. 57]. При этом дальнейшее распределение средств, скорее всего, осуществлял гестиатор, который обязан был следить за организацией жертвоприношений и других мероприятий, проводимых оргеонами [10. С. 199].

В другой надписи, повествующей о передаче в аренду оргеонами теменоса Иатра, не содержится подробных сведений о порядке взимания арендной платы, но сказано, что сбор средств от аренды возлагается на оргеонов и гражданина Харопса (Pleket. 43. 2). На основании этой информации можно сделать некоторые предположения. Возможно, что в данном случае оргеоны не в полной мере располагали гражданскими правами. В связи с этим право на контроль за исполнением условий аренды теменоса сообщество осуществляло совместно с афинским гражданином, которому полис доверяет такие действия [11. С. 75].

Система распределения арендной платы по сведениям договоров об аренде теменосов из Аттики второй половины IV в. до н.э.

До нашего времени не сохранились подробные сведения о том, как происходило распределение средств, полученных от взимания арендной платы в процессе аренды теменосов в Аттике второй половины IV в. до н.э. Тем не менее, на основании фрагментарных сведений, полученных из источников, можно сделать некоторые предположения. Так, в надписи о сдаче в аренду священных земель Кодра, Нелея и Басилея сказано, что собранная арендная плата передается в Сокровищницу богов, из которой она может быть взята на проведение жертвоприношений (IG. I². 94. 16–18). Интересно отметить, что подобное распределение арендной платы, полученной от передачи в аренду теменосов, происходило на Делосе. В надписи о сдаче в аренду священной земли Аполлона говорится, что одна часть средств, полученных от аренды, передавалась в Буле (совет всего Делоса), а другая тратилась должностными лицами эпистатами на организацию многочисленных жертвоприношений [12. С. 154]. Конечно, в указанных случаях речь идет о распределении средств с территорий, которые были под контролем всего полиса, но можно предположить, что в случае получения арендной платы отдельными коллективами подобная практика сохранялась. В частности, в договоре о сдаче в аренду теменоса Героя Эгрета оргеонами говорится, что арендодатели совершают ежегодно жертвоприношения в течение месяца боэдромиона и в это время следует

обеспечить все необходимое (мебель и угощения) для проведения церемоний (IG. II². 2499. 20, 23, 25). Примечательно, что, судя по сведениям надписи, сбор арендной платы и проведение жертвоприношений происходит в одно и то же время (месяц боэдромион). При этом следует заметить, что взимание платы за аренду предусмотрено в начале месяца, а церемонии устраиваются в течение всего боэдромиона. В связи с этим можно предположить, что порядок взимания арендной платы был тесно связан с ее последующими тратами.

По-видимому, с помощью получения арендной платы могли быть покрыты расходы на строительные и ремонтные работы, которые проводились на землях теменосов. В Элевсинском декрете 352/1 г. до н.э. говорится о том, что прибыль от сдачи теменосов в аренду может быть использована для постройки портика и ремонта храма богинь (IG. II². 204. 24, 26, 27). В надписях об аренде теменосов из Аттики второй половины IV в. до н.э. мы не встречаем таких прямых указаний, но в некоторых текстах прослеживаются подобные предписания. В договоре из Пирея предусмотрено, что аренда продолжается в течение десяти лет и, когда арендаторы проводят последнюю выплату (на десятый год аренды), начинаются ремонтные работы по восстановлению крыши какого-то помещения (к сожалению, из-за плохой сохранности текста трудно установить его назначение) (IG. II². 2498. 25). Опираясь на эти сведения, можно предположить, что демом было предусмотрено перечисление некоторых средств, полученных от аренды, на проведение этих работ.

Заключение

Проанализировав сведения договоров об аренде теменосов из Аттики второй половины IV в. до н.э., можно сделать некоторые выводы. Во-первых, судя по сохранившимся данным эпиграфики, сумма арендной платы не была высокой. Во-вторых, ее уплата допускалась в течение длительного времени, как правило, предполагалось несколько сроков внесения. Возможно, такие льготные условия существовали по той причине, что аренда теменосов воспринималась гражданами Афинского полиса как особого рода литургическая обязанность. Основным мотивом такой аренды, скорее всего, было стремление гражданского коллектива проявить заботу о священных землях без получения какой-либо экономической прибыли для самих себя. Тем не менее, полисные власти тщательно следили за выполнением всех условий арендного соглашения, стремясь не допускать каких-либо нарушений, поскольку заключение договора об аренде священной земли в Афинах, по-видимому, было некоторым проявлением правовых норм Афинского полиса в области земельных отношений. Порядок взимания арендной платы в договорах об аренде теменосов в Аттике устанавливался централизованно и на местном уровне.

Сравнение сведений об аренде теменосов из Афин с информацией о подобных сделках в других областях Греции дает возможность судить о том, что подобная практика являлась общепринятой и сохранялась на протяжении длительного времени.

Список литературы

1. Булычева Е.В. Древняя Аттика в конце V–IV вв. до н.э.: распоряжение общественной землей в полисе : монография. М. : РГГУ, 2018. EDN: YVWWZN
2. Андреев В.Н. Аттическое общественное землевладение V–III вв. до н.э. // Вестник древней истории. 1967. № 2 (100). С. 48–77.
3. Walbank M.B. Leases of sacred properties in Attica // *Hesperia*. 1983. Vol. 52. Part. IV. P. 207–231.
4. Osborne R. Social and economic implications of the land and property in classical and hellenistic Greece // *Chiron*. 1988. Vol. 18. P. 279–323. <https://doi.org/10.34780/cx6a-brmc>
5. Булычева Е.В. Священные земли Аттики в конце V–IV вв. до н.э. : монография. М. : РУСАЙНС, 2025.
6. Глушкина Л.М. Аренда земли в Аттике IV в. до н.э. // Вестник древней истории. 1968. № 2 (104). С. 42–58.
7. Michl H. *The Economics of Ancient Greece*. Cambridge : Cambridge Academ, 2014.
8. Kent J.H. The Temple Estate of Delos, Rheneia and Myconos // *Hesperia*. 1948. Vol. 17. № 4. P. 267–285.
9. Jones N.F. *The Associations of Classical Athens. The response to Democracy*. Oxford : Oxford University Press, 1999. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195121759.001.0001>
10. Устинова Ю.Б. Частные культовые сообщества у греков (Аттика VI — IV вв. до н.э.) // Быт и история в античности. М. : Наука, 1988. С. 192–218.
11. Ferguson W.S. The Attic orgeones // *Harward Theological Review*. 1944. Vol. 37. № 2. P. 61–140. <https://doi.org/10.1017/S0017816000019143>
12. Лопухова О.Б. Некоторые вопросы аренды храмовых земель на Делосе // Вестник древней истории. 1985. № 1 (172). С. 139–160.

References

1. Bulychева E.V. *Drevnyaya Attika v kontse V–IV vv. do n.e. Rasporyazhenie obshestvennoi zemlyei v polise* [Ancient Attica in the late 5th and 4th centuries B.C. Management of public land in the polis]. Moscow: RGGU publ., 2018. (In Russ.). EDN: YVWWZN
2. Andreev V.N. Attic public landownership from the Fifth to the Third Centuries B.C. *Vestnik drevnei istorii*. 1967;(2):48–77. (In Russ.).
3. Walbank M.B. Leases of sacred properties in Attica. *Hesperia*. 1983;52(4):207–231.
4. Osborne R. Social and economic implications of the leasing of land and property in classical and hellenistic Greece. *Chiron*. 1988;(18):279–323. <https://doi.org/10.34780/cx6a-brmc>
5. Bulychева E.V. *Svyashchennye zemli Attiki v kontse V–IV vv. do n.e.* [The Sacred lands of Attica in the late 5th and 4th centuries B.C.]. Moscow: RUSAJNS publ.; 2025. (In Russ.). EDN: FMRBIN
6. Glushkina L.M. The renting of land in fourth century Attica. *Vestnik drevnei istorii*. 1968;(2):42–58. (In Russ.).
7. Michl H. *The Economics of Ancient Greece*. Cambridge: Cambridge Academ; 2014.
8. Kent J.H. The Temple Estate of Delos, Rheneia and Myconos. *Hesperia*. 1948;17(4):267–285.
9. Jones N.F. *The Associations of Classical Athens. The response to Democracy*. Oxford: Oxford University Press; 1999. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195121759.001.0001>

10. Ustinova JB. *Chastnye kul'tovye soobshestva u grekov (Attika VI–IV vv. do n.e.)*. [Private Cult Communities among the Greeks (Attica, VI–IV th Centuries BC.)]. In: *Everyday Life and History in Antiquity*. Moscow: Nauka publ.; 1988, P. 192–218. (In Russ.).
11. Ferguson WS. The Attic orgeones. *Harward Theological Review*. 1944;37(2):61–140. <https://doi.org/10.1017/S0017816000019143>
12. Lopuhova OB. Some data on the renting of temple lands in Delos. *Vestnik drevnei istorii*. 1985;(1):139–160. (In Russ.).

Информация об авторе:

Булычева Елена Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6, e-mail: bulychevalena@yandex.ru ORCID: 0009-0000-2117-7671. SPIN-код: 8851–9945.

Information about the author:

Elena V. Bulycheva — Phd in History, associate professor of the department of World History, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russian Federation, e-mail: bulychevalena@yandex.ru ORCID: 0009-0000-2117-7671. SPIN-code: 8851-9945.

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-3-293-306

EDN: QOPJAN

Научная статья / Research article

Культурная жизнь в городах Малой Азии эпохи эллинизма

О.Ю. Климов

Санкт-Петербургский государственный университет, *Санкт-Петербург, Российская Федерация*

✉ o.klimov@spbu.ru

Аннотация. Охарактеризована культурная жизнь городов Малой Азии кон. IV–I вв. до н.э. Источники показывают весьма высокий уровень общественной деятельности и культурной жизни в городах. В полисах была создана благоприятная среда: успешно развивалась экономика, поддерживались широкие контакты с другими греческими городами всего Средиземноморья, осуществлялось благоустройство полисов, строительство театров, одеонов, храмов. В театрах ставили спектакли, авторами которых нередко были драматурги местного происхождения, существовали собственные научные, художественные, философские, медицинские школы. В полисах Малой Азии сложился достаточно многочисленный слой людей творческих профессий: скульпторы, архитекторы, ученые, философы, художники, учителя, врачи и др., многие из которых обучались в своих городах. Наряду с ними в культурную жизнь была вовлечена значительная часть полисного населения. На основе комплексного анализа широкого круга нарративных, эпиграфических и археологических источников показано, что в эллинистический период в городах Малой Азии культура получила весьма значительное развитие, и регион превратился в один из важнейших центров греческой культуры.

Ключевые слова: эллинистический город, культура, полис, театральные агоны, спортивные агоны, музыкальные агоны, техниты Диониса

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18.01.2026; принята к публикации 20.04.2026.

Для цитирования: *Климов О.Ю.* Культурная жизнь в городах Малой Азии эпохи эллинизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 3. С. 293–306. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-293-306>
EDN: QOPJAN

Cultural life in the cities of Asia Minor during the Hellenistic era

Oleg Yu. Klimov

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ o.klimov@spbu.ru

Abstract. This study describes the cultural life of the cities of Asia Minor in the 4th-1st centuries BC. Sources reveal a very high level of social activity and cultural life in the cities. The city-states created a favorable environment for cultural development: the economy thrived, extensive contacts were maintained with other Greek cities throughout the Mediterranean, and city-states were improved, with theaters, odeons, and temples built. The city-states also had vibrant cultural life: theaters staged plays, often written by local playwrights, and they had their own scientific, artistic, philosophical, and medical schools. The city-states of Asia Minor boasted a large creative community, including sculptors, architects, scientists, philosophers, artists, teachers, doctors, and others, many of whom were trained in their cities. The combined body of available sources demonstrates that culture in the cities of Asia Minor underwent significant development during the Hellenistic period and the region of Asia Minor became one of the most important centres of Greek culture.

Keywords: Hellenistic city, theatrical agones, sports agones, musical agones, technites of Dionysos

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 18.01.2026; accepted 20.04.2026.

For citation: Klimov OYu. Cultural life in the cities during the Hellenistic era. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(3):293–306. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-293-306> EDN: QOPJAN

Введение

Культура эллинистического мира вызывает большой интерес ученых, поэтому современная историографическая традиция включает значительное число общих обзоров культуры кон. IV–I вв. до н.э. и конкретных исследований в разных ее областях — в архитектуре, градостроительстве, живописи, скульптуре, философии, литературе и т.д. Большой интерес исследователей вызывают город эллинистического мира, в т.ч. Малой Азии. А.Х.М. Джоунз, Д. Мейджи, Дж. Ма, Св. Дмитриев, Е.С. Голубцова, С.Ю. Сапрыкин, О.Л. Габелко и др. ученые изучали полисы этого региона, но исследователей интересовал прежде всего городской строй, экономическая жизнь, система магистратур, взаимоотношения с царями, с другими полисами и ряд других аспектов темы, культурная жизнь полисов не получила достаточного внимания [1. С. 59–84; 2. С. 280–289; 3. С. 458–504; 4. С. 227–237, 239–268; 5. С. 257–277; 6–8; 9. С. 29–47; 10]. Между тем, это весьма важная сторона жизни эллинистического мира, которая составляла своего рода фундамент

достижений в области культуры, во многом определяла общий уровень развития науки, искусства, философии, образования, была тесно связана с общественной и политической жизнью региона.

К сожалению, источники не содержат полного описания культурной жизни городов. В трудах античных авторов — Полибия, Страбона, Павсания, Диогена Лаэртца и др. — содержатся отдельные факты, информация носит фрагментарный характер, часто представляет собой лишь упоминание о той или иной стороне культурной жизни полиса и о людях, талантом и профессиональной квалификацией которых эта жизнь обеспечивалась. Большое значение имеют надписи, проливающие свет на этот аспект городской жизни. Среди эпиграфических источников немало почетных постановлений в честь того или иного человека, заслужившего своими деяниями особую благодарность гражданской общины, перечисления победителей в творческих состязаниях разного рода, а также тексты, связанные с пожертвованиями полису или храму от имени определенных лиц. Все эти материалы позволяют делать определенные выводы о тенденциях и об уровне развития культурной жизни полисов Малой Азии. Наше исследование представляет собой попытку обобщения и систематизации разрозненного материала, посвященного названной теме.

Греческие полисы и эллинизированные города Малой Азии в эпоху эллинизма весьма успешно развивались. В них процветали сельское хозяйство и ремесло, торговля и мореплавание, кипела активная общественная и политическая жизнь, о чем свидетельствуют многочисленные эпиграфические источники. Убедительным свидетельством вполне благополучного положения многих городов можно считать основание новых, расширение и благоустройство многих старых полисов, бурное строительство частных домов и общественных сооружений — крепостных стен и ворот, величественных храмов, театров, одеонов, булевтериев, других построек [10. Р. 143–412; 13. S. 16–50]. В полисах была создана весьма благоприятная городская среда, способствовавшая развитию культуры. Страбон писал про Синопу: «...город прекрасно укреплен стенами, а также украшен великолепным гимнасием, рыночной площадью и портиками» (XII. C546. *Здесь и далее перевод Г.А. Стратановского*). Другой город Малой Азии — Кизик, по его же словам, «...соперничает с первыми городами Азии величиной, красотой и прекрасным устройством как своих гражданских, так и военных дел» (Strab. XII. C575). О своем родном городе Амасии Страбон сообщал: «Мой родной город... удивительно благоустроен как искусственными человеческими мероприятиями, так и самой природой...» (XII. C561). Сохранившиеся частные дома горожан показывают достаточно высокую степень благосостояния части населения, возросший уровень комфорта и эстетических потребностей: дома обеспеченных и богатых граждан имели удобную планировку и декор, обладавший немалой художественной ценностью. В эллинистическом городе весьма востребованной стала профессия архитектора, который проектировал

здание и зачастую руководил строительством. Имена некоторых выдающихся зодчих известны. Гермоген, происходивший из одного из малоазийских городов (из Алабанды или Приены), спроектировал и выстроил храм Диониса в Теосе, а также ряд храмов в Магнесии на Меандре, в частности, святилище Артемиды Левкофриены (Vitruv. III. 2. 6; III. 3. 9). Сострат, прославившийся, главным образом, как строитель знаменитого маяка на острове Фарос в Александрии (Strab. XVII. C791), происходил из малоазийского города Книда, где также проектировал и возводил ряд строений. В наиболее богатых полисах на городской службе имелись штатные архитекторы, ведавшие строительством и обеспечивавшие надзор за состоянием построек. По сообщению Страбона в Кизике было три городских архитектора (XII. C575). Один из них — Микис, сын Мнесистрата — в конце II в. до н.э. по просьбе демоса Самофракии выполнял строительные работы на этом острове (IG. XII. 8. 188).

Театр в культурной жизни полисов Малой Азии

Поскольку важной частью культурой жизни эллинистического полиса Малой Азии по-прежнему оставались театральные представления, для них во многих городах строились театры. До настоящего времени дошли в разной степени сохранности, нередко перестроенными в последующие эпохи, постройки в Аспенде, Гиерополе, Пергаме, Приене, Сиде, Теосе, Эфесе и других городах. Многие театры не уцелели, о них сообщают письменные источники. Согласно исследованию А. Котлинска-Томы, в городах Малой Азии известно около 50 театров: в Аполлонии в Ликийи, Аспенде, Афродисии, Галикарнасе, Геракле у Латма, Гиерополе, Иасе, Кавне, Колофоне, Книде, Ксанфе, Магнесии на Меандре, Милете, Миласе, Лаодикее на р. Лик, Пергаме, Перге, Приене, Сиде, Стратоникее, Теосе, Термессе, Тлоссе, Траллах, Эноанде, Эритрах, Эфесе и многих других [12. Р. 212–214]. Несомненно, что это далеко не полная информация, в действительности театров было значительно больше. Размеры и вместимость театральных построек была разной. В Пергаме — столице царства Атталидов — театр мог вмещать до 10 тысяч зрителей [13. Р. 276–277; 14. S. 255–262], в Милете и Приене рассчитан на 5 тысяч зрителей, в Магнесии на Меандре — на 3 тысячи человек. Данные о вместимости сооружений убедительно показывают высокую востребованность и общественную значимость театральных представлений для людей того времени [15. Р. 114–115; 16. S. 71–80].

Особую значимость театральных представлений подчеркивает то, что они составляли часть наиболее важных полисных празднеств, об этом свидетельствуют многочисленные надписи с перечислением имен поэтов и актеров, авторов и исполнителей трагедий, комедий и сатировских драм, которые стали победителями на празднествах. Надписи такого содержания дошли из Магнесии на Меандре, Теоса и многих других городов (Syll.³ 1079; Clouet,

13 А, В, С, D; 14). Средства, необходимые для театральных постановок, для исполнения хорегии, в связи с ограниченными возможностями полисных бюджетов, нередко получали от частных лиц. Такая практика засвидетельствована в Иасе (I.Iasos, 163–177; 217; etc.), в ряде других городов. В этой связи одной из предоставляемых гражданам льгот могло быть освобождение от хорегии, как засвидетельствовано, например, в Теосе (SEG. 26. 1305).

Популярность театральных представлений способствовала расцвету драматического творчества и появлению значительного числа новых авторов. Известно, что в городах Малой Азии творили многочисленные драматурги, имевшие обычно местное происхождение [12. Р. 16–115; 15. С. 116–117]. Это Теодор, сын Дионисия из Магнесии на Меандре (I.Magn., 88a), Главкон, сын Главкона из Эфеса, Полемон, выступавший в Магнесии на Меандре, Гармодий, сын Асклепиада из Тарса (I.Magn. 88a, b, c, d), Клит, сын Каллисфена из Теоса (Syll.³ 563). В Иасе творил Димас, сын Антипатра (I.Iasos. 152; 153), представлял свои трагедии Лисимах из Теоса. Драматург Клит, сын Антисфена, происходил из Теоса, в Милете творил Эвандрид, сын Гестиэя, в Кавне — Поликсен, сын Филагра. Известны также Никомач из Александрии в Троаде (Suid. s.v. Nikomachos), автор комедий Дифил из Синопы и мн. др. (Strab. XII. C546) [12. Р. 85–86, 89–91, 92–94, 99, 108–111, 114, 115]. В связи с популярностью драматического и поэтического творчества в городах Малой Азии постоянно проводили состязания поэтов и драматургов. Известно, что они проходили в Магнесии на Меандре, в Теосе, Приене и других городах (SEG. 44. 949 I; I.Priene 17; I.Magn., 88a). Некоторые из драматургов Малой Азии получили известность за пределами родного полиса и представляли свое творчество не только в своих городах, но и в других регионах Греции, например, Фанострат из Галикарнаса в Афинах, Главкон из Эфеса в Магнесии на Меандре (IG. II². 2794; IG. XI. 4. 528).

Другие массовые зрелища и развлечения

Музыкальные занятия, пение, танцы тоже составляли важную часть культурной жизни городов Малой Азии. По этой причине в некоторых полисах строили не только театры, но и одеоны — здания для выступлений музыкантов, певцов, лекторов и ораторов. Однако такое могли себе позволить лишь наиболее благополучные и богатые города — Эфес, Теос. О популярности выступлений музыкантов, певцов, лекторов и ораторов говорит упоминание о них в эпиграфических источниках (Clouet, 15; 16). Некоторые из музыкантов и артистов из Малой Азии выступали в других регионах греческого мира. Дельфы отметили почетным декретом женщину-музыканта из Кимы, которая удачно выступила в их городе (Syll.³ 689). Прославился своими выступлениями при дворе Антиоха I Сотера флейтист и танцовщик Сострат, родом из города Приена,

сумевший добиться от царя признания своего родного полиса свободным (Sext. Emp. Adv. Gramm. I. 14. 293) [15. Р. 118–119; 17. С. 45–46].

Значимой частью культурной жизни населения полисов Малой Азии стали массовые празднества, зрелища, развлечения, которые регулярно проводились в каждом из городов региона. Наиболее важными среди такого рода мероприятий были религиозные торжества в честь богов, популярных именно в данном полисе (Sokolowski, 8 — Лампсак; Sokolowski, 10 А, В — Ионийский союз; Sokolowski, 24, 26 — Эритры; Sokolowski, 32, 33 — Магнезия на Меандре; Sokolowski, 36 — Приена; Sokolowski, 50 — Милет). В связи с учреждением и развитием культа царей и цариц новым явлением культурной жизни эллинистического периода стали специальные массовые празднества, посвященные правителям и членам их семей и сопровождаемые сложными церемониями, исполнением религиозных песен, торжественными процессиями, музыкальными и театральными агонами и жертвоприношениями (OGIS, 267 — Пергам; OGIS, 305 — Сарды; OGIS, 309 — Теос; OGIS, 332 — Пергам; OGIS, 339 — Сест на Херсонесе; Allen, 227, п. 26 — Кимы) [18. С. 480, 482, 485–487, 489–491; 19. Р. 146, 147, 157–158]. В подготовке и проведении массовых празднеств и развлечений главную роль играли городские власти, но нередко для этой цели привлекались техниты Диониса — профессиональная корпорация, включавшая постановщиков массовых религиозных и развлекательных мероприятий, артистов, певцов, танцовщиков, музыкантов. Численность и роль технитов в Малой Азии возросли настолько, что образовалось отдельное сообщество технитов Диониса Ионии и Геллеспонта (τὸ κοινὸν τῶν περὶ τὸν Διόνυσον τεχνιτῶν τῶν ἐν τῇ Ἰωνίᾳ καὶ Ἑλλησπόντῳ). Резиденцией этого отделения во второй половине III в. до н.э. стал город Теос в Ионии, но в дальнейшем из-за конфликтов с гражданами города техниты вынужденно выселились из города [19. Р. 148–150; 20. С. 217–314; 18. С. 500–508].

Выдающиеся деятели культуры и науки, философии и медицины

Многочисленные факты показывают, что в жизни населения эллинистического полиса Малой Азии важное место занимали разнообразные виды творческой деятельности — занятия философией, науками, писание различного рода научных и литературных произведений, сочинение музыки, ваяние, живопись. Из городов региона вышли многие известные ученые, причем, нередко свое обучение они проходили первоначально в родном полисе и там же успешно вели творческую, научную, преподавательскую деятельность.

Среди известных творческих деятелей из Малой Азии философ Стратон, сын Аркесилая, уроженец Лампсака, принявший от Феофраста руководство Ликеем (Diog. Laert. V. 3. 58, 61–64). Преемник Стратона Ликон из Трояды первую часть жизни провел в Малой Азии, был близок к пергамским правителям Эвмену I и Атталу I, а возглавив Ликей, не порвал с родным полисом,

сохранил в нем свое имущество и даже участвовал в спортивных Илионских играх (Diog. Laert. V. 4. 65, 67–68). Философ Аркесилай из Питаны в Эолиде прошел подготовку в своем родном городе, где учился у математика Автолика, у которого была своя школа. Позже, переехав в Афины и приняв руководство Академией, Аркесилай также не порвал с родным полисом и продолжал поддерживать контакты с Эвменом I (Diog. Laert. IV. 6. 28. 38) [21. С. 223–226]. Некоторые другие ученые или философы, получившие известность в Афинах или даже возглавившие Академию в Афинах, также были родом из малоазийских городов. Телекл и Эвандр происходили из Фокеи, Гегесин из Пергама (Diog. Laert. IV. 8. 60), философ киник Диоген из Синопы (Strab. XII. С546; Diog. Laert. VI. 2. 20–21). Однако большинство философов и писателей делали карьеру в родном полисе. Философ Гераклид из Гераклеи Понтийской, хотя и учился в Афинах, большую часть своей жизни провел в своем родном городе, занимаясь научным и литературным творчеством (Diog. Laert. V. 6. 86–91). В Киме жил Гераклид, оставивший сочинение «О Персии», в Баргии — диалектик Гераклид, критик Эпикура. Гераклид из Фокеи прославился как скульптор, а Гераклид из Гераклеи Понтийской — как хореограф и писатель, он стал известен как сочинитель воинских плясок и «всякой болтовни» (Diog. Laert. V. 6. 93). Из этого же города Гераклеи происходил философ-стоик Дионисий (Strab. XII. С 566). Философ Анаксарх Абдерский был слушателем у философа Диогена из Смирны, а ученый из Милета Эсхин приобрел известность сочинениями о политике (Diog. Laert. II. 7. 64; IV. 10. 58; 6. 86–89, 93–94). Из Магнесии происходил Гераклид — автор труда о царе Митридате (Diog. Laert. V. 6. 94). В Синопе проживали историк Батон, написавший «Историю Персии», и философ Тимофей Патрион (Strab. XII. С546). Город Перге в Памфилии был родиной знаменитого геометра и математика Аполлония Пергского. Из Никеи происходил математик, астроном, географ Гиппарх, из какого-то неизвестного города Вифинии — математик Феодосий, из Мирлеи — ритор Клеохар (Strab. XII. С 566). Амис — родной город математиков Деметрия и Дионисодора, грамматика Тиранниона (Strab. XII. С548). Из небольшого городка Пария был родом Метродор — ученик Эпикура, да и сам Эпикур долго жил в Лампсаке (Strab. XIII. С589). Из Адрамиттия происходил знаменитый оратор Ксенокл (Strab. XIII. С614), а Темн был родиной Гермагора, автора «Искусства красноречия» (Strab. XIII. С621). Из Скепсиса происходил философ, историк, комментатор Гомера Деметрий Скепсийский (Strab. XIII. С606, С609). В этом же городе проживал философ Нелей, который стал обладателем библиотеки Аристотеля и Феофраста. Артемон из Клазомен, возможно, работавший некоторое время при Пергамском царском дворе, написал труд по истории своего родного города (Aelian. Nat. anim. XII. 28; Suid. s.v. Arktinos). Александр Лихн из Эфеса написал историю и дидактические поэмы по астрономии и географии (Strab. XIII. С642). Лаодикея (во Фригии) была родиной ритора Зенона и его сына

Полемона, которые жили во второй половине I в. до н.э. (Strab. XII. C578). Из Нисы происходили стоический философ Аполлоний — лучший из учеников Панеция, Менекрат — ученик Аристарха и Аристодем, курс лекций которого в Нисе прослушал в юности Страбон. Сострат и двоюродный брат Аристодема, тоже Аристодем, «были замечательными грамматиками». Аристодем происходил из города Траллы, преподавал риторику и грамматику на Родосе и в родном городе (Strab. XIV. C650). Из Приены происходил историк Мирон (Paus. IV. 6. 1–4). Перечень имен известных ученых, философов, писателей кон. IV–I вв. до н.э., прославивших свои родные города, является далеко не полным, но и в таком виде служит убедительным свидетельством высокой творческой активности многих уроженцев городов Малой Азии эллинистического периода и того духовного климата, который в этом регионе сформировался.

Философия, научное и литературное творчество пользовались настолько широкой популярностью и интересом, что в полисах Малой Азии нередко проводились публичные литературные чтения или лекции ученых и философов. Некоторые из творческих деятелей выезжали в другие регионы греческого мира для представления результатов своего творчества. Гражданская община этолийского города Ламии (Фессалия) ок. 217 г. до н.э. приняла декрет в честь Аристодамы, поэтессы из Смирны, которая удостоилась почестей за то, что устроила публичные чтения своей поэмы, посвященной народу этолийцев (Syll.³ 532). Гражданин Приены Герод, сын Посидония, участвовал в агонах, посвященных Дионису, на острове Самофракия и удостоился почетного декрета (I.Priena, 102, 103).

Общий рост культуры и науки способствовал развитию интереса к чтению, книгам. В ряде полисов Малой Азии и на островах Эгейского моря появились библиотеки — в Галикарнасе, Теосе, Нисе в Кarii, Смирне, Эфесе, на острове Кос (AM. 1908. XXXIII. S. 384. No.4; S.409. No. 41; SEG, 2, 584) [22. P. 51–52; 25. С. 307–309]. Одним из наиболее значительных книжных собраний древности стала царская библиотека в Пергаме, которой во II в. до н.э. руководил Кратет из Малла (Киликия) — известный греческий грамматик и философ-стоик. Уроженец Малой Азии, он учился в Тарсе, а затем переехал в Пергам, и там — в столице царства Атталидов — занимался наукой, пользуясь покровительством царей. В Пергаме, вероятно, имелась еще одна библиотека — в гимназии. Собрания книг располагали и отдельные частные лица, но фактов такого рода немного. Житель Скепсиса философ Нелей владел библиотекой Феофраста, а гражданин Теоса Аппелликон располагал собранием почти всех сочинений Аристотеля и Феофраста (Strab. XIII. C608; Plut. Sull. 26).

В городах Малой Азии очень значительное развитие получило изобразительное искусство, особенно искусство скульптуры. Эллинистический город был богато украшен статуями и рельефами, а на некрополях выставалось множество искусно выполненных надгробий, склепов и саркофагов,

которые изготавливались местными мастерами. Это вещественное доказательство многочисленности скульпторов и наличия собственных творческих школ и школ ремесленников — каменотесов; одна из самых знаменитых пергамская, заявившая о себе выдающимися произведениями — статуями побежденных галатов и рельефами пергамского алтаря (I.Pergamon, 12, 22, 29, 31, 32; Plin. Nat. Hist., XXXVI, 88; возможно, 84). Имена ряда скульпторов сохранились. Известны Гераклид из Фокеи (Diog. Laert. V. 6. 93), Стратоник из Кизика, Эпигон, сын Хария, гражданин Пергама, Антигон из Кариста (Plin. Nat. Hist. XXXIII. 156; XXXIV. 84–85, 90), Фиромах и Никерат (I.Pergamon, 132–134; Plin. Nat. Hist. XXXIV. 84).

Наряду со скульптурой достигло процветания искусство коропластики; свидетельством тому служат терракотовые статуэтки, производством которых в Малой Азии особенно славились Мирина, Смирна, Тарс. Этот массовый, более дешевый вид художественной продукции отличался, судя по сохранившимся образцам, высокими художественными достоинствами и широким разнообразием сюжетов. Мастера изображали богов и богинь, актеров, исполнявших трагические или комические роли, сражающихся воинов, карикатурные образы плутоватого раба, сварливой старухи и др. Искусство живописи в городах Малой Азии также развивалось; существовали профессиональные художники. В 140/139 г. до н.э. два живописца из Пергама были направлены царем Атталом II в Дельфы, где удостоились за свои работы многих почестей (Syll.³ 682).

В полисах Малой Азии сложились свои медицинские школы, в которых осуществлялось лечение, научные исследования и обучение молодых врачей. Большую известность приобрела школа в Пергаме. В окрестностях города существовало знаменитое святилище Асклепия, которое представляло собой лечебный комплекс с целым штатом служителей и врачей. Здесь осуществлялось лечение больных, подготовка врачей, проводились научные исследования [13. Р. 133, 280–282]. Известны другие местные медицинские школы. Согласно описанию Страбона между Лаодикеей и Карурами при святилище Мена Карийского возникла большая школа врачей — последователей Герофила, которой руководил Зевксид, а затем Александр, сына Филалета. В Смирне была основана школа под руководством Гигесия, работавшая по принципам Эрасистрата (Strab. XII. C580). Одним из важных центров развития медицины стал город Книд, где родился и работал такой видный врач как Хрисипп (Plin. Nat. Hist. XX. 33. 1; XXIX. 3. 1), одним из учеников которого стал знаменитый Эрасистрат (Diog. Laert. VIII. 89; VII. 186). Из этого же города происходил врач Аристоген (Suid. s.v. Aristogenes). Из малоазийских городов вышли некоторые другие знаменитые медики эпохи. Из Халкедона происходил и, вероятно, получил там начальную медицинскую подготовку выдающийся врач Герофил (ок. 330–260 гг. до н.э.). Пруса, город в Вифинии, была родиной медика Асклепиада (Strab. XII. C566). Источники упоминают

также известного врача Аполлония из Милета, который удостоился почетного декрета Теноса и союза несиотов (Syll.³ 620). Города Перге и Селевкия отметили почетным декретом деятельность врача Асклепиада, сына Мирона (I.Perge, 12). Некоторые из малоазийских врачей выезжали для работы в другие города. Врач Никандр, уроженец Галикарнаса, работал некоторое время на Делосе, за что удостоился почетного декрета (IG. XI. 4. 775). Врач из Пергама Диоген, сын Диогена, в середине II в. до н.э. служил в Македонии, где вылечил послов, прибывших из Акарнании (IG. IX. 2. 209a). На острове Тенос около 188 г. до н.э. работал во время эпидемии врач из Милета Аполлоний, сын Гиерокла, после окончания срока контракта бесплатно служивший жителям полиса еще полгода (Syll.³ 620).

Воспроизводство культурной и интеллектуальной среды

При далеко не полном перечислении имен ученых, философов, архитекторов, художников, врачей, прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что во многих городах Малой Азии — в Гераклее, Кизике, Милете, Пергаме, Скепсисе, Эфесе и др. — в эллинистический период появилось и получило известность столь значительное число ярких деятелей, которые успешно занимались научным, литературным и художественным творчеством или медициной и оставили о себе память. Многие из них создавали собственные школы, в результате в городах Малой Азии постоянно, непрерывно воспроизводилась интеллектуальная, творческая среда, подготавливалась профессиональная интеллигенция; кроме того, получал образование широкий слой людей, для которых любая творческая деятельность была не профессией, но потребностью жизни. Этот результат основывался на сложившейся в полисах практике образования, которое охватывало значительную часть городского населения и включало все ступени — от начального изучения грамоты и счета до, говоря современным языком, высшего образования и основательной профессиональной подготовки в разных областях: искусстве, медицине, философии, естественных и гуманитарных науках, архитектуре и художественном творчестве. Во многих городах существовали специальные законы, регулирующие обучение детей и молодежи. Сохранившиеся законы Теоса и Милета регламентировали обучение детей, определяли перечень предметов, предлагавшихся к изучению, порядок найма учителей и тренеров, нормы оплаты труда учителей и другие важные аспекты образовательной деятельности (Syll³ 577; 578; Clouet, 17). В этой связи весьма важной общественной службой в любом городе стала деятельность гимнасиархов, о чем свидетельствуют многочисленные эпиграфические источники: во многих почетных декретах в ряду достижений и достоинств чествуемого лица нередко отмечается, что он исполнял обязанности гимнасиарха (OGIS, 339, стк. 30–31; Michel, 544) [23. С. 58–72].

Заключение

Обилие имен известных деятелей науки и культуры в городах Малой Азии эллинистического периода далеко не случайно: оно свидетельствует не только о существовании в полисах региона интенсивной интеллектуальной, творческой жизни, но и о высокой востребованности научного, философского знания, литературного и художественного творчества среди населения городов, о наличии достаточно широкой подготовленной аудитории, для которой подобная духовная творческая атмосфера была потребностью и нормой жизни.

Отдельные представители культурной элиты городов Малой Азии поступали на службу царям, пополняя царское интеллектуальное, творческое окружение. Из малоазийских городов происходили некоторые историки, писавшие при царском дворе Атталидов: Неанф из Кизика, писатель Мусей из Эфеса. Артемон из Клазомен, написавший труд по истории своего родного города, как считается, некоторое время состоял при дворе правителей Пергамского царства. При дворе Атталидов творили скульпторы Стратоник из Кизика, Эпигон из Пергама и мн.др. Среди ученых, философов, архитекторов, скульпторов, которые служили при дворах Селевкидов, Птолемеев, Митридатидов, было много граждан малоазийских городов. Тот факт, что немалое число творческих лиц, философов и врачей — выходцев из малоазийских полисов добились значительного успеха и известности, сделали отличную профессиональную карьеру, стали руководителями научных школ, в т.ч. возглавляли Академию и Ликей или же нашли себе место при царском дворе, служит косвенным свидетельством высокого уровня развития науки, образования, творческой жизни в эллинистических городах Малой Азии.

Весь комплекс имеющихся материалов источников позволяет высказать наблюдение о том, что культурная жизнь полисов Малой Азии — не только выдающихся центров, таких, как Кизик, Милет, Пергам, Эфес, но даже множества обычных городов, небольших и не выделявшихся своим экономическим потенциалом и значением, — протекала очень динамично и содержательно, города региона в эллинистический период не были глубокой провинцией, культурным захолустьем. В малоазийских городах эллинистического периода развивалась собственная весьма интенсивная духовная и культурная жизнь, сложилась своя творческая среда, а весь этот регион составил высоко развитую и очень важную часть эллинистического мира.

Следует обратить внимание на то, что охарактеризованная в нашем обзоре культура городов Малой Азии является, несомненно, греческой по своему содержанию и по форме, она успешно продолжала и развивала традиции классической греческой культуры. На фоне Балканской Греции, которую раздирали войны и внутренние противоречия и которая страдала от эмиграции активного населения и людских потерь в войнах, а также испытывала экономические проблемы, более благополучные города Малой Азии составили

динамично развивавшийся регион, который, несмотря на серию драматических событий — войны, вторжение кельтов, разгул пиратства, — стал на несколько столетий одним из важнейших центров культурной жизни эллинистического, а в дальнейшем и римского мира.

Список сокращений

- AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Athen.
 SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden: A.W. Sijthoff. 1923.
 Clouet — Clouet A. La cité de Téos à l'époque hellénistique. Mémoire de Master 1 Archéologie et histoire des mondes anciens. Lyon. 2015.
 IG — IG XII. 8 - Friedrich C. (ed.). Inscriptiones Graecae. Vol. XII. Inscriptiones insularum maris Thracici. Fasc. 8. Berlin : De Gruyter, 1909.
 I.Pergamon — Fraenkel, M. (ed.) 1890–1895: Die Inschriften von Pergamon. Bd.1–2. Berlin.
 I.Perge — Şahin S. (hrsg.). Die Inschriften von Perge. Bonn: Rudolf Habelt GMBH, 1999.
 I.Iasos — Blumel W. (ed.). Die Inschriften von Iasos. Teil 1–2. Bonn: Rudolf Habelt GMBH, 1985.
 Michel — Michel Ch. (ed.). Recueil d'Inscriptions Grecques. Brussel. 1900–1927.
 OGIS — Dittenberger W. (ed.). Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Vol. 1 –2. Leipzig: S. Hirzel, 1903–1905.
 Sokolowski — Sokolowski Fr. (ed.). Lois sacrées de l'Asie Mineure. Paris: De Boccard, 1955.
 Syll.³ — Dittenberger, W. (ed.). Sylloge Inscriptionum Graecarum. Vol. 1 –4. Leipzig: S. Hirzel, 1915–1924.

Список литературы

1. Голубцова Е.С. Полисы в государстве Селевкидов // Эллинизм: восток и запад. М. : Наука, 1992. С. 59–84.
2. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье : монография. М. : Наука, 1996. 348 с. EDN: QLGSNX
3. Габелко О.Л. История Вифинского царства : монография. СПб., 2005. 576 с. EDN: VNNLID
4. Климов О.Ю. Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства : монография. СПб. : Филологический ф-т, Нестор-история, 2010. 400 с. EDN: RBOMIN
5. Климов О.Ю. Формы досуга в эллинистических полисах Малой Азии // Феномен досуга в античном мире : монография. СПб., 2013. С. 257–277. EDN: VUMOKH
6. Jones A.H.M. Greek City from Alexander to Justinian. Oxford : Oxford University Press, 1940. 393 p.
7. Jones A.H.M. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford : Oxford University Press, 1971. 576 p.
8. Schmitt Pantel P. Public Feasts in the Hellenistic Greek City // Conventional Values of the Hellenistic Greeks / ed. by P. Bilde, Engbert-Pedersen, L. Hannestad, J. Zahle. Aarhus : Aarhus University Press, 1997. P. 29–47.
9. Ma J. Antiochos III and the Cities of Western Asia Minor. Oxford : Oxford University Press, 2000. 403 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198152194.001.0001>
10. Dmitriev S. City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor. Oxford : Oxford University Press, 2005. 428 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195170429.001.0001> EDN: QOZYHD
11. Tschirikower V. Die Hellenistische Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit. Leipzig : Dieterichsche Verlagsbuchhandlung, 1927. 216 s.

12. *Kotlinska-Toma A.* Tragedia hellenisticzna. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2006. 249 p.
13. *Hansen E.* The Attalids of Pergamon. Ithaca, London : Cornell University Press, 1971. 531 p.
14. *Radt W.* Pergamon. Geschichte und Bauten einer Antiken Metropole. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1999. 376 s.
15. *Evans J.A.S.* Daily Life in the Hellenistic Age from Alexander to Cleopatra. Westport, London : Greenwood Press, 2008. 199 p.
16. *Schede M.* Die Ruinen von Priene. Berlin : Walter de Gruyter, 1934. 115 s.
17. *Slater W.* Deconstructing festivals // *The Greek Theatre and Festivals. Documentary Studies* / ed. by P. Wilson. Oxford : Oxford University Press, 2007. P. 45–46. <https://doi.org/10.1093/oso/9780199277476.003.0003>
18. Климов О.Ю. Царский культ в Пергамском государстве // «Боги среди людей»: культ правителя в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / под ред. С.Ю. Сапрыкина, И.А. Ладынина. М. ; СПб. : РХГА, 2016. С. 476–515.
19. *Allen R.E.* The Attalid Kingdom. A Constitutional History. Oxford : Oxford University Press, 1983. 251 p.
20. Шарнина А.Б. Техниты Диониса // Альтернативные социальные сообщества в античном мире / под ред. Э.Д. Фролова. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2002. С. 217–314. EDN: SZALXR
21. Климов О.Ю. Правитель Пергама и глава Академии: Эвмен I и Аркесилай // PENTAKONTAETIA. Исследования по античной истории и культуре : сб., посв. юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова / под ред. О.Л. Габелко, А.В. Махлаюк, А.А. Синецына. М., СПб. : РХГА, 2018. С. 223–226.
22. *Nilsson M.* Die Hellenistische Schule. München : Verlag C.H. Beck, 1955. 101 s.
23. Блаватская Т.В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М. : Наука, 1983. 325 с.

References

1. Golubtsova ES. Polis in the State of Seleucids. In: *Ellinizm: Vostok I zapad*. Moscow: Nauka Publ.; 1992. P. 59–84. (In Russ.).
2. Saprykin SYu. *Pontiyskoye tsarstvo. Gosudarstvo grekov I varvarov v Prichernomorie* [The Kingdom of Pontus. The state of Greeks and barbarians in Black Sea Region]. Moscow: Nauka Publ.; 1996. (In Russ.). EDN: QLGSNX
3. Gabelko OL. *Istoriya Vifinskogo tsarstva* [History of the Kindom of Bythinia]. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.). EDN: VNNLID
4. Klimov OYu. *The Pergamon Kingdom: Political Institutions and History*. Saint Petersburg: Filologicheskii f-t, Nestor-istoriya publ.; 2010. (In Russ.). EDN: RBOMIN
5. Klimov OYu. Forms of leisure in the Hellenistic cities of Asia Minor. In: *Fenomen dosuga v antichnom mire*. Saint Petersburg; 2013, p. 257–277. (In Russ.). EDN: VUMOKH
6. Jones AHM. *Greek City from Alexander to Justinian*. Oxford: Oxford University Press; 1940.
7. Jones AHM. *The Cities of the Eastern Roman Provinces*. Oxford: Oxford University Press; 1971.
8. Schmitt Pantel P. Public Feasts in the Hellenistic Greek City. In: Bilde P. et al. editors. *Conventional Values of the Hellenistic Greeks*. Aahus: Aahus University Press; 1997. P. 29–47.
9. Ma J. *Antiochos III and the Cities of Western Asia Minor*. Oxford: Oxford University Press; 2000. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198152194.001.0001>
10. Dmitriev S. *City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor*. Oxford: Oxford University Press; 2005. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195170429.001.0001> EDN: QOZYHD

11. Tscherikower V. *Die Hellenistische Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit*. Leipzig: Dieterichsche Verlagsbuchhandlung; 1927.
12. Kotlinska-Toma A. *Tragedia hellenistica*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego; 2006.
13. Hansen E. *The Attalids of Pergamon*. Ithaca, London: Cornell University Press; 1971.
14. Radt W. *Pergamon. Geschichte und Bauten einer Antiken Metropole*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft; 1999.
15. Evans JAS. *Daily Life in the Hellenistic Age from Alexander to Cleopatra*. Westport, London: Greenwood Press. 2008.
16. Schede M. *Die Ruinen von Priene*. Berlin: Walter de Gruyter; 1934.
17. Slater W. Deconstructing festivals. In: Wilson P, ed. *The Greek Theatre and Festivals. Documentary Studies*. Oxford: Oxford University Press; 2007, p. 45–46. <https://doi.org/10.1093/oso/9780199277476.003.0003>
18. Klimov OYu. Ruler's Cult in Pergamon Kindom. In: Saprykin SYu, Ladynin IA, editors. *“Bogi sredi liudei”: kul't pravitel'ia v ellenisticheskom, postellenisticheskom v rimskom mire*. Moscow, Saint Petersburg: RHGA; 2016, p. 476–515. (In Russ.).
19. Allen RE. *The Attalid Kingdom. A Constitutional History*. Oxford: Oxford University Press; 1983.
20. Sharnina AB. Technites of Dionysos. In: Frolov EhD, ed. *Alternativnye sotsial'nye soobshchestva v antichnom mire*. Saint Petersburg; 2002, p. 217–314. (In Russ.). EDN: SZALXR
21. Klimov OYu. The ruler of Pergamon and Head of Academy: Eumenes I and Arcesilaus. In: Gabelko OL, Makhlayuk AV, Sinitsyn AA, eds. *PENTAKONTAETIA. Issledovaniya po antichnoi istorii i kul'ture: Sbornik, posvyashchennyi yubileyu Igorya Evgen'evicha Surikova*. Moscow; Saint Petersburg; 2018, p. 223–226. (In Russ.).
22. Nilsson M. *Die Hellenistische Schule*. München: Verlag C.H. Beck; 1955.
23. Blavatskaja TV. *Iz istorii grecheskoi intelligentsii ehllinisticheskogo vremeni* [From the history of the Greek intelligentsia of the Hellenistic period]. Moscow: Nauka Publ., 1983. (In Russ.).

Информация об авторе:

Климов Олег Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5, e-mail: o.klimov@spbu.ru ORCID: 0000-0002-8379-5456. SPIN-код: 4515-0431.

Information about the author:

Oleg Yu. Klimov — DSc (History), Professor, Head of the Department of the History of Ancient Greece and Rome, Institute of History, St. Petersburg State University, 5 Mendelevskaya liniya, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation, e-mail: o.klimov@spbu.ru ORCID: 0000-0002-8379-5456. SPIN-code: 4515-0431.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА THE HISTORY OF ANCIENT ROME

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-3-307-312

EDN: QKNUBF

Научная статья / Research article

Adjudicatio в римском земельном праве

И.А. Гвоздева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

✉ innagvozdeva44@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обоснована недостаточным изучением в российской историографии судебного процесса в римском земельном праве. Используя комплексный метод исторического исследования, автор реконструирует формулярный процесс и появление в нем части формулы *adjudicatio* (возмещения) от архаического периода до классики. Цель исследования — проследить, как *adjudicatio* стала обязательным элементом уравнивания результатов земельных споров. Выводы: в ходе судебного процесса определение компенсации утерянной собственности было чрезвычайно важным; решающую роль в установлении *adjudicatio* играли агрименсоры — межевщики полей; их экспертиза была решающим аргументом в споре, на этом основании Гай рассматривал их роль как судей в процессе. Показано, что агрименсоры оставались лишь экспертами, не присваивая себе функции судей в формулярном процессе.

Ключевые слова: возмещение, граница, *finis*, место участка, *locus*, агрименсоры, Гай

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 19.02.2026; принята к публикации 27.04.2026.

Для цитирования: Гвоздева И.А. *Adjudicatio* в римском земельном праве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 3. С. 307–312. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-307-312> EDN: QKNUBF

Adjudicatio in Roman land law

Inna A. Gvozdeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ innagvozdeva44@mail.ru

Abstract. The relevance of the research is determined by the insufficient study in Russian historiography of the judicial process in Roman land law. Using a comprehensive method of historical research, the author reconstructs the formulary process and the appearance of a part of the *adjudicatio* (compensation) formula from the archaic period to the classics. The purpose of the study is to trace how *adjudicatio* has become an essential element of balancing the results of land disputes. The study concluded that during the trial, the determination of compensation for lost property was extremely important. The decisive role in the establishment of *adjudicatio* was played by *agrimensores* — field surveyors. Their expertise was the decisive argument in the dispute. On this basis, *Guy* considered their role as judges in the process. The author points out that *agrimensores* remained only experts, not assuming the functions of judges in the formal process.

Keywords: compensation, border limit, *finis*, site location, *locus*, *agrimensores*, *Guy*

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 19.02.2026; accepted 27.04.2026.

For citation: Gvozdeva IA. *Adjudicatio in Roman land law*. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(3):307–312. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-307-312>
EDN: QKNUBF

Введение

Римское земельное право строилось на защите основной пограничной категории — *finis* (граница) [1. С. 15]. Еще в период архаики *агрименсоры* показывали, что пограничные иски нельзя рассматривать вне связи с *locus* — местом участка. *Locus* был тем самым элементом, который и выделялся с помощью *finis*. Защита земельной собственности проводилась через земельные иски — *controversia*. Преимущественно, такие иски анализировали состояние *locus*. Это было чрезвычайно важно, так как *locus* в первую очередь сохранял значение *publicus*. Сам иск (контroversия) скорее демонстрировал не действие, а лишь противостояние фигурантов в судебном процессе [2. С. 92]. Кроме того, земельное право Рима сохранило значение *locus* как участка с природной *finis* без указаний его размера [3. С. 17]. Именно эта его неизмеренность была главным отличием *locus* от выделенного участка земли *fundus* (Ulp. Dig. L. 16, 60). Недаром О. Берендс подчеркивает, что *locus* не имеет никаких измерений [1. С. 224].

По мнению Помпония, *locus* выражает идею владения на земле (Dig. L. XLI, J, 26; Pomp. I, 26). Идея *locus* как предпосылки *поссессиона* (*possessio*)

сохраняется и тогда, когда он становится частью *fundus*. Так, *locus* входил в состав *fundus*, что видно из эдикта Венафра: «*Qui locus ager in fundo est*» (CIL. X. 4847; Dessau 5743; Bruns Font., J_n⁷ 77). *Locus* сохранял границу типа *arcifinius* (только по природным обозначениям) (CAR. S. 40) [4].

Поскольку *locus* сохранял свое значение *publicus* и в период классики выражался через *arcifinius*, то *controversia de loco* в классический период могла рассматриваться вместе с группой пограничных исков. Однако, поскольку речь шла о площади участка, хотя и неизмеренной, то многие авторы, начиная с А. Рудорффа, изучали *de loco* как вещный иск (*In rem*) [5. S. 252]. Однако, Ф. Хинрикс в своих работах убедительно доказывает принадлежность *de loco* к группе пограничных исков [6. S. 193]. И действительно, ведь уже Фронтин причисляет *de loco* к категории пограничных исков: «*de positione terminorum... et ab intergo alius forte de loco alius de fine litigat*» (CAR. S. 41). Но известно, что Павел рассматривал *de loco* как вещный иск и не видел в нем признаков пограничного спора (Dig. 10, 1, 4.5/6). Р. Кнютель же связывает эти сведения Павла (Dig. 10, 1, 4 pr. Paulus 23 ad edictum) только с *vindicatio* [7. S. 303].

Именно *controversia de loco* в ходе формулярного процесса способствовала появлению части формулы *adjudicatio*: когда один из участников спора получает искомую вещь, а другой — соответствующий эквивалент в вещном или правовом выражении. Причем, архаический титул *controversia* сохраняется навсегда. Но, что это? Ведь если есть *adjudicatio*, то, следовательно, в *de loco* имеются пограничные элементы. Если же *adjudicatio* нет, то спор остается *in rem*. Так, О. Берендс считает, что *adjudicatio* все же не связано с *fines regere* [1. S. 245].

Adjudicatio — инструмент движения собственности в предклассический и классический периоды римского земельного права

Adjudicatio (возмещение) в предклассический период указывало на переход частной собственности (*dare, assignare*) при оформлении вещных прав, следовательно, *adjudicatio* возможна и при вещных исках. Так, Цицерон видел в этом проявление владельческого права (Cic. De re publ. 81). Гай же полагает, что часть формулы в *de loco* вполне могла быть составлена и по *modus* (Gai. IV. 42). Но должна ли быть при *modus adjudicatio*? Ф. Хинрикс вообще сомневается в том, что *adjudicatio* может служить при классификации исков [6. S. 201–203]. Р. Кнютель же полагает, что Гай (Dig. II. 1. 11. 2) через *adjudicatio* определяет *actiones finium regundorum* [7. S. 300–301].

В период действия формулярного процесса разбирательство по земельным вопросам шло уже по преторской формуле [8]. Учитывая опыт земельных споров архаического периода, вопрос о возмещении второй стороне в иске разбирался в особой части формулы, а именно *adjudicatio*. А это

характерно именно для пограничных споров. Здесь возникает вопрос — что мы будем рассматривать в пограничных исках. Ведь в период архаики спор шел о ширине *finis*. Но вот в предклассический период *controversia de loco*, т.е. анализ площади без ее точного определения, также рассматривался в группе пограничных исков.

Возникает вопрос — можно ли вообще относить *de loco* к группе пограничных исков (*actiones finium regundorum*). Вопрос о «присуждении» второй стороне теперь стал особой частью — *adjudicatio*, особенно в тех контроверсиях, которые шли о неделимой собственности.

Однако, *de loco* близок и к *actiones communi dividundo*, где решались вопросы именно о возможности выделения (возмещения) из *Ager Publicus* или из соседской собственности. По сути решался вопрос перехода права многих на *ager* к праву собственности одного, но только на часть этого *ager*. Теперь часть формулы *adjudicatio* как бы перемещала часть *publicus*. Если владелец терял часть *publicus*, то он мог рассчитывать на компенсацию.

В период империи наблюдается более широкое толкование *de loco* за счет снижения пограничных элементов в пользу вещных. Иски о разделе (*communi dividundo*) и наследовании (*familiae herciscundae*) в равной степени связаны с вопросом границ и местом самого участка, это должно содержаться в *condemnatio*. По мнению Гая, агрименсоры — эксперты по пограничным спорам — могли оказать решающее влияние на приговор, а, следовательно, именно это и позволило ему считать их судьями (IV. 42 = Dig. II. 1. 11). Гай придает большое значение *adjudicatio*, а вот приговор уже не считает обязательным элементом (IV. 42). Происходит расширение юридических предпосылок исков. Ведь в период империи можно сослаться и на рескрипт принцепса (Dig. X. 1. 7). Обе стороны должны были научиться понимать, что если *controversia* была не только о границе, то оспаривалась сама вещь в статусе *publicus*, вот тогда *adjudicatio* должна была сопровождать *condemnatio*.

Когда в имперский период сведения кадастра стали определять разбирательство по пограничным искам, то анализировали не ширину *finis*, а лишь *confinium* — угол пересечения границ на основе *Lex Mamilia* [9. С. 79–80; 10. С. 89–90]. В провинциях вопрос чаще сводился не к *finis* (ее линии и ширине), а к точному *modus* участка. Поэтому, иск *de modo* постепенно оттесняет на задний план древний иск *de fine*, а сам становится воплощением *in rem* [6. С. 125; 10. С. 89–90].

Агрименсоры, в частности Фронтин, не сводили пограничный иск только к содержанию *de loco* (CAR. S. 5, 8). «Присуждение» легче было определить в иске *de fine*, чем в *de loco*. О. Берендс считает, что для *iudicatio* отводилась только роль инструмента по фиксации границ (Inst. Iust. IV. 17.b) [1. С. 267]. Если в таких исках агрименсор выполнял бы функцию судьи, то по классической традиции сохранились бы сведения об условиях аренды, или наследования, но этого нет даже у Гая (Dig. II. 1. 11. 2). Ф. Хинрикс считает,

что у Гая есть лишь некий намек на статус судьи, определявшего уровень спора [11. S. 268]. В исках о разделе связь *adjudicatio* и *condemnatio* прослеживается более четко применительно к большим и неделимым объектам, но в классический период это качество еще не переносилось на *actiones finium regundorum*.

Заключение

В постклассический период *adjudicatio* напрямую связывали с *condemnatio* в *actiones finium regundorum*, хотя агрименсоры лишь выборочно подходили к аргументам по *controversia de loco*. Пограничные элементы стали преобладать и в исках *in personam*, а смысл *rei vindicatio* проявлялся в спорах *de loco*. Агрименсоры осторожно подходили к подбору аргументов по *de loco*. В том случае, если процесс разворачивался по *rei vindicatio*, тип контрверсии, хотя и был *de loco*, но приближался к смыслу *de modo*. Если процесс шел только *in personam*, то все внимание сосредоточивалось на пограничных элементах. Следовательно, в период классики не было принято переносить на *actiones finium regundorum* связь *adjudicatio* и *condemnatio*; все неделимые вещи рассматривались по искам *in personam*, а в *de loco* направлялись делимые вещи.

Гай показал, что в классический период *adjudicatio* применялось согласно преторскому эдикту, а в провинциях эти нормативы распространялись гораздо быстрее чем, нормы *Ius Civile*. Кроме того, в исках о размере *adjudicatio* формировалась с опорой на документы кадастра. В классический период это допускало возможность перетолковывать иск *de loco* и приближать его к пограничному иску.

Можно ли было с помощью *adjudicatio* коррелировать саму площадь участка? Вот это и должны были решать агрименсоры. По данным Фронтин и Гигина Старшего не всегда удавалось восстанавливать старую границу даже при наличии плана — *forma*. Но именно это и отражало отношение к *dominium*.

Все утверждения Гая об участии в *adjudicatio* агрименсоров как судей относятся к тому времени, когда в имперское время уже были внедрены аграрные кадастры. Но, поскольку произошло снижение межевой активности, то роль пограничных судей постепенно приобретает особое значение. Ведь сам смысл *adjudicatio* меняется, теперь она применяется совместно с *condemnatio*, причем как в исках о разделе собственности, так и в пограничных.

Список литературы

1. Behrends O. Bodenhoheit und privates Bodeneigentum im Grenzwesen Roms // Die Römische Feldmeßkunst. Interdisziplinäre Beiträge zu ihrer Bedeutung für die Zivilisationsgeschichte Roms. Göttingen, 1992. S. 192–280.

2. Гвоздева Т.Б., Гвоздева И.А. Controversia — категория римского земельного права // Современный юрист. 2017. № 1 (18). С. 91–101. EDN: YJYGON
3. Burdese L. Studi sull'ager publicus. Torino : Giappichelli, 1952.
4. Гвоздева И.А. Ager arcifinius и начало римского земельного права // Древний Восток и Античный мир. М., 2018. № 9. С. 340–355. EDN: YVBJAD
5. Rudorff A. Gromatiche Institutionen // Die Schriften der römischen Feldmesser / F. Blume, K. Lachmann, Th. Mommsen, A. Rudorff. Berlin, 1852. Bd. 2. S. 227–464.
6. Hinrichs F.T. Die Geschichte der gromaticchen Institutionen. Wiesbaden, 1974. 252 s.
7. Knütel R. Die actio finium regundorum und die ars gromatica // Die Römische Feldmeßkunst: interdisziplinäre Beiträge zu ihrer Bedeutung für die Zivilisationsgeschichte Roms. Göttingen, 1992. S. 285–308.
8. Гвоздева И.А. Эволюция судопроизводства в римском земельном кадастре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 3. С. 275–285. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-275-285> EDN: TQJUIX
9. Гвоздева И.А. Controversia de positione terminorum в Corpus Agrimensorum Romanorum // Древний Восток и Античный мир. М., 2000. № 3. С. 74–81. EDN: VJQOFJ
10. Гвоздева И.А. Controversia de modo в трактатах римских землемеров // Древний Восток и Античный мир. М., 2001. № 4. С. 84–92. EDN: YYWVRJ
11. Hinrichs F.T. Zur Geschichte der Klage finium regundorum: eine Kontroverse mit Rolf Knütel // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. 1994. Vol. 111. No. 1. S. 242–279.

Информация об авторе:

Гвоздева Инна Андреевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119234, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, e-mail: innagvozdeva44@mail.ru ORCID: 0000-0001-6075-9033. SPIN-код: 9189-1625.

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-3-313-327

EDN: QHJYVY

Научная статья / Research article

Римское межевание: почему лимиты назывались «галльскими»?

М.Н. Кириллова

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация

✉ marikirillowa@yandex.ru

Аннотация. Изучение землеустройства позволяет прояснить ряд вопросов в истории Древнего Рима, причем не только экономических, но и социокультурных. Реконструкция истории римского межевания — самой разработанной системы межевания древности — относится к числу актуальных научных задач, и она невозможна без выяснения, чем различались отдельные землеустроительные элементы. Многие из них упоминаются в «Книгах колоний», источнике, который все еще нуждается в новом критическом издании и до начала XXI в. привлекал недостаточно внимания исследователей. Цель исследования — выяснить, что представляли собой так называемые «галльские» лимиты (*limites Gallici*), и объяснить происхождение этого названия. Исследование опирается на современные представления об особенностях и функционировании землемерной нарративной традиции. Проанализированы сведения о «галльских» лимитах, а также о связанных с ними «морских» и «горных». В современной историографии распространилась точка зрения, согласно которой «галльские», «морские» и «горные» лимиты представляли собой три разных типа лимитов, применявшихся в определенных местностях. Эта гипотеза, однако, содержит много внутренних противоречий и не находит однозначной поддержки в источниках. Сделан вывод, согласно которому в исследованных случаях названия лимитов можно объяснить, с одной стороны, практикой ориентации лимитов при их проведении, а с другой — их функцией общественных дорог. Эта трактовка согласуется со сведениями «Книг колоний», согласно которым «галльские» лимиты находились вблизи, но не на самой территории *ager Gallicus*. Вероятнее всего, они вписывались в локальные дорожные системы, ведущие в его сторону. Распространенность межеваний «галльскими», «морскими» и «горными» лимитами в эпоху Поздней Республики свидетельствует о том, что ужесточение требований к межеваниям, в т.ч. к ориентации лимитов, было постепенным.

Ключевые слова: лимитация, Книги колоний, *ager Gallicus*, общественные дороги, землеустройство в Древнем Риме

© Кириллова М.Н., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 24-78-10152 «Этнокультурное взаимодействие в Средиземноморье IV–I вв. до н.э.: политика, религия и интеллектуальная жизнь (Италия, Египет, Малая Азия)».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 17.02.2026; принята к публикации 20.04.2026.

Для цитирования: Кириллова М.Н. Римское межевание: почему лимиты назывались «галльскими»? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 3. С. 313–327. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-313-327> EDN: QHJYVY

Roman land surveying: why were the *limites* called “Gallic”?

Maria N. Kirillova

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ marikirillova@yandex.ru

Abstract. The study of land use can clarify of a number of not only economic but also socio-cultural problems of the history of Ancient Rome. The reconstruction of the history of Roman land surveying, which was the most sophisticated land surveying system of antiquity, is among the pressing scholarly tasks, and it is impossible without clarifying the differences among its constituent elements. Many of these are mentioned in the *Libri Coloniarum* (Books of Colonies), a source that still requires a new critical edition and has, until the beginning of the 21st century, received insufficient scholarly attention. The purpose of this study is to determine the nature of the so-called *limites Gallici* and to explain the origin of this designation. The study is based on current understanding of the features and functioning of the gromatic (land surveying) textual tradition. The analysis examines the available evidence concerning the “Gallic” *limites*, as well as the associated “maritime” and “mountain” *limites*. According to the popular interpretation, the “Gallic”, “marine”, and “mountain” *limites* represented three different types of *limites* widespread in specific localities. However, this hypothesis finds no unambiguous support in the sources. It has been concluded that, in the cases examined, the names of these *limites* were determined by their function as public roads, and the “Gallic” *limites* were oriented toward the *ager Gallicus* (“Gallic Field”). This interpretation is consistent with the evidence of the *Libri Coloniarum*, according to which the “Gallic” *limites* were located near, but not on the very territory of the *ager Gallicus*. Thus, it seems that they could have been integrated into local road systems leading in its direction. The prevalence of land surveys using “Gallic”, “marine”, and “mountain” *limites* in the Late Republican period indicates that the tightening of requirements for land surveys, including the orientation of *limites*, was gradual.

Keywords: limitation, *Libri Coloniarum*, *ager Gallicus*, public roads, land management in Ancient Rome

Funding. The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation (RSF) Grant No. 24-78-10152 “Ethnocultural Interaction in the Mediterranean in the 4th–1st centuries BC: Politics, Religion, and Intellectual Life (Italy, Egypt, Asia Minor)”.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 17.02.2026; accepted 20.04.2026.

For citation: Kirillova MN. Roman land surveying: why were the limites called “Gallic”? *RUDN Journal of World History*. 2026;18(3):313–327. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-313-327> EDN: QHJYVY

Введение

Римское землеустройство — одно из важнейших культурных достижений древности. Оно формировалось на протяжении столетий, в т.ч. под влиянием традиций разных народов. На то, что некоторые элементы организации пространства были усвоены извне, в т.ч. по мере завоеваний, указывают как археология, так и нарративные источники. Так, в землемерных сочинениях упоминаются греки, этруски и даже оски¹, встречаются грекоязычная терминология и указания на меры площади, отличные от римских, описываются региональные особенности установки межевых знаков. Традиции регионов и местные практики (*consuetudo regionis*) были обязательны к исполнению.

В нашем исследовании мы обратимся к так называемым «галльским» лимитам. Лимитация была самой распространенной в эпоху Империи системой межевания. Она предполагала деление территории поселения дорогами — лимитами, пересекавшимися под прямым углом. Две основные дороги — главный декуман (*decumanus maximus*) и главный кард (*kardo maximus*) — проходили с запада на восток и с юга на север соответственно, параллельно им проводились остальные лимиты. Появление этой системы сами римские землемеры связывали с *disciplina Etrusca* — этруским религиозным учением, которое предусматривало деление сакрального пространства (*templum*) прямыми, ориентированными по сторонам света [1. С. 220–221; 2. С. 94–99]. Описанная в трактатах система лимитации формировалась на протяжении длительного времени и потенциально могла иметь региональные вариации. Мы постараемся выяснить, почему некоторые лимиты назывались «галльскими», в чем состояло их отличие, а также как их существование характеризует историю римского землеустройства. Обращение к этому сюжету также способно прояснить особенности взаимодействия разных народов древней Италии.

Особенности землемерных текстов как источника: проблемы издания и интерпретации

Перед тем, как приступить к анализу имеющихся сведений, следует оговорить особенности землемерных текстов как источника, а также эвристические пределы нашего исследования. Исследователь, занимающийся историей

¹ Последние — только во фрагменте Псевдо-Фронтин (Ps.-Front. De lim. 5), речь о котором пойдет далее.

римского землеустройства, оказывается в замкнутом круге, где сложность для понимания землемерных текстов обусловила недостаточное качество их изданий, и наоборот.

Первое критическое издание землемерных сочинений осуществил К. Лахманн [3]: как показали недавние исследования, многие его издательские решения, в частности, выделение некоей второй книги землемера Юлия Фронтинана, были вызваны некритическим восприятием решений П. Схрейвера (Скриверия), издавшего землемерные тексты в 1607 г. [4. S 127–128]. Часть реконструкций Лахманна уже в начале XX в. была пересмотрена К. Тулиным [5], который, однако, не успел при жизни предпринять ревизии всех землемерных текстов. Именно эти два издания легли в основу многих последующих переизданий и переводов [6–9]. Это относится и к Б. Кемпбеллу [10], по изданию которого мы цитируем большую часть текстов. Поскольку благодаря масштабному исследованию рукописной традиции землемеров за авторством Л. Торнеатто [11] представления о ней значительно уточнились, чтения отдельных фрагментов были пересмотрены. Внесенные исправления, тем не менее, носили ограниченный характер.

Принципиально другой подход продемонстрировал Й.-О. Линдерманн. Исследуя сходства и различия между сочинением Фронтинана «О лимитах» и сочинением Гигина Громатика «Об установлении лимитов» [4. S. 122–127; 12. S. 89–93; 13], а также историю идентификации землемера Юлия Фронтинана с политическим и военным деятелем Секстом Юлием Фронтином [14], Линдерманн вышел на проблему средневековых слоев в землемерных сочинениях. Ввиду интереса к информации, содержащейся у землемеров, их тексты неоднократно переписывались в Средние века, а также дополнялись комментариями и сведениями из других источников. Линдерманн издал все сочинения Юлия Фронтинана и трактат Гигина «Об установлении лимитов». Тексты были значительно пересмотрены: в результате в них отсутствуют грамматические и лексические неясности, характерные для издания Лахманна. Однако, как будет показано далее, некоторые любопытные для историка фрагменты были сочтены более поздними глоссами. Линдерманн доказал, что впервые сочинение «О лимитах» было приписано Фронтину Скриверием, в то время как оно представляет собой компиляцию, восходящую к сочинению Гигина и трактату IX в. *Ars gromatica* Gisemundi, а также, вероятно, и к иным, в т.ч. грекоязычным, источникам [4. S. 127–139]. «Громатиком» Гигин оказался назван в силу интерпретации одного из рукописных заголовков, который сообщал о «громатической книге» Гигина об установлении лимитов [12. S. 141].

При том, что многие решения Линдерманна порывают с существовавшими подходами, они опираются на системный анализ всей рукописной традиции и отнюдь не выглядят легковесными. Приходится констатировать, что тексты большинства землемерных сочинений не пересматривались с середины XIX в., тогда как новое издание потенциально

может изменить восприятие отдельных сюжетов. В частности, это относится и к «Книгам колоний», которые интересуют нас в первую очередь. Именно они содержат как наиболее важные упоминания «галльских» лимитов, так и многочисленные указания на особенности межевания конкретных местностей. Лахманн выделил две «Книги колоний». На основании того, что во второй «Книге» упоминается Самний, административно отделенный от Кампании во второй половине IV в., вторую «Книгу» принято датировать более поздним временем по сравнению с первой [15. Р. 296–297]. В результате содержание второй «Книги колоний» часто не принимается исследователями в расчет². Изучение того, как в «Книгах колоний» и других землемерных сочинениях освещены квесторские поля, заставляет нас сомневаться в таком подходе [18]. Мы склонны считать информацию обеих частей «Книг» одинаково обязательной для использования. Применительно к другим землемерным текстам мы стремимся учесть современное состояние их исследований.

«Галльские» лимиты и связанные с ними понятия в землемерных источниках

«Галльские» лимиты упоминаются не так часто. В первую очередь, мы находим их в «Книгах колоний» — списках, содержавших перечни общин на территории Италии и описания их межеваний. Хотя составление обеих «Книг» датируется IV в. н.э., в их основу, предположительно, легли более ранние земельные описи. Они могли восходить к землемеру Бальбу, который проводил ревизию кадастровой документации в эпоху Августа [19. С. 158]; по крайней мере, об этом сообщают сами «Книги» [10. С. 188]. Кроме того, один из списков общин озаглавлен «Провинция Пицен из книги Бальба» [10. С. 176]. Отметим, что описи, входящие в «Книги», явно составлялись с разными целями. Сложно сказать, было это особенностью исходного материала, или же переписчики сознательно выбирали определенную информацию. Так, во фрагменте, озаглавленном «Общины Кампании из Книги регионов», сведения об особенностях лимитов практически не приводятся, зато для каждого поселения указано, имеется вокруг него стена или нет. Подобные оговорки о наличии стен отсутствуют в других частях «Книг колоний». Составитель описания Бруттия, в свою очередь, всегда уточняет, в каком направлении проведены лимиты.

² См., например, таблицу с упоминаниями различных лимитов в исследовании Ж. Шукке, где учитываются только данные первой «Книги». То, что вторая «Книга» содержит противоречащие им данные, никак не объяснено [16. С. 122]. Показательна также статья М. Де Нардиса [17. Р. 290–294], который отдает однозначный приоритет другим источникам, хотя по сравнению с ними текст второй «Книги» и наиболее полный, и наиболее непротиворечивый.

Таким образом, информация «Книг» как правило стандартизирована, однако только в рамках отдельных частей.

«Галльские» лимиты упоминаются преимущественно во второй «Книге колоний» для территорий трех общин: Адрии/Атрии (*ager Adrianus*), Фалериона (*ager Falerionensis*) и Камерина (*Kamerinum/Camerinum*). Это общины из региона Пицена, расположенные в Центральной Италии ближе к восточному побережью Апеннинского полуострова. В первой «Книге колоний», в уже упомянутом разделе «Описание Пицена из книги Бальба», сведения о межевании полей Адрии и Фалериона, а также Нурсии и Пинны даны вместе: хотя в этом описании для них указаны «галльские» лимиты, при повторном рассмотрении Пинны и Нурсии во второй «Книге» о них нет упоминаний³.

Кроме «Книг колоний», «галльские» лимиты встречаются еще в нескольких текстах. Наименее информативен из них список, озаглавленный «Начинаются имена лимитов» (*Incipit nomina limitum*) [10. Р. 244–242]: в нем приводится только перечень разных названий лимитов, выписанных, вероятно, из другого источника. Более содержательно упоминание в «*Casae Litterarum*» — документе, название которого с учетом особенностей позднего латинского можно перевести как «Поместья букв» [20. Р. 30–43]. В нем описываются разные имения, обозначенные буквами, для территории одного из них (М) упоминаются «галльские» лимиты. Наконец, «галльские» лимиты есть еще в двух текстах: один приписан авторам Фаусту и Валерию [10. Р. 228–230], а другой сохранил лишь заголовок «Начинается описание лимитов и терминов» (*Incipit expositio limitum vel terminorum*) [10. С. 260]. В обоих говорится о межевании «галльскими» лимитами территории «Рима Вавилона». Это, скорее всего, свидетельствует о влиянии христианской традиции — в частности, «Откровения Иоанна Богослова», где под «Вавилоном» подразумеваются Римская империя и Рим (Откровение 17:5–6, 9; 18:24).

Обратимся к источникам. Нигде не уточняется, в чем была специфика «галльских» лимитов. В то же время, в вышеперечисленных текстах они никогда не упоминаются сами по себе, а только в связке с «морскими» лимитами. «Морские» же лимиты упоминаются в «Книгах колоний» неоднократно [10. Р. 164, 168, 172, 174, 176, 190, 194, 196, 198, 200]: трижды сами по себе, трижды вместе с «галльскими», но чаще всего (около 10 раз) в паре с «горными». Это обстоятельство комментируется в сочинениях Гигина, Сикула Флакка и цитирующего Гигина Псевдо-Фронтин:

³ Это, а также другие наблюдения [18. С. 931–934], заставляют нас сомневаться в датировке второй «Книги» более поздним временем: представленное в первой «Книге» описание «Провинция Пицен из книги Бальба» выглядит сокращенным изложением сведений о Пицене, представленных во второй «Книге», поэтому «галльские» лимиты и оказались приписаны не только Адрии и Фалериону, но также Нурсии и Пинне.

Позже у некоторых (лимиты) стали называться по природе места, и которые обращены на море, называются морскими, которые на горы, горными (*Postea apud quosdam a loci natura nomen acceperunt, et qui ad mare spectant maritimi appellantur, qui ad montem, montani* (Hyg. *De lim. const.* 3)).

Ведь другие называли морскими и горными в зависимости от положения региона и природы (*Alii vero ob regionum positionem et naturam appellaverunt maritimos et montanos* (SF III.4)) [10. С. 120].

Местные жители дают им различные и непохожие друг на друга названия, связанные с небесной сферой или природой местности (в других местах), как, например, в Тускии, Умбрии, в окрестностях Фанум Фортуны: те, что обращены к морю, называют приморскими, те, что обращены к горам, — горными (*Hi ab incolis variis ac dissimilibus vocabulis a caeli regione aut a loci natura sunt cognominati {in alio loco}, sicut in Tuscia, Umbria, circa Fanum Fortunae: qui ad mare spectant, maritimos appellant, qui ad montes montanos* (Ps.-Front. *De lim.* 4)).

Таким образом, авторы единодушны во мнении, что «морскими» и «горными» лимиты называют в отдельных местностях. Обратим внимание на места, в которых, по мнению Псевдо-Фронтин, это наименование распространено. Если мы обратимся к «Книгам колоний», то в разделе «Провинция Туския» действительно упоминаются общины, межевание которых было произведено «морскими» лимитами. Это Арриций [10. С. 168], территория от Вей до Аврелии [10. С. 172], от Рима до Порты [10. С. 174], под которым Б. Кемпбелл предлагает видеть порт, построенный Клавдием [10. С. 410]. Во второй «Книге колоний» упоминается Фанум Фортуны — в нем межевание предполагало «морские» и «горные» лимиты. Мы можем предположить, что в данном пассаже составитель текста опирался на сведения «Книг».

Отметим, что названия «морские» и «горные» встречаются при описании очень разных областей. Это не только колонии на территории древних этрусских городов, но и Буксент (Пиксунт) на юге Лукании, а также города Пицена и Умбрии, что указывает скорее на распространенную землемерную практику, чем на особенности конкретной местности. Составитель сводного описания полей Адрии, Нурсии, Фалериона и Пинны не видел принципиальной разницы между «морскими» и «настоящими» лимитами декуманом и кардо (*limitibus maritimis et Gallicis quos dicimus decimanus et kardines*). В описании Тускии между ними ощутима разница: различаются лимиты «обычные и морские» (*limitibus nomalibus maritimisque*) [10. С. 174]. Описывая колонию в Арриции, составитель «Книги» выделяет этапы проведения лимитации, где «морские» и «горные» предшествовали декуманам и кардам:

(Территория) колонии Арриций по закону Августа подсчитана, гракханскими лимитами, к которым относятся прямые морские и горные, после чего кардами и д[екуманами] была ассигнована, и число центурий осталось (тем же) (*Colonia Arretium lege Augusta censita, limitibus Graccanis, qui recturas maritimas et montanas spectabant, postea per cardines et d. est assignata, et numerus centuriarum manet*) [10. С. 168].

Таким образом, для Арриция фиксируется два этапа ассигнации: «морскими» и «горными» лимитами, на смену которым затем пришли декуманы и карды. На то, что «морские» и «горные» лимиты использовались при триумвирах, указывает информация о поле Сальвии Поллентинорум [10. С. 176], а также о поле Сентия и Толентина [10. С. 198]. Таким образом, по меньшей мере можно констатировать применение «морских», «галльских» и «горных» лимитов для земельных раздач эпохи Гракхов и триумвиров.

Гипотеза об особом типе лимитов: за и против

Проблему «морских», «горных» и «галльских» лимитов исследовал Ж.-И. Гийомен [21. Р. 137–156]. Он обратил внимание на то, что в сочинениях Сикула Флакка, Гигина (Громатика) и Фронтин (или Псевдо-Фронтин), если мы принимаем интерпретацию Й.-О. Линдерманна) «морские» и «горные» лимиты воспринимаются как синонимы декумана и кардо [21. С. 137]: мы ожидаем, что при их пересечении и проведении параллельных лимитов будет образована привычная сетка межевания. Однако исследователя такая трактовка не удовлетворила. Он обратил внимание на слова Сикула Флакка, согласно которым лимиты получают название от особенностей местности, в которой они расположены. Она может быть «морской» или «горной», что определяет название лимитов; для доказательства своей точки зрения он обратился к другим латинским авторам (Титу Ливию, Плинию Старшему, Квинтилиану), которые называли ту или иную местность «морской» или «горной» [21. Р. 142–143]. Гийомен также ссылается на фрагменты «Книг», где лимиты названы только «морскими». По мнению исследователя, то, что в «Книгах колоний» «морские» и «горные» лимиты часто фигурируют вместе, не содержит противоречия, поскольку в одной и той же местности могут быть и горы, и море. Что касается «галльских» лимитов, то они называются так потому, что находятся на территории, «более или менее связанной с *ager Gallicus*» («dans un territoire en rapport plus ou moins net avec l'*ager Gallicus*») [21. С. 154] — области к северу от Пицена на побережье Адриатического моря. Из заключительных объяснений Гийомена следует, что модель, при которой лимиты характеризуются как «морские», «горные» или «галльские», более поздняя, чем «декуман» и «кардо», и она связана с христианским восприятием землемерной традиции, в рамках которого была предпринята попытка отказаться от категорий организации пространства, связанных с язычеством, т.е. с этрусской дисциплиной [21. Р. 155–156].

Гипотеза Гийомена нашла поддержку в историографии. Она была учтена в издании позднеантичных землемерных текстов за авторством Ж. Пейраса, который дополнил аргументацию Гийомена ссылкой на изображение из *codex Gudianis* — копию с копии Ватиканской рукописи землемеров (первая половина IX в.), которая датируется концом IX в. На иллюстрации, как признает

сам Пейрас, нет «морского» лимита: там изображена прерывистая ступенчатая конструкция, которая подписана «*Gallicus progama iunsat et saltum dat*», что сам Пейрас предлагает интерпретировать как «Галльский лимит, выглядящий как гамма, связывает и делает скачок» [6. Р. 4–5]; с его точки зрения, эта ступенчатая конструкция и изображает «галльский» лимит.

В исследовании, посвященном «Книгам колоний», Ж. Шуке развил эти построения. С его точки зрения, «морские», «горные» и «галльские» представляли собой разные типы лимитов: это объясняет, почему «морские» лимиты приписаны общинам, находящимся на значительном расстоянии от моря [16. С. 119]. Он принимает в качестве аргумента и предложенное Пейрасом изображение из *codex Gudianus*, предположив, что «галльский» лимит был прерывистым и подходил для межеваний в горных областях. Шуке, в свою очередь, предлагает вставить в текст отдельных фрагментов «Книг» выражение «*in tribus limitibus*» вместо принятого на их месте «*intercivis limitibus*» [16. Р. 120–121]. По его мнению, это выражение указывает на сосуществование на одной территории трех разных типов лимитов, которые затем были вытеснены декуманами и кардами в первых веках новой эры [16. С. 123]. Таким образом, «галльские» лимиты оказываются одной из региональных традиций межевания.

На наш взгляд, с одной стороны, Гийомен справедливо обратил внимание на то, что «морские» лимиты не обязательно должны пересекаться с «горными», и что они называются так в определенных областях. Тем не менее, идея, что за этими названиями скрывались разные типы лимитов, кажется нам уязвимой и не находящей твердых подтверждений в источниках. Землемеры говорят лишь о направлении лимитов в определенных местностях (морские смотрят на море, горные на горы), в зависимости от которого они называются «морскими» или «горными». В пользу гипотезы о разных типах лимитов было приведено два основных аргумента: изображение из *codex Gudianus* и реконструкция текста «Книг колоний» Ж. Шуке. Что касается второго аргумента, то, на наш взгляд, подобные вставки в текст должны все-таки быть основаны на комплексном анализе рукописной традиции, в нынешнем виде они выглядят несколько произвольными. Если же говорить об иллюстрации из *codex Gudianus*, то нельзя не заметить, что 1) это единичное изображение, аналогов которому нет в более ранних рукописях и другой традиции иллюстраций, восходящей к *codex Arcerianus*; 2) интерпретация подписи к нему построена на ассоциациях; 3) она совершенно не обязательно должна изображать какую-то древнеримскую реалию, но может быть просто украшением, попыткой подражать тексту. Даже если мы примем гипотезу Ж. Пейраса, согласно которой на иллюстрации изображен именно «галльский» лимит, то это вызывает дополнительные вопросы. Поскольку лимиты были прямыми, которые пересекались под прямым углом, они, строго говоря, не могли быть ступенчатыми. Для прерывавшихся лимитов в «Книгах

колоний» есть отдельный термин (*limites intercisivi*) [22. S. 30–31; 23. С. 29], неправильная геометрическая форма участков также оговаривалась. Ни о каких подобных свойствах «галльских» лимитов нигде не говорится.

В конце концов, мы не случайно процитировали слова Гийомена о том, что общины с «галльскими» лимитами *более-менее связаны* с *ager Gallicus*, потому что на самом деле все они находятся *далеко за его пределами*. Ж. Шуке, к слову, не уловил этой оговорки и решил, что «галльские» лимиты были расположены в пределах Галльского поля [16. С. 119], отсюда и следуют его построения об особом локальном способе межевания. *Ager Gallicus* был территорией, принадлежавшей галльскому племени сенонов. По сведениям Ливия, сеноны пришли в Италию последними из галлов. Они заняли территорию от реки Утент на севере до реки Эзиса на юге (Liv. V.35.3). Идентификация первого гидронима вызывает сложности⁴, в то время как второй исследователи однозначно связывают с современной рекой Эзино. О границах *ager Gallicus* также сообщает Плиний. Из его описания следует, что «галльские земли по сю сторону от Аримина» были включены в *Regio VI* Умбрия. Таким образом, он был самым северным городом, а самым южным — Анкона: «От Анконы начинается Галльский берег, прозванный „Галлией, одетой в тоги“»⁵ (*Gallia Togata*) (Plin. NH. III.112). Стоит оговорить, что непосредственно к *ager Gallicus* Аримин (совр. Римини) не относился. Он был основан в качестве латинской колонии в 268 г. до н.э.; вероятно, его основание следует считать результатом битвы при Сентине. Находясь между территорией бойев и сенонов, он, по всей видимости, выступил плацдармом для завоевания самого *ager Gallicus* [25. S. 26–28]. Что касается Анконы, то она также не входила в изначальную территорию сенонов: это древнее поселение пиценов испытало сначала сильное греческое, затем римское влияние, однако присутствие кельтов на ее территории было минимальным [25. S. 106–107].

Таким образом, все описанные в «Книгах колоний» общины находятся за пределами *ager Gallicus*. Дальше всех находится Атрия — на расстоянии более 140 км: для наглядности, это больше, чем от Рима до Вольсиний, важнейшего этрусского религиозного центра. В целом, ни о каких особых «галльских» межеваниях нам неизвестно. О стабильных галльских поселениях на месте тех общин, где были «галльские» лимиты, данные отсутствуют. Камерин был центром умбрийского племени камертов, которые заключили с римлянами союз еще в конце IV в. до н.э. (Liv. IX.36.7–8) Фалерион и Атрия — пиценские поселения. В Атрию ок. 290 г. до н.э. была выведена латинская колония, а Фалерион не упоминается в нарративных источниках вплоть до Плиния; найденные памятники материальной культуры и эпиграфики, однако, относятся в основном к первым векам н.э. [26. Р. 179, 182].

⁴ Скорее всего, произошла контаминация названий двух разных рек [24. S. 683].

⁵ Пер. Б.А. Старостина.

Гипотеза Шуке, впрочем, учитывает историческое развитие римского межевания и согласуется со сведениями «Книг колоний», согласно которым «морскими» и «горными» лимитами межевали триумвиры, таким образом, эта практика предшествовала межеваниям Августа. Тем не менее, гипотезе о том, что «галльские», «морские» и «горные» представляли собой три разных типа лимитов, на наш взгляд, не хватает аргументации на основании собственно землемерных текстов.

Лимит как дорога, имеющая направление

С нашей точки зрения, для ответа на вопрос о «галльских» лимитах необходимо вернуться к сведениям трактатов о «морских» и «горных». Морские лимиты обращены (*spectare*) в сторону моря, а горные — в сторону гор. И авторы трактатов, и составители «Книг колоний» противопоставляют эту практику декуманам и кардам, которые ориентировались по сторонам света: происхождение этого принципа землемеры связывали с этрусской дисциплиной. Вероятно, в основе этой практики и правда лежали религиозные представления, и весьма вероятно, что действительно этрусские, поскольку римская лимитация находит параллели в этрусских межеваниях [2. С. 101–106]. Если верить археологическим исследованиям, ориентация лимитов по сторонам света, скорее всего, в самом деле выдерживалась [27]. То, что «морской» или «горный», — это прежде всего направление, следует и из описания Бруттия из «Книг колоний», на которое мы уже обращали внимание. Для межеваний всех упомянутых общин оговорены направления основных лимитов. Во всех случаях, кроме Буксента, у которого они «морские», ориентация лимитов сбита: кардо направлен на восток, а декуман на юг, тогда как должно было быть наоборот. Таким образом, в случае с Буксентом мы действительно можем предполагать самый простой способ определения направления лимитов [28. С. 96].

В то же время стоит обратить внимание на то, что лимит был не просто межой, но общественной дорогой. Согласно одной из этимологий, приведенной Сикулом Флакком, «лимиты же получили свое название от порогов, поскольку пороги обеспечивают входы и выходы в места, а лимиты — входы и выходы в поля» (*Limites autem ab liminibus vocabula acceperunt, quoniam limina introitus exitusque locis praestant, limites agris similiter introitus exitusque*) [10. С. 118]. Это, безусловно, «народная» этимология, однако она указывает на важность права прохода для характеристики лимитов. Статус общественной дороги обеспечивался законодательно. Так, соответствующая норма сохранилась в главе СIII закона колонии Юлии Генетивы (CIL I², 594 = CIL II, 5439 = ILS 6087) [29. Р. 393–454], также в некоем законе Мамилия Росция Педуция Алиена Фабия, фрагменты которого сохранились в землемерных

сочинениях [10. Р. 216–218]⁶. Размеры лимитов регулировались специальными предписаниями римских политиков, о чем сообщается в трактате «Об установлении лимитов» (Hug. De lim. const. 4). Таким образом, обязательное использование лимита в качестве общественной дороги объясняет использование глагола *spectare*: лимиты смотрят, т.е. направляются в определенную сторону. Итак, если «морские» лимиты вели к морю, а «горные» — в горы, куда могли вести «галльские» лимиты?

С точки зрения Б. Кемпбелла, они указывали на Галлию. Комментируя текст Фауста и Валерия, согласно которому «вокруг города Вавилона Рима были морские и галльские лимиты», он предполагает, что «морские» лимиты были направлены по линии восток — запад, как декуманы, а к северу от Рима находилась Цизальпинская Галлия, поэтому эти лимиты и могли быть названы «галльскими» [10. С. 440]. Цизальпинская Галлия в самом деле находилась к северу от Рима, хотя и на изрядном отдалении. Тем не менее, общее направление рассуждений кажется нам верным. «Галльские» лимиты, в отличие от «морских» и «горных», в «Книгах колоний» упоминаются только в одной области — на севере Пицена, к югу или юго-западу от местности, которая получила название *ager Gallicus*. Таким образом, можно предположить, что они вели не к Галлии, а в сторону Галльского поля.

Это объяснение снимает некоторые противоречия, которые можно усмотреть в «Книгах колоний». Например, межевание Фанум Фортуны, Фалериона и Камерина авторами книг колоний называется внешне схожим [10. С. 196], однако в случае Фанум Фортуны говорится о «морских» и «горных» лимитах, а в случае двух других общин — о «морских» и «галльских». Если бы это были разные типы лимитов, как предлагают французские исследователи, такое сходство бы не постулировалось. Однако, Фанум Фортуны находится на территории *ager Gallicus*, поэтому там и не могло быть «галльских» лимитов, в отличие от Камерина и Фалериона, но внешне все эти межевания действительно могли быть похожи.

Сложно сказать, можно ли считать «Галльское поле» достаточно знаковым для римлян направлением, чтобы сравнивать его со сторонами света, однако, приходится учитывать особенности восприятия галлов на территории древней Италии, а именно — в качестве пришлого и агрессивного населения. Х. Беллен посвятил отдельное исследование «галльскому страху», *metus Gallicus*, и указывает на живучесть этого страха в римском менталитете в эпоху Республики [31]. В случае *ager Gallicus* ассоциативный ряд можно было бы дополнить тем, что именно проживавшие там сеноны, с точки зрения Ливия, некогда разграбили и сожгли Рим (Liv. V.35.3). Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что *ager Gallicus* был впервые разделен

⁶С точки зрения М. Кроуфорда, на самом деле этот текст представляет собой выдержку из *lex Iulia agraria* [29. Р. 763–767; 30].

римлянами посредством ассигнаций *viritim*, без создания колоний. По мнению С. Розелаар, римляне длительное время не посягали на Галльское поле: закон о его разделе мог встретить противодействие сената в т.ч. из опасений перед возможным конфликтом с сенонами [32. Р. 56–57]. О том, что раздел *ager Galicus* был одной из причин галльского восстания в 225 г. до н.э., сообщает Полибий (Polyb. II.21.7–9). Галльские области активно романизировались после окончательного завоевания, однако данные эпиграфики и материальной культуры указывают на культурное сопротивление и формирование новой кельтской идентичности [33. Р. 744–748]. Таким образом, мы можем реконструировать устойчивость галльского населения к внешним влияниям и, как следствие, восприятие их территории как чего-то инородного.

С нашей точки зрения, «галльские» лимиты, так же как «морские» и «горные», могли вписываться в региональные транспортные маршруты. Это снимало бы противоречие, на которое указал Ж. Шуке: хотя не все области с «морскими» лимитами расположены близко к морю, они, тем не менее, могли быть связаны с дорогами, которые к нему ведут. О связи лимитаций и дорог свидетельствуют и землемерные сочинения, где говорится, что за направление главного декумана могла приниматься консулярская дорога:

В некоторых колониях главный декуман таким образом провели, чтобы содержал проходящую через колонию консулярскую дорогу, как в Кампании в колонии Аксурнатов главный декуман соблюден по Аппиевой дороге (*Quibusdam coloniis decumanum maximum ita constituerunt, ut viam consularem transeuntem per coloniam contineret, sicut in Campania coloniae Axurnati decimanus maximus per viam Appiam observatur*) (Hyg. De lim. const. 16).

Итак, «галльские» лимиты могли быть связаны с дорогами, ведущими на *ager Gallicus*. Как и в случае с «морскими» лимитами, это построение объясняет распространенность «галльских» лимитов в регионе, сравнительно близком к *ager Gallicus*, для которых дорога в его сторону могла иметь практический смысл.

Заключение

«Морские», «горные» и «галльские» едва ли представляли собой отдельные типы лимитов. Их применение иллюстрирует особенности ориентирования межеваний в эпоху Республики. Наряду с ориентацией по сторонам света применялась ориентация по дорожным сетям, можно предположить, что в т.ч. региональным. В результате одни лимиты направлялись в сторону гор, другие — к морю, третьи — к Галльскому полю, от которого они и получили свое название. Существование Галльского поля как ориентира указывает на то, что в определенную эпоху в римском менталитете оно воспринималось как нечто самостоятельное по отношению к остальной территории

Италии. Можно предположить, что направление лимитов было более жестко регламентировано в конце Республики — начале Империи, при императоре Августе, с именем которого традиция связывает многие новации в области римского земельного кадастра.

Список литературы / References

1. Gvozdeva IA. Principles of spatial organization and agrarian structure of Ancient Rome. *RUDN Journal of World History*. 2018;10(3):219–228. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2018-10-3-219-228> EDN: YYVGHB
Гвоздева И.А. Принципы организации пространства и аграрная структура Древнего Рима // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 219–228. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2018-10-3-219-228> EDN: YYVGHB
2. Kirillova MN. *Disciplina Etrusca and the development of the Roman orthogonal land surveying*. *Journal of Ancient History*. 2023;83(1):94–113. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S103032910020459-7> EDN: CRGCIL
Кириллова М.Н. *Disciplina Etrusca* и формирование римского ортогонального межевания // Вестник древней истории. 2023. Т. 83. № 1. С. 94–113. <https://doi.org/10.31857/S103032910020459-7> EDN: CRGCIL
3. Lachmann K, Rudorff A. *Die Schriften der römischen Feldmesser*. Bd. 1. *Gromatici veteres*. Berlin: Reimer; 1848.
4. Lindermann JO. *Iuli Frontini opera gromatica: Historisch-kritische Edition*. Freiburg im Breisgau: wbg Academic; 2025.
5. Thulin C. *Corpus agrimensorum romanorum*. Lipsiae: B.G. Teubner; 1913.
6. Peyras J. *Documents d'arpentage de l'Antiquité tardive. Textes établis, traduits et annotés*. Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté; 2013. (Collection de l'ISTA, 1257).
7. Guillaumin JY, ed. *Les arpenteurs romains*. T. I. *Hygin le Gromaticus*. Frontin. Paris: Les Belles Lettres; 2005.
8. Guillaumin JY, ed. *Les arpenteurs romains*. T. II. *Hygin. Siculus Flaccus*. Paris: Les Belles Lettres; 2010.
9. Guillaumin JY, ed. *Les arpenteurs romains*. T. III. *Commentaire anonyme sur Frontin*. Paris: Les Belles Lettres; 2017.
10. Campbell B. *The Writings of the Roman Land Surveyors. Introduction, Text, Translation and Commentary*. London: Society for the Promotion of Roman Studies; 2000. (Journal of Roman Studies Monograph, 9).
11. Toneatto L. *Codices artis mensoriae. I manoscritti degli antichi opuscoli latini d'agrimensura (V–XIX sec)*. T. 1–3. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo; 1994–1995.
12. Lindermann JO. *Hygini liber gromaticus de limitibus constituendis. Historisch-kritische Edition und Erläuterungen*. Darmstadt: wbg Academic; 2022.
13. Lindermann JO. Varro und Isidor in den *Gromatici veteres*. *Philologus. Zeitschrift für antike Literatur und ihre Rezeption*. 2013;157(1):119–140.
14. Lindermann JO. Echt oder unecht? Frontin als gromatischer Autor aus der Sicht der Philologie. *eTopoi. Journal for Ancient Studies*. 2016;5:18–45.
15. Thomsen R. *The Italic regions, from Augustus to the Lombard invasion*. Kobenhavn: Gyldendal; 1947.
16. Chouquer G. *Études sur le Liber coloniarum*. Paris: Presses universitaires de Franche-Comté; 2016.
17. De Nardis M. I libri coloniarum lachmanniani e la datazione di Siculus Flaccus. In: *Uomini, istituzioni, mercati. Studi di storia per Elio Lo Cascio*. Bari: Edipuglia; 2019:287–298.

18. Kirillova MN. The description of Cures Sabini in *Liber coloniarum II* and its sources. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*. 2025;(29–1):927–936. (In Russ.). <https://doi.org/10.30842/ielcp2306901529053> EDN: QBSWMI
Кириллова М.Н. Описание межевания окрестностей сабинского города Куреса в *Liber coloniarum II* и его источники // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2025. № 29–1. С. 927–936. <https://doi.org/10.30842/ielcp2306901529053> EDN: QBSWMI
19. Nicolet C. *Space, Geography, and Politics in the Early Roman Empire*. Ann Arbor: University of Michigan Press; 1991.
20. Josephson Å. *Casae Litterarum. Studien zum Corpus Agrimensorum Romanorum*. Uppsala: Almqvist & Wiksell; 1950.
21. Guillaumin JY. *Sur quelques notices des arpenteurs romains*. Besançon: Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité; 2007.
22. Hinrichs FT. *Die Geschichte der gromatischen Institutionen. Untersuchungen zu Landverteilung, Landvermessung, Bodenverwaltung und Bodenrecht im römischen Reich*. Wiesbaden: Steiner; 1974.
23. Gvozdeva IA. *Ager Colonicus* in the Roman *agrimensura* of the period of the Republic. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 2020;(7):27–30. (In Russ.). EDN: QGWFDDB
Гвоздева И.А. *Ager Colonicus* в римской агрименсуре периода Республики // Аграрное и земельное право. 2020. № 7 (187). С. 27–30. EDN: QGWFDDB
24. Radke G. *Gallicus ager*. In: *Der Kleine Pauly*. Band 2. Stuttgart: Alfred Druckenmüller; 1967: 683–684.
25. Oebel LC. *Flaminus und die Anfänge der römischen Kolonisation im ager Gallicus*. Frankfurt am Main: Peter Lang; 1993.
26. Keppie L. *Colonisation and Veteran Settlement in Italy, 47–14 B.C.* London: British School at Rome, 1983.
27. Rodríguez-Antón A, Magli G, González-García AC. Between land and sky — a study of the orientation of Roman Centuriations in Italy. *Sustainability*. 2023;15(4):3388. <https://doi.org/10.3390/su15043388>
28. Gvozdeva IA, Gvozdeva TB. *Agri divisi* in Roman *agrimensura*. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 2020;(9):95–98. (In Russ.). EDN: DBWWPQ
Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б. *Agri divisi* в римской агрименсуре // Аграрное и земельное право. 2020. № 9 (189). С. 95–98. EDN: DBWWPQ
29. Crawford MH. *Roman Statutes*. Vol. I–II. London: Institute of Classical Studies; 1996.
30. Crawford MH. *Lex Iulia agraria. Athenaeum*. 1989;66:179–190.
31. Bellen H. *Metus Gallicus — Metus Punicus: Zum Furchtmotiv in der römischen Republik*. Stuttgart: Franz Steiner; 1985.
32. Roselaar ST. *Public Land in the Roman Republic. A Social and Economic History of Ager Publicus in Italy, 396–89 BC*. Oxford: Oxford University Press; 2010.
33. Haeussler R. The Galli. In: Farney GD, Bradley G, eds. *The Peoples of Ancient Italy*. Berlin: De Gruyter; 2017, p. 719–754.

Информация об авторе:

Кириллова Мария Николаевна — кандидат исторически наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32А, e-mail: marikirillowa@yandex.ru ORCID: 0000-0001-9029-5727. SPIN-код: 2327-6118.

Information about the author:

Maria N. Kirillova — candidate of historical sciences, senior researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 32A Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russian Federation, e-mail: marikirillowa@yandex.ru ORCID: 0000-0001-9029-5727. SPIN-code: 2327-6118.

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-3-328-342

EDN: QGOFWU

Научная статья / Research article

Борьба с коррупцией в римских провинциях во II–I вв. до н.э.

В.О. Никишин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, *Москва,*
Российская Федерация

✉ cicero74@mail.ru

Аннотация. Тема борьбы с коррупцией, возникающей в результате преступного сращивания недобросовестной администрации с нечистыми на руку бизнесменами, по-прежнему актуальна. Автор поставил перед собой задачу исследовать ситуацию с правовой защитой провинциалов от произвола и злоупотреблений со стороны римских администраторов и предпринимателей-публиканов в период Поздней Римской республики. Цель исследования — показать, каким образом эта ситуация менялась в лучшую сторону на протяжении II–I вв. до н.э. Изначально власть наместника была практически неограниченной. На протяжении длительного времени конфликты в провинциях разрешались «в ручном режиме» сенатом. Тем не менее, как показал автор, к середине II в. до н.э. в Римской республике существовал ряд юридических норм, защищавших права провинциалов. В 149 г. до н.э. по инициативе плебейского трибуна Луция Кальпурния Пизона Фруги был принят первый в истории Рима закон о вымогательствах — *lex Calpurnia de repetundis*. В результате появилась *quaestio perpetua de repetundis* — судебная коллегия по делам о лихоимстве, состоявшая из сенаторов и действовавшая на постоянной основе. В течение последующих 90 лет было принято не менее шести законов, посвященных борьбе со злоупотреблениями римских должностных лиц. В результате анализа источников и историографии сделан вывод о том, что за 63 года, прошедшие от Ацилиева закона 122 г. до н.э. до Юлиева закона 59 г. до н.э., ситуация в области римского уголовного законодательства *de repetundis* изменилась кардинальным образом: если первый из этих законов всего лишь регламентировал процедуру судебного решения конфликта, то последний регулировал всю сферу отношений римского должностного лица с провинциалами.

Ключевые слова: провинциалы, наместники, публиканы, Луций Кальпурний Пизон Фруги, Квинт Муций Сцевола Понтифик, Публий Рутилий Руф, рекуператоры, *stipendia*, *vestigalia*, законодательство *de repetundis*

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18.01.2026; принята к публикации 20.04.2026.

© Никишин В.О., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Никишин В.О. Борьба с коррупцией в римских провинциях во II–I вв. до н.э. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 3. С. 328–342. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-328-342> EDN: QGOFWU

The fight against corruption in the Roman provinces in the 2nd – 1st centuries BC

Vladimir O. Nikishin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ cicero74@mail.ru

Abstract. The issue of combating corruption arising from the illicit collusion between unscrupulous administrators and dishonest businessmen remains highly relevant. The author sets out to examine the legal protection afforded to provincials against the arbitrary actions and abuses of Roman administrators and publicani (tax farmers) during the Late Roman Republic. The aim of study is to demonstrate how this situation improved over the course of the 2nd and 1st centuries BC. Initially, the authority of a provincial governor was virtually unlimited. For a long time, conflicts in the provinces were resolved by the Senate on a case-by-case basis. Nevertheless, as the author has demonstrated, by the mid-2nd century BC, a body of legal norms existed within the Roman Republic to protect the rights of provincials. In 149 BC, at the initiative of the plebeian tribune Lucius Calpurnius Piso Frugi, Rome's first law regarding extortion — the *lex Calpurnia de repetundis* — was enacted. This led to the establishment of the *quaestio perpetua de repetundis*, a permanent judicial panel composed of senators tasked with adjudicating cases of extortion. Over the subsequent 90 years, no fewer than six laws were enacted to combat abuses by Roman officials. An analysis of the sources and historiography led the author to conclude that the situation regarding Roman criminal legislation on *repetundae* underwent a fundamental transformation during the 63 years separating the *Lex Acilia* (122 BC) from the *Lex Iulia* (59 BC): whereas the former merely regulated the judicial procedure for resolving disputes, the latter governed the entire scope of relations between Roman officials and provincials.

Keywords: provincials, governors, publicani, Lucius Calpurnius Piso Frugi, Quintus Mucius Scaevola Pontifex, Publius Rutilius Rufus, recuperators, stipendia, vectigalia, legislation *de repetundis*

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 18.01.2026; accepted 20.04.2026.

For citation: Nikishin VO. The fight against corruption in the Roman provinces in the 2nd – 1st centuries BC. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(3):328–342. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-328-342> EDN: QGOFWU

Введение

С давних пор римляне имели обыкновение особо не церемониться с побежденным противником, злоупотребляя правом сильного и нередко нарушая достигнутые договоренности. Характерный пример подобного

произвола в отношении проигравших Ганнибалову войну карфагенян — в 199 г. до н.э. в Северной Африке еще не было римской провинции! — мы находим в «Истории» Тита Ливия: «В этот год карфагеняне впервые доставили в Рим то серебро, которое обязались присылать в уплату дани. Поскольку квесторы для проверки переплавили его и при этом обнаружилась убыль четверти веса, серебро было объявлено недостаточно чистым. Тогда карфагеняне заняли у Рима денег и ими восполнили недовесок серебра» (XXXII. 2. 1–2. Пер. С.А. Иванова). Через 17 лет после битвы при Каннах соотечественники Ганнибала были вынуждены безропотно сносить произвол римских должностных лиц. Надо полагать, вес гирь, которыми пользовались квесторы, утяжелялся не только стереотипом *Punica fides* [1. С. 30], но и принципом *vae victis*: легко заметить, что вся эта история сильно напоминает рассказанное все тем же Ливием предание о Бренне и «галльском золоте», только наоборот (V. 48. 8–9). Хорошо усвоив урок легендарного вождя сенонов, римляне впредь в отношениях с теми, кого они покорили, нередко отдавали приоритет силе перед правом.

Ситуация с правовой защитой провинциалов

В III–II вв. до н.э. появился целый ряд римских провинций. Их наместниками — носителями империя — становились зачастую те же лица, которые воевали, разрабатывали планы военных кампаний и покоряли для Рима новые земли. Изначально власть наместников была практически неограниченной. Они, по словам Т. Моммзена, «властвовали, как настоящие монархи» [2. С. 629]. При этом одной из основных прерогатив наместника являлось отправление правосудия (*Cic. Q. fr. I. 1. 20*). Первоочередная обязанность римского промагистрата в провинции — обеспечить правовую защиту интересов римских граждан (*Cic. Att. V. 21. 6*). Соответственно, интересы провинциалов *volens-nolens* отодвигались на второй план. Как писал Э. Бэдиан, «ясно, что даже самые элементарные принципы защиты и справедливости для провинциала зависели от прихоти (и честности) наместника... Нечасто признается, насколько несистематичным и зависимым от характера и целей конкретного человека в действительности было все провинциальное управление при Республике» [3. С. 79]. Наместники были очень разными людьми: так, если пропретор Сицилии в 79 г. до н.э. Гай Клавдий Марцелл запомнился провинциалам своей мягкостью и справедливостью (*Cic. Verr. II. 2. 51*), то один из его преемников, Гай Корнелий Веррес (73–71 гг. до н.э.), приказал сицилийцам, по словам Цицерона, «праздновать „Веррии“ и сдать на несколько лет вперед подряд на поставку необходимого для жертвоприношений и народных угощений в этот день!» (*ibid. 52*). Зависимость провинциалов от честности и добросовестности наместника, который мог быть Муцием Сцеволой (видный специалист по гражданскому праву, наставник Цицерона), а мог и оказаться

каким-нибудь Верресом, превратившим римское право в «*ius verrinum*» (Cic. Verr. II. 1. 121), сохранялась в условиях своеобразного юридического парадокса: в каждой провинции действовали вместо одной целых две правовых системы — традиционная местная и привнесенная римская. Местное право включало в себя, во-первых, право греческих общин, автономно существовавших практически во всех областях Средиземноморья, и, во-вторых, правовую традицию негреческого, или варварского населения. Греческое право было кодифицировано (пример — законодательство Сиракуз. См.: Cic. Verr. II. 2. 32; 126; 3. 18–20) и отличалось относительным единообразием вне зависимости от того, в каком районе Средиземноморья располагался тот или иной греческий город.

Греческие общины пользовались самоуправлением, у них были свои законы и собственная система судопроизводства — об этом, в частности, сообщает Цицерон, который в бытность свою наместником Киликии лишь эпизодически вмешивался в упомянутую греческую *автономию* (Att. VI. 1. 15; 2. 4). В случае, если особых проблем не возникало, дела решались в местных судах (Cic. Verr. II. 2. 32). Если же возникали какие-то осложнения правового характера, то стороны могли обратиться к суду наместника. Правовая традиция варварского населения представляла собой либо вовсе никак не зафиксированные и существовавшие лишь в устной передаче обычаи (например, в Галлии или Испании), либо некие сакрализованные нормы, обретавшие вторую жизнь в религиозно-правовых сводах, таких как Тора или Талмуд. В некоторых случаях особый правовой статус местных общин создавался эллинистическими монархами или римскими должностными лицами, которые гарантировали провинциалам те или иные привилегии (пример — иудейские общины Малой Азии). При этом обе правовые системы — местная и римская — почти не пересекались, существуя как бы в параллельных измерениях. Кроме того, ситуация нередко осложнялась тем, что римские власти и провинциальные общины по-разному понимали статьи заключенных ими же договоров, яркий тому пример — конфликт в Испании, описанный Аппианом: предоставляя провинциалам какие-либо привилегии, сенат «всегда прибавлял, что они будут действительны, „пока это будет угодно сенату и римскому народу“» (Iber. 44. Пер. С.П. Кондратьева). Таким образом, следует констатировать «принципиальную неопределенность того, что Рим постановлял» [4. С. 133].

Конфликты римских властей с провинциалами

Ситуация с правовой защитой провинциалов коренным образом изменилась после 149 г. до н.э., когда был принят закон Кальпурния о вымогательствах. До этого конфликты в провинциях разрешались «в ручном режиме» сенатом. Так, в 187 г. до н.э. претор Марк Фурий Крассипед, получивший

назначение в Цизальпинскую Галлию, отобрал оружие у верного Риму племени ценоманов. Последние направили депутацию в сенат с жалобой на противозаконные действия претора; сенаторы поручили рассмотреть дело консулу Марку Эмилию Лепиду, который вынес решение в пользу ценоманов: оружие было им возвращено, претор получил приказ покинуть провинцию (Liv. XXXIX. 3. 1–3). Новый конфликт в Цизальпинской Галлии произошел уже спустя четыре года, на этот раз по вине консула Марка Клавдия Марцелла, который приказал отобрать оружие и имущество у одного из галльских племен, переселившегося в Северную Италию из-за Альп (Liv. XXXIX. 54. 2–4). Галлы пожаловались в сенат, а там вынесли соломоново решение: консула обязали вернуть галлам оружие и имущество (за исключением награбленного ими у местного населения добра), варварам же предписали покинуть Италию (Liv. XXXIX. 54. 4–13).

В 173 г. до н.э. консул Марк Попилий Ленат в ходе военной кампании против лигуров нанес им поражение в битве у стен города Кариста (Liv. XLII. 7. 3–10), когда же деморализованные враги сдались на милость победителя, он «отобрал у них все оружие, разрушил город, самих и имущество их продал» (Liv. XLII. 8. 2–3. Здесь и далее пер. М.П. Фёдорова и И.Ф. Макаренкова). При этом пострадало племя стателлатов, неизменно сохранявшее лояльность по отношению к Риму (Liv. XLII. 8. 5). Неоправданная жестокость консула вызвала негодование в сенате (Liv. XLII. 8. 4–6). После прений было вынесено решение: предписать консулу выкупить проданных в рабство лигуров, а также вернуть им оружие и, по возможности, имущество (Liv. XLII. 8. 7–8). Возмущенный такой, с его точки зрения, вопиющей несправедливостью, Ленат отказался повиноваться решению сената и, разместив войска на зимних квартирах, прибыл в Рим, где первым делом созвал сенат и потребовал от «отцов» отмены принятого постановления (Liv. XLII. 9. 1–5). Сенаторы, как и следовало ожидать, в резких выражениях ему отказали, после чего консул вернулся в провинцию (Liv. XLII. 9. 6). В следующем году он уже в ранге проконсула напал на стателлатов и перебил не менее 6 тыс. из них; тогда лигуры снова взялись за оружие (Liv. XLII. 21. 2). Как полагал Ливий, Ленат своими действиями поправ законы божеские и человеческие (Liv. XLII. 21. 3). После этого в Риме по инициативе двух плебейских трибунов был принят закон о начале расследования действий Лената в Лигурии, вести которое сенат поручил претору Гаю Лицинию Крассу (Liv. XLII. 21. 4–8). Ленат не спешил с возвращением в Рим, и тогда трибуны провели в комициях еще один закон, который давал право претору в случае неявки Лената к ноябрьским идам рассмотреть дело и вынести приговор заочно; в результате проконсул был вынужден предстать перед враждебно настроенными по отношению к нему «отцами» (Liv. XLII. 22. 2–4). Сенат постановил: лояльным лигурам вернуть свободу и дать землю за Падом (Liv. XLII. 22. 5–6). Что же касается Лената, то он «дважды защищался на суде перед Гаем Лицинием; на третий раз

претор, из уважения к отсутствующему консулу¹ и мольбам семьи Попилиев, назначил подсудимому явку на мартовские иды, то есть на тот день, когда в должность вступали новые магистраты; тогда, сделавшись частным лицом, Лициний² уже не мог бы творить суд. Так с помощью хитрой уловки был обойден закон об ответе за дело лигурийцев» (Liv. XLII. 22. 7–8). Вся эта история никак не сказалась на дальнейшей карьере Марка Попилия Лената: в 159 г. до н.э. он был избран цензором. Что же касается сугубо правовой стороны дела, то, по мнению В.К. Хрусталёва, в 172 г. до н.э. Ленату было предъявлено обвинение в «умалении величия римского народа» (*crimen maiestatis*) [5. С. 67].

Похожий инцидент произошел в 171 г. до н.э., когда началась Третья Македонская война. Консул Гай Кассий Лонгин хотел получить командование в Македонии, однако по жребию ему досталось назначение в Италию (Liv. XLII. 32. 4), безусловно, не сулившее ни громкой славы, ни богатой добычи³. Не смирившись с таким оборотом дела, Кассий собрал вверенные ему войска в Аквилее и оттуда самовольно двинулся через территорию Иллирии к театру военных действий (Liv. XLIII. 1. 4–7). Сенат отправил к нему трех легатов с приказом не начинать ни с кем войны на свой страх и риск; строптивый консул на сей раз как будто бы подчинился воле сената, но на обратном пути разграбил земли не воевавших на тот момент с Римом племен галлов, карнов, истрийцев и япидов (Liv. XLIII. 1. 10–12; 5. 2–4). Те направили жалобу в сенат, однако, когда она поступила на рассмотрение, Кассий уже был в Македонии, куда по истечении консульских полномочий он, не возвращаясь в Рим, отправился в качестве военного трибуна. Сенат ответил послам указанных племен, что не одобряет действия Кассия, однако вместе с тем не может судить человека столь высокого ранга в его отсутствие. Неловкую ситуацию сенаторы постарались уладить дипломатическим путем: послов щедро одарили и пообещали удовлетворение в судебном порядке, когда Кассий вернется в Рим, а к направившим их общинам отправили представительные посольства (Liv. XLIII. 5. 1–10).

К 171 г. до н.э. относится первый известный нам случай преследования римских должностных лиц по обвинению в вымогательстве на основании обращения провинциалов: тогда в сенат явились представители нескольких испанских племен с жалобами на злоупотребления бывших наместников (Liv. XLIII. 2. 1–2). Выслушав жалобщиков, сенат поручил претору обеих Испаний Луцию Канулею

¹ Речь о Гае Попилии Ленате, брате Марка.

² Буквально через пару лет старший брат Гая Лициния, Публий Лициний Красс (консул 171 г. до н.э.), попав под суд по аналогичному обвинению (жестокое обращение с союзниками, включая грабежи, убийства и их незаконное порабощение), был приговорен к штрафу (Liv. XLIII. 4. 5; Per. 43; Zon. IX. 22 c).

³ Конкретно речь шла о Цизальпинской Галлии.

назначить рекуператоров⁴, по пять на каждого из ответчиков (Liv. XLIII. 2. 2. 3)⁵. Интересы жалобщиков в суде представляли выбранные ими из числа римских граждан защитники (patroni). Несмотря на то что, по словам Ливия, «денежные вымогательства были очевидны» (loc. cit. Здесь и далее пер. Н.П. Гринцера, Т.И. Давыдовой, М.М. Сокольской), рекуператоры не сразу (дело дважды откладывалось), но все же оправдали Марка Титиния, наместника Ближней Испании в 178–176 гг. до н.э. (Liv. XLIII. 2. 6). Затем они рассмотрели дела Публия Фурия Фила, наместника Ближней Испании в 174 г. до н.э., и Марка Матиена, наместника Дальней Испании в 173 г. до н.э. (Liv. XLIII. 2. 8–9). Поскольку вынесение обвинительного приговора было предопределено, оба подсудимых добровольно удалились в изгнание, первый — в Пренесте, второй — в Тибур (Liv. XLIII. 2. 10). Вероятно, испытывая определенное давление со стороны влиятельных людей в сенате и/или опасаясь новых жалоб из испанских провинций, претор Луций Канулей в разгар судебного разбирательства бросил порученное ему дело и занялся набором войска, а затем внезапно уехал в назначенную ему провинцию (Liv. XLIII. 2. 11). После этого, как пишет Ливий, «предав прошлое молчаливому забвению, на будущее сенат постановил удовлетворить требования испанцев: чтобы римские должностные лица не распоряжались ценами на хлеб и не принуждали жителей продавать урочную двадцатую часть урожая за сколько вздумается и чтобы в их города не назначались заведующие сбором налогов» (Liv. XLIII. 2. 12). Таким образом, сенат запретил наместникам манипулировать ценами на зерно, произвольно завышая их при получении содержания не натурой, а деньгами и, соответственно, занижая эти цены при покупке зерна за казенный счет; кроме того, отныне наместники не имели права посылать в испанские города префектов для сбора налогов⁶. Это был прецедент, означавший, что у римской правящей элиты произошло «осознание империалистической ответственности» [4. С. 134].

Правовая защита населения провинций

К тому времени, когда происходили упомянутые события, существовал ряд правовых ограничений, которые так или иначе препятствовали римским должностным лицам превращать свою деятельность

⁴ Тогда в эту судебную комиссию (quaestio) входили сенаторы, которых выбирал претор по своему усмотрению. Рекуператорский суд (iudicium recuperatorium) изначально был предназначен для возврата незаконно отчужденного — отобранного, захваченного, украденного — имущества, как общественного, так и частного (Fest. 342 L).

⁵ В таких случаях назначался залог (vadimonium), и в случае неявки обвиняемого в суд рекуператоры автоматически приговаривали его к штрафу на сумму объявленного залога (Gai. Inst. IV. 185).

⁶ Налоги с общин собирали звонкой монетой или слитками золота и серебра представители местных элит.

в провинциях в откровенный произвол. Во-первых, что касается римских граждан, то их от произвола — по крайней мере, формально — защищали нормы римского права; применительно к союзникам (*socii*) опять-таки теоретически действовали условия союзного договора (*foedus*), которые на деле нередко нарушались; если же договор отсутствовал, провинциалам оставалось полагаться на «добрую волю римского народа» (*fides populi Romani*). Лица, виновные в «преступлениях против римского народа» (*crimina publica*), подлежали суду комиций, *iudicium populi*⁷. Дело легата Племиния (204 г. до н.э.) стало первым известным нам случаем, когда преступления римского военачальника в отношении союзников (*Liv. XXIX. 8. 7–9. 12; 17. 11–18. 20*) расследовались специально созданной для этого судебной комиссией (*quaestio*) в составе претора, 10 сенаторов, двух плебейских трибунов и одного плебейского эдила (*Liv. XXIX. 20. 4–11; Diod. XXVII. 4. 6*)⁸. Луция Квинкция Фламинина, консула 192 г. до н.э., за позорный эпизод с беспричинным убийством знатного галла (*Liv. XXXIX. 42. 8–12*) в 184 г. до н.э. лишь на несколько лет исключили из сената по инициативе цензора Катона Старшего (*Liv. XXXIX. 42. 5*). Характерно, что никто даже не пытался привлечь Фламинина к суду за убийство человека, доверившегося великодушию магистрата римского народа. В свою очередь, консуляр Луций Корнелий Лентул Луп в 154/153 г. до н.э. был осужден за вымогательства (о датировке этого судебного процесса см. [6. Р. 277, п. 5]) — вероятно, в бытность его наместником провинции⁹, что не помешало ему в 147 г. до н.э. стать цензором (*Val. Max. VI. 9. 10; Fest. 360. 26–28 L*).

Во-вторых, сфера полномочий наместника могла быть ограничена полученными от сената и/или народа *mandata* — инструкциями вполне конкретного или же, напротив, самого общего характера [7. С. 165; 8. С. 22–36]. В-третьих, в начале II в. до н.э. римские верхи приняли меры по наведению порядка в провинциях. Так, в 198 г. до н.э., как сообщает Ливий, наместник

⁷ Примеры тому — осуждение Публия Клавдия Пульхра в 249 г. до н.э. (*Polyb. I. 52. 2–3; Cic. Nat. deor. II. 7; Div. II. 71*), Марка Ливия Салинатора в 218 г. до н.э. (*Liv. XXII. 35. 3; De vir. ill. 50. 1*), Гнея Фульвия Флакка в 211 г. до н.э. (*Liv. XXVI. 2. 7–9*). Широкий общественный резонанс получило дело Луция Корнелия Сципиона Азиатика (187–183 гг. до н.э.), якобы получившего взятку от Антиоха III и присужденного к уплате огромного штрафа (*Liv. XXXVIII. 56. 8; Gell. VI. 19. 2*). Дело было явно политическим, «денег Антиоха» в доме осужденного не нашли, выплатить штраф Луцию Сципиону помогли родственники и друзья, а те, кто проводил расследование, подверглись общественному порицанию (*Liv. XXXVIII. 60. 1–10*).

⁸ Дело было решено в пользу союзников-локрийцев, отнятое у них имущество возвращено, виновные — Племиний и 32 его сообщника — арестованы (*Liv. XXIX. 21. 4–11; Diod. XXVII. 4. 7*). В дальнейшем судьба виновных в мародерстве по отношению к союзникам решалась в комициях (*Liv. XXIX. 22. 7; Polyb. VI. 14. 8*). Сам Племиний то ли умер в тюрьме своей смертью, то ли был казнен, но спустя 10 лет (*Liv. XXIX. 22. 9–10; App. Hann. 55; Diod. XXVII. 4. 7*).

⁹ Очевидно, и здесь имело место постановление комиций, в соответствии с которым для расследования дела образовывалась временная судебная комиссия (*quaestio*).

Сардинии Марк Порций Катон изгнал с острова всех ростовщиков, «а расходы, которые обычно несли союзники на содержание преторов, [были] сокращены или отменены» (Liv. XXXII. 27. 3–4). Когда в 195 г. до н.э. Катон Старший, уже будучи консулом, отправился в Испанию, он взял с собой всего лишь пять рабов (Apol. Apol. 17. 9). Вероятно, таков был установленный для наместника лимит; кроме того, покупать рабов разрешалось только взамен умерших (Cic. Verr. II. 4. 9–10). Наконец, в Испании Катон запретил подрядчикам закупать у местных жителей хлеб для войска (Liv. XXXIV. 9. 12). В-четвертых, в Азии, где публиканы собирали с местных жителей *stipendia* и *vectigalia*, греческие общины, пользовавшиеся самоуправлением и налоговым иммунитетом (App. Bell. Civil. V. 4), могли пожаловаться в сенат на ущемление своих прав. Проблема заключалась в том, что на рубеже II–I вв. до н.э. своей критической точки достигло напряжение между стремлением публиканов увеличить собственные прибыли и заинтересованностью сената и наместников во избежание раздражения греческих общин; между тем злоупотребления публиканов явно угрожали безопасности восточных провинций. Так, по сообщению Диодора, вифинский царь Никома III Эвергет (128–94 гг. до н.э.), возможно, несколько сгущая краски, заявил послам Гая Мария, что публиканы обратили в долговое рабство массу его подданных (Diod. XXXVI. 3. 1). Неудивительно, что такое положение дел порождало «справедливую ненависть» к римскому господству, которое Диодор называет «гегемонией» (Diod. XXXIV/XXXV. 25. 1).

Зарождение коррупции в провинциях и первые попытки борьбы с ней

Итак, уже к первой половине II в. до н.э. в Римской республике существовал ряд юридических норм, защищавших права провинциалов от злоупотреблений со стороны как наместников, так и публиканов. Важной вехой в процессе эволюции отношения римской правящей элиты к проблеме управления провинциями стал закон Порция (*lex Porcia*, 101/100 г. до н.э.). Возможно, автором этого закона, который Эндрю Линтотт датирует 101 г. до н.э., был сын Марка Порция Катона Непота, консула 118 г. до н.э. [7. Р. 191–192]. Именно закон Порция впервые наложил строгие ограничения на сферу полномочий наместника во вверенной ему провинции. Прежде всего, закон свел к минимуму те поборы, которые наместник имел право взыскать в свою пользу с местных общин; далее, ему было запрещено покидать провинцию до истечения срока его полномочий (исключений было два: разрешение сената или соображения государственной пользы). Таким образом, закон Порция ознаменовал собой принципиальный отказ от прежней вековой традиции предоставления наместнику практически полной свободы действий [9. С. 96]. Как полагает Фред Дрогула, закон был адресован в первую очередь преторам, управлявшим «мирными» провинциями и, соответственно, лишенным тех

«легальных» способов обогащения, которыми располагали консулы и проконсулы, стоявшие во главе крупных воинских соединений [9. Р. 103–104]. В этой связи интересно отметить, что за 2-ю пол. II в. до н.э. известно восемь случаев судебного преследования преторов за финансовые злоупотребления в провинциях [9. С. 103]. По мнению Ф. Дрогулы, принятие *lex Porcia* явилось следствием реорганизации провинций Азии и Македонии, а также создания провинции Киликии; во всех этих событиях, относящихся к 102–100 гг. до н.э., самое активное участие приняли два претора — Марк Антоний Оратор (консул 99 г. до н.э.) и Тит Дидий (консул 98 г. до н.э.) [9. Р. 106–118]. Обеспокоенный самочинными действиями Марка Антония и Тита Дидия, которые, по сути, на свой страх и риск организовали две «маленьких победоносных войны»¹⁰, сенат озабочился принятием закона Порция: вопреки традиции постановление оформили не как *senatus consultum*, а как *lex*, т.е. провели через комиции [9. Р. 120–121]. Основные положения *lex Porcia* спустя два десятилетия, видимо, без существенных изменений вошли в текст *lex Cornelia de maiestate* — закона, принятого по инициативе Суллы в 81 г. до н.э. [10. С. 579]. Наместник вступал в должность за 30 дней до своего отъезда из Рима (Cic. Fam. III. 6. 3) и сохранял империй вплоть до своего возвращения в Рим (Cic. Fam. I. 9. 25). Тем не менее, как свидетельствуют источники, текущая деятельность наместника была практически свободна от контроля сверху, возможностей личного обогащения у него оставалось предостаточно, сенат же обычно вмешивался в ход событий только тогда, когда конфликт выходил за пределы провинции и/или грозил перерасти в открытое неповиновение властям. Наместника можно было привлечь к суду лишь по истечении срока его полномочий [10. С. 577].

Ливий приводит несколько любопытных примеров того, как с самого начала римская практика управления провинциями медленно, но верно стала приобретать грабительский характер. Ростки коррупции прорастали постепенно, со временем пуская глубокие корни. Все началось с традиции, в соответствии с которой победоносный полководец должен был устроить в Риме игры. Неизбежно вставал практический вопрос: на чьи средства будет финансироваться данное мероприятие? С самого начала, видимо, предполагалось, что на государственные. Так, в 205 г. до н.э. Сципион Африканский, одержавший ряд побед в Испании, получил от сената санкцию на использование государственных средств для проведения игр по обету. Как пишет Ливий, «сенат постановил: игры, которые

¹⁰ Поскольку победителей не судят, обоим ничего не было за то, что они своими действиями нарушили хрупкий военно-политический баланс, который к тому времени сложился на эллинистическом Востоке. И Марк Антоний, и Тит Дидий получили сполна то, к чему они стремились: добычу, почести, триумф и консулат. Однако остальных преторов следовало заранее «призвать к порядку», чтобы у них даже мысли не возникало о том, что и им можно организовать нечто подобное тому, что устроили упомянутые «герои».

Сципион обещал дать во время солдатского мятежа в Испании, пусть дает из тех денег, которые он сам внес в казну (*quam ipse in aerarium detulisset*)» (XXVIII. 38. 14. Пер. М.Е. Сергеев). Спустя 12 лет его племянник и тезка, воюя опять же в Испании в ранге пропретора, дал обет устроить в случае своей победы игры в Риме в честь Юпитера. Разбив лузитан наголову, все награбленное ими у мирных жителей добро доблестный Сципион вернул владельцам, а невооруженное имущество распорядился продать с аукциона; вырученные от продажи деньги были по его приказу розданы воинам (Liv. XXXV. 1. 5–12). Таким образом, сдавать в казну Сципиону было попросту нечего. Еще через два года Сципион, став консулом, перед отъездом в Галлию на войну с бойями потребовал от сената денег для проведения упомянутых игр. «Это требование сочли неслыханным и несправедливым и потому постановили: игры, которые он обещал сам, не снесшись с сенатом, пусть он сам и проводит на деньги от военной добычи, если у него из них что-то для этой цели отложено, либо из собственных средств» (Liv. XXXVI. 36. 1–2. Пер. С.А. Иванова). В итоге Сципион провел злополучные игры, по всей видимости, за свой счет (*ibid.* 36. 2). Так сенат создал прецедент: игры по обету не могут финансироваться из казны. Отныне магистратам и промагистратам надлежало обходиться исключительно теми средствами, которые они изымали на месте, грабя провинциалов. Таким образом, с одной стороны, потенциальные коррупционеры получили дополнительную мотивацию для злоупотреблений в провинциях; с другой — государство (читай: правящая элита) в очередной раз устранилось от решения назревшей проблемы, предоставив должностным лицам *carte blanche* в таком деликатном деле, как изыскание средств для проведения обещанных игр.

Антикоррупционное законодательство II–I вв. до н.э.

В 149 г. до н.э. по инициативе плебейского трибуна Луция Кальпурния Пизона Фруги был принят первый в истории Рима закон о вымогательствах — *lex Calpurnia de repetundis*¹¹. В результате появилась *quaestio perpetua de repetundis* — судебная коллегия по делам о лихоимстве, состоявшая из сенаторов и действовавшая на постоянной основе (Cic. Brut. 106; Off. II. 75; Verr. II. 3. 195; IV. 56). После *lex Calpurnia* в течение ближайших 90 лет было принято не менее шести законов, посвященных борьбе со злоупотреблениями римских должностных лиц: *lex Iunia* (между 149 и 123 гг. до н.э.; по предположению Э. Линтотта, автором этого закона мог быть

¹¹ В течение двух десятилетий, предшествовавших появлению Кальпурниева закона *de repetundis*, было осуждено несколько бывших преторов, вернувшихся из провинций и обвиненных в финансовых злоупотреблениях (Liv. Per. 43, 47).

известный юрисконсульт Марк Юний Брут, о котором упоминает Цицерон: Brut. 130; De orat. II. 142; 223–224 [7. Р. 172, n. 46]), lex Acilia (122 г. до н.э.)¹², lex Servilia Caepionis (106 г. до н.э.), lex Servilia Glauciae (101 г. до н.э.), lex Cornelia (81 г. до н.э.) и lex Iulia (59 г. до н.э.). Действие каждого последующего закона расширялось по сравнению с предыдущим [10. С. 578]. По мнению Э. Линтотта, за время, прошедшее от Ацилиева закона 122 г. до н.э. до Юлиева закона 59 г. до н.э., т.е. за 63 года ситуация в области римского уголовного законодательства de repetundis изменилась кардинальным образом: если первый из них всего лишь регламентировал процедуру судебного решения конфликта, то последний регулировал всю сферу отношений магистрата с провинциалами [7. С. 194]. В частности, наместники в конце срока своих полномочий были обязаны детально отчитаться перед казначейством в своей финансовой деятельности, что называется, с цифрами в руках (Cic. Fam. V. 20. 2; Att. VI. 7. 2). Легальные поборы с провинциалов были сведены к минимуму; известно, что Цицерон в бытность свою проконсулом Киликии (51–50 гг. до н.э.) добровольно отказался от каких бы то ни было поборов для себя или своих спутников, чем несказанно удивил и обрадовал представителей местных общин и своих гостеприимцев (Cic. Att. V. 10. 2; 16. 3; 21. 5). Наконец, самое главное: как считает Э. Линтотт, к 80 г. до н.э. римские государственные мужи заботились уже не столько о возмещении материального ущерба союзникам, сколько о наказании коррумпированных магистратов [7. Р. 201–202].

Знаковым событием в истории Римской республики стало наместничество в Азии в 94 г. до н.э. проконсула Квинта Муция Сцеволы Понтифика [11. Р. 104–112], который своей решительной и бескомпромиссной борьбой со злоупотреблениями публиканов [2. Р. 143–146] восстановил доверие провинциалов к римлянам (Diod. XXXVII. 5. 1–4), причем первые официально нарекли его своим «спасителем и благодетелем» (OGIS 439), основав в его честь регулярные игры, «Муции» (Cic. Verr. II. 2. 51), тогда как вторые по достоинству оценили деятельность наместника, честно исполнившего свой долг на вверенном ему посту (Diod. XXXVII. 6). Современники считали Сцеволу образцовым наместником (Cic. Att. V. 17. 5; VI. 1. 15; Verr. II. 2. 27; Val. Max. VIII. 15. 6), хотя даже он реквизирует зерно у провинциалов, чтобы кормить своих людей (Cic. Verr. II. 3. 209). Как

¹² Подлинным инициатором этого закона стал плебейский трибун Гай Семпроний Гракх. Этот закон впервые предусматривал наказание для виновного: возмещение убытков в двойном размере (Tab. Vemb. 59). Сперва истец, действовавший от лица союзного царя или союзной общины, обращался к претору с иском, после чего выбирал себе патрона из числа римских граждан; затем путем жеребьевки избирались 450 присяжных из числа всадников, истец выбирал из них 100 человек, после чего из этих ста ответчик по своему выбору оставлял 50. Вот они-то и становились судьями. Оценку имущества, подлежавшего взысканию с ответчика, следовало провести не позднее 100-го дня с начала процесса.

бы то ни было, тот факт, что во время судебного процесса 92 г. до н.э. легат Сцевола Публий Рутилий Руф оказался в полной изоляции, свидетельствует о том, что правящая элита не поддержала ту линию, которую Сцевола и Рутилий последовательно и неуклонно проводили в Азии. Безусловно, Сцевола и Рутилий нажили себе немало врагов, в своей бескомпромиссной политике «наведения порядка» в провинции они явно зашли слишком далеко. Однако было бы неверно полагать, что публиканам после осуждения Рутилия был предоставлен *carte blanche*.

После суда над Рутилием Руфом (92 г. до н.э.) наместники Азии, как правило, уклонялись от ответственности и, не вынося никаких решений, отправляли жалобы провинциалов сразу в сенат. Последний, в свою очередь, всячески затягивал принятие решения по делу, яркий тому пример — дело о доходах с солеварен в Приене; об обстоятельствах этого дела рассказывается в надписи из Приены 90 г. до н.э., представляющей собой почетный декрет в честь именитого гражданина Кратета, которому удалось отстоять интересы родного города от посягательств со стороны публиканов в римских судебных инстанциях: *Inscriptionen griechischer Städte aus Kleinasien*. Bd. 69 (Teil I, 67). В таких случаях община направляла в Рим представительное посольство, и тогда сенаторы принимали решение. Важно помнить одно: даже после процесса Рутилия Руфа, который завершился его осуждением, далеко не все наместники Азии становились подельниками публиканов, равно как и сенат был морально готов защитить интересы и права провинциалов от посягательств со стороны недобросовестных администраторов и нечистых на руку предпринимателей. То обстоятельство, что Цицерон дает высокую оценку экономической деятельности публиканов в Азии (*Leg. Manil.* 16–17), не должно вводить нас в заблуждение, поскольку у оратора были на то веские политические причины. Парадокс состоит в том, что сам Цицерон считал необходимым воздействовать на сателлитов «мягкостью и умеренностью» (*Fam.* XV. 3. 2), однако в то же самое время констатировал факт вопиющих злоупотреблений римлян в провинциях (*Off.* II. 28), а также признавал, что интересы провинциалов лично его волнуют в последнюю очередь (*Att.* II. 16. 4).

Юлиев закон 59 г. до н.э. стал своего рода кульминацией республиканского законодательства *de repetundis*. Согласно этому закону, власть наместника ограничивалась пределами его провинции; он не имел права начинать войну или вводить войска на территорию какого-нибудь вассального царства без санкции сената и народа; наместник не смел требовать у провинциалов поставок зерна и был обязан уважать те права и привилегии, которые были предоставлены сенатом и народом союзным общинам или частным лицам, включая налоговый и судебный иммунитет, а также свободу от постоя; наместнику запрещалось требовать от союзников

транспортные средства и деньги на представительские расходы, равно как и принимать дары, в то время как круг его потребностей, удовлетворять которые было разрешено за счет провинциалов, ограничивался самым необходимым (жилье, ночлег, фураж, соль). Число свидетелей на суде возросло до 120 (Val. Max. VIII. 1. 10). Вместе с тем закон ограничил число лиц, которые вместе с официальным обвинителем участвовали в расследовании непосредственно на месте (Cic. Flac. 13). В прежние времена недобросовестные наместники могли инспирировать официальные постановления в их честь от имени провинциалов (Cic. Verr. II. 4. 15). Юлиев закон запретил последним выносить подобные постановления, пока их адресат находится в должности; этот запрет повторил Август в 11 г. н.э. (Dio Cass. LVI. 25. 6). Для расследования дела *de repetundis* назначался определенный срок (Tac. Ann. XIII. 43. 1–2; 52. 2). Как полагает Э. Линтотт, Цезарь в законе 59 г. до н.э. сохранил возможность для пострадавших обратиться в суд рекуператоров; *senatus consultum Calvisianum* (4 г. до н.э.) распространил эту процедуру на иски, которые предъявлялись от имени той или иной общины, и предусматривал более быстрое рассмотрение таких дел под строгим контролем сената [7. С. 208]. Это, несомненно, было в интересах сенаторов, тем более что речь шла уже не об уголовном обвинении, а всего лишь о гражданском иске с требованием возместить ущерб [12. С. 170]. Теперь потерпевшие могли скоро и без особых проблем получить возмещение ущерба [7. С. 209].

Заключение

Серторианская война (82–72 гг. до н.э.) в Испании, три войны с Митридатом (89–85, 83–81 и 74–63 гг. до н.э.), завоевание Цезарем Галлии (58–51 гг. до н.э.), решающая фаза борьбы Антония с Октавианом (32–30 гг. до н.э.) и другие войны и разного рода локальные конфликты с участием римлян, греков и варваров на этом переломном этапе римской истории выявили крайне непростой характер взаимоотношений «природных» римлян с их соседями — союзниками или провинциалами, друзьями или врагами, бывшими или потенциальными, тайными или явными. Кризис республиканской формы правления и начало формирования монархических структур на рубеже новой эры потребовали не только перестройки самой системы провинциального управления, но и существенных изменений в политике и идеологии имперских властей по отношению к провинциалам и «чужакам» вообще. Преобразования в этой области начал осуществлять Цезарь, а завершил Август. Результатом этих реформ явилось достижение определенного баланса интересов между имперской метрополией и провинциями, что позволило Римской империи сохранять свое политическое единство на протяжении четверти тысячелетия — вплоть до кризиса середины III в.

Список литературы / References

1. Khrustalyov VK. “Punica fides”: the Carthaginians as a military adversary and negotiating partner through the eyes of the Romans during the Punic wars. *Pskov Bulletin of Military History*. 2015;(1):30–33. (In Russ.). EDN: UGRDWH
Хрусталёв В.К. „Punica fides“: карфагеняне как военный противник и партнер на переговорах глазами римлян эпохи пунических войн // Псковский военно-исторический вестник. 2015. № 1. С. 30–33. EDN: UGRDWH
2. Mommsen T. *History of Rome*. Vol. I. Saint Petersburg: Nauka, Yuventa publ., 1994. (In Russ.).
Моммзен Т. История Рима. Т. I. СПб. : Наука, Ювента, 1994.
3. Badian E. *Publicans and Sinners: Private Enterprise in the Service of the Roman Republic*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1972.
4. Hillard TW, Beness JL. Choosing friends, foes and fiefdoms in the second century BC. In: Hoyos BD, ed. *A Companion to Roman Imperialism*. Leiden; Boston: Brill, 2013: 127–140.
5. Chrystaljow WK. Prosecuting military leaders in the Roman Republic: the cases of Marcus Popilius Laenas and Servius Sulpicius Galba. *Petersburg Historical Journal*. 2020;(1):63–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2020-00005> EDN: LWWQUV
Хрусталёв В.К. Судебное преследование полководцев в Римской республике: случаи Марка Попиллия Лената и Сервия Сульпиция Гальбы // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 63–74. <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2020-00005> EDN: LWWQUV
6. Willems PG. *Le sénat de la République romaine*. T. 2. Louvain; Berlin: Ch. Peeters, 1883.
7. Lintott AW. The leges de repetundis and associate measures under the Republic. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung*. 1981;98:162–212.
8. Lintott AW. *Imperium Romanum: Politics and Administration*. London; New York: Routledge, 1993. <https://doi.org/10.4324/9780203714003>
9. Drogula FK. The Lex Porcia and the development of legal restraints on Roman Governors. *Chiron*. 2011;41:91–124. <https://doi.org/10.34780/fsqy-qcf2>
10. Richardson JS. The administration of the Empire. In: Crook JA, Lintott A, Rawson E, eds. *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. IX: The Last Age of the Roman Republic, 146–43 B.C. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 564–598.
11. Badian EQ. Mucius Scaevola and Province of Asia. *Athenaeum*. 1956;34:104–123.
12. Kienast D. *August: Prinzeps und Monarch*. Darmstadt: Primus-Verlag, 2009.

Информация об авторе:

Никишин Владимир Олегович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, Московский государственный университет имени им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119234, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, e-mail: cicero74@mail.ru ORCID: 0000-0003-2209-5357. SPIN-код: 8961-2880.

Information about the author:

Vladimir O. Nikishin — PhD in Historical Sciences, Associate professor, Department of History of the Ancient World, Faculty of Historical Sciences, Lomonosov Moscow State University, 27 Lomonosovsky Avenue, bldg. 4, Moscow, 119234, Russian Federation, e-mail: cicero74@mail.ru ORCID: 0000-0003-2209-5357. SPIN-code: 8961-2880.

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-3-343-355

EDN: POHDCV

Research article / Научная статья

Human nature as a factor of Roman imperial history in the work of Cassius Dio

Konstantin V. Markov

Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, *Nizhny Novgorod, Russian Federation*

✉ markov@imomi.unn.ru

Abstract. According to modern scholarship, including the studies published in the last decade, the concept of a universal and unchanging human nature, originating with Thucydides, is employed by Cassius Dio mainly to explain the events of republican history, whereas the narrative of imperial Rome has a different conceptual basis. The aim of this study is to determine to what extent Dio's representation of human nature as a factor in history depends on the subject of the narrative, i.e., on the era and the political system. An analysis of a number of passages has shown that, when writing the history of imperial Rome, Dio does not entirely abandon the Thucydidean concept. He interprets certain events and phenomena of the Principate period in light of the regularities of human behavior. It has been pointed out that such regularities include for Dio not only the recurrence of *stasis* and civil discord and the specific behavior of politicians during such periods, but also the characteristic features of the political situation in Rome during relatively peaceful times: conspiracies, intrigues among senators vying for privileges obtained from emperors. At the same time, the conception of human nature as an anthropological constant coexists with the Stoic idea of the possibility of healing affections of souls, which is a sign of the evident eclecticism in the conceptual framework of Cassius Dio's *Roman History*.

Keywords: Roman Emperors, the Roman History, Graeco-Roman historiography, historical causation, Thucydides

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 19.01.2026; accepted 18.04.2026.

For citation: Markov KV. Human nature as a factor of Roman imperial history in the work of Cassius Dio. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(3):343–355. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-343-355> EDN: POHDCV

© Markov K.V., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Человеческая природа как фактор истории императорского Рима в труде Кассия Диона

К.В. Марков

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Нижегород, Российская Федерация

✉ markov@imomi.unn.ru

Аннотация. Согласно современным исследованиям, в т.ч. опубликованным в последнее десятилетие, концепция универсальной и неизменной человеческой природы, восходящая к Фукидиду, применяется Кассием Дионом главным образом для объяснения событий республиканской истории, а повествование об императорском Риме имеет иную концептуальную основу. Цель исследования — выяснить, в какой степени репрезентация Дионом роли человеческой природы как фактора истории зависит от предмета повествования, т.е. эпохи и политической системы. Анализ ряда пассажей показал, что при написании истории императорского Рима Дион полностью не отказывается от фукидидовской концепции. Он интерпретирует отдельные события и явления периода принципата в свете закономерностей человеческого поведения. Установлено, что к таким закономерностям Дион относит не только повторение смут и междоусобиц и специфику поведения политиков в такие периоды, но также характерные черты политической обстановки в Риме в сравнительно мирные времена: заговоры, интриги среди сенаторов, борющихся за привилегии, получаемые от императоров. Вместе с тем, представление о человеческой природе как об антропологической константе соседствует со стоической идеей возможности исцеления душевных недугов, что является признаком очевидной эклектичности концептуального оформления «Римской истории» Кассия Диона.

Ключевые слова: Римские императоры, Римская история, греко-римская историография, историческая причинность, Фукидид

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 19.01.2026; принята к публикации 18.04.2026.

Для цитирования: *Markov K.V.* Human nature as a factor of Roman imperial history in the work of Cassius Dio // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 3. С. 343–355. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-343-355> EDN: POHDCV

Introduction

One of the trends in the current studies of Cassius Dio is the increasing attention to the conceptual framework of his *History* and his approach to causation. Did Dio see any regularities lurking behind the motives of politicians? What was his understanding of the driving forces of history? To what extent did he follow the traditional moralistic schemata characteristic of the Roman historians? All these questions have been intensively studied in the past decade.

As has emerged from current scholarship, Cassius Dio believed that human action constantly repeats itself, with men being predictable in their behavior [1. P. 215–217; 2. P. 11–15, 38–39; 3. P. 223]. The author’s grim vision of the core qualities of human nature¹ — vigor, aggression, selfishness and lust for power — is modeled mostly on Thucydides², though, according to Adler, Dio appears to be more pessimistic about human nature than Thucydides himself [12. P. 487]. According to a number of scholars, the author of the *Roman History* fully comprehended and accepted the Thucydidean idea of human nature as an important driving force of history [4. P. 52; 13. S. 133, 381–383; 14. P. 461–467; 15. P. 2497–2523]³. For example, it is Dio’s commitment to the “anthropological constant” which shaped his depiction of the Roman conquests, including Dio’s version of the origins of the First Punic War (11. F43.1–3; cf. Thuc 1.23.5–6) [13. S. 384; 18. P. 84–85].

A number of studies have also shown the important place that Dio’s conception of human nature occupies within the author’s interpretative framework for the rise and fall of Rome’s *dēmokratia*. As Rees has pointed out, Dio, unlike Thucydides or Aristotle, does not view equality as a source of stability. Instead, Dio points to human nature itself as the reason why equality inevitably leads to civil discord: the innate quality of humans is to dominate, rather than to share power (frg. 5.12; 7.3) [2. P. 14]. This observation by Rees has become seminal for further studies devoted to Dio’s treatment of “envy” (φθόνος) as destructive for Roman public institutions and leading to the decay of the Republic [20; 21].

Developing Rees’ observations, Burden-Strevens focuses on Dio’s commitment to the idea of the intensification of human vices under particular circumstances and comes to conclusion that Dio viewed competition, envy and internecine conflicts as a natural consequence of republican government, given that equality in Dio’s view was incompatible with one’s drive to surpass and dominate others [22. P. 194]. Provocatively, Burden-Strevens claims that envy (φθόνος), ambition (φιλοτιμία), cupidity (ἐπιθυμία) and desire for gain or advancement (πλεονεξία) “disappear almost entirely from the *Roman History* with the advent of Augustus’ monarchy,” while in the speeches from the Augustan era Dio “reflects a final time upon those vices, and their replacement by a more virtuous political culture shorn of the worst excesses of competition” [22. P. 195]. Consequently, Burden-Strevens, if compared with Adler [12. P. 513–514], allows Dio to be more

¹ The concept of “human nature” is mentioned in Dio’s work more than 20 times. The historian uses diverse terminology to refer to it: τὸ ἔμφυτον τοῖς ἀνθρώποις (2.7.3), ἡ ἀνθρωπεΐα/ἀνθρωπίνη φύσις (4.17.7; 8.36.1), τὸ ἀνθρώπινον (5.20.4), τὸ ἀνθρώπειον (6.24.1). See [1. P. 215–216; 4. P. 52].

² Dio’s linguistic borrowings from Thucydides were studied in detail by Litsch [5]. See also [1. P. 215–217; 6; 7; 8. S. 282–284; 9. P. 88; 10. P. 18–19; 11. P. 2525].

³ For the peculiarities of Dio’s treatment of human nature as a factor in history, see [2. P. 6; 16. P. 11; 17. P. 166; 18. P. 66–85]. Alternatively, Millar viewed Dio’s reflections on human nature as no more than rhetorical platitudes [19. P. 16].

optimistic about the political life of imperial Rome or, at least, emphasizes some nuances within Dio's generally gloomy political universe.

Burden-Strevens is, on terminological grounds, correct. "Ambition" (φιλοτιμία), for instance, can be detected only a few times in the imperial narrative, as a personal quality of Domitian and Hadrian (65.3.4; 69.3.2–3). More importantly, the vast majority of references to human nature are found in the books on the regal and republican periods [1. P. 215–216]. In the the imperial section, Dio employs the terminology of human nature (ἄνθρωπινή φύσις / τὸ ἀνθρώπειον) not only to define the psychological and ethical properties of historical personalities (as in 56.45.1; 77 [76].5.1; 79 [78].15.3), but also to refer to natural human capabilities (e.g., "human physical dimensions" in 66.22.2 or "the human mind" in 68.13.5). In this, his technique resembles that of Herodotus. Consequently, as has been noted by Pelling, Dio's conceptual point and techniques depend on history itself: abstract generalizations on the modes of human behavior did not work well for narrating the Principate; instead, Dio recognizes and highlights the impact of the emperor's personality on historical processes [23. P. 122]. Yet all these observations prompt a crucial question: to what extent does Dio's application of human nature as an explanatory model depend on the era he depicts?

Of course, it can be a narrative strategy deliberately chosen by the author in order to explain the collapse of Rome's *dēmokratia* and the inevitability of monarchy. However, it should be noted that, first, Dio's exploration of human nature begins with the feuds among *basileis* represented in early books, i.e. events that happened long before the inception of the Republic, and, second, the principate of Augustus, as Lange has shown, could hardly be regarded by Dio as the end of history, because "Augustus and monarchy did not end *stasis* and civil war" [24. P. 466]. Lange further demonstrates that Dio, emulating Thucydides' idea of the cyclical recurrence of *stasis*, highlights similarities in the dynamics and trends of civil wars at different stages of Roman history [24. P. 470–471; 25. P. 4; 26. P. 346]⁴.

Lange's articles on Dio as a historian of wars and civil wars provide an interpretative framework for comprehending the Roman History in its entirety. Nevertheless, if we recognize that Dio does not completely abandon his use of φύσις as an explanatory model for historical events in the imperial section of his work, the question remains of whether the application of this model is confined to periods of *stasis* — that is, to times when imperial power was dysfunctional — or whether it is also detectable in Dio's depiction of the events that happened between civil wars, i.e., the bulk of the imperial narrative. If, on the other hand, Dio regarded manifestations of human nature as dependent on the political system, can one therefore conclude that he shared Plato's theory

⁴For Lange's considerations on Dio's conception of human nature, see also [26; 27. P. 165–166; 28. P. 236–237].

that different forms of government shape various types of human character, such as the “oligarchical type” (Plat. Rep. 8.553a) or the “democratic man” (Plat. Rep. 8.558a)? To answer these questions, this article aims to observe Dio’s mentions of “human nature” in different parts of his work, as well as the author’s generalizations on the regularities of human behavior and to examine Dio’s commitment to representing the same basic set of universal human qualities as a factor of history.

“Always Striving for More”

One of the running themes in Dio is the demonstration of the unpredictability and capriciousness of good fortune [22. P. 137–138]⁵. In a similar way, he comments on the ends of several figures: Sejanus (58.11.1), Otho (64 [65].1.1–2), Vitellius (64 [65].20.2), Plautianus (77 [76].4.5), and Julia Domna (79 [78].24.1). These authorial interventions highlight Dio’s focus on this topic, as is also evident from a number of his extended explanations of how great success may lead to great disaster. A case in point is M. Manlius Capitolinus, the famous savior of the Capitol, who was accused of pursuing sole rulership, sentenced to death, and thrown from the Tarpeian Rock. Dio employs this case to make a moralizing statement: “So true it is that nothing in human affairs, as a rule, remains fixed; and success, in particular, leads many people on into catastrophes equally great. It raises their hopes for continued good fortune, *makes them always strive for more* (τοῦ τε πλείονος ἀεὶ ποιοῦσιν ἐπορέγεσθαι), and, when they fail, hurls them into the very opposite extreme”⁶ (7.F26.3).

The passage obviously echoes Thucydides’ Mytilenean Debate (Thuc. 3.39.4, 45.4) [22. P. 464], though an analogy can be found in Stoics as well (Sen. Clem. 1.1.7). Indeed, the more power officials have, the more they desire. For example, Dio explains that the extension of the office of dictator was limited to no more than six months because of the threat that the office holders, “lingering on in the midst of so great power and unhampered authority should become haughty and be carried away by a passion for sole leadership” and he presents Julius Caesar as an example (Zonar. 7.13)⁷. This logic is the same as in the case of Capitolinus: good fortune makes people “always strive for more”⁸. Dio’s Septimius Severus is represented as someone who knows this rule. After the fall of his favourite Plautianus, whose power is characterized by Dio as “equalling

⁵ For Dio presenting good fortune as capricious and amoral, see [12. P. 500–501].

⁶ Here and below, transl. by Cary, emphasis mine.

⁷ Similarly, Catulus refers to Marius and Sulla in order to prove that “it is not proper to entrust to any one man so many positions of command one after another,” with the answer being human nature again (36.31.3).

⁸ For more cases of this kind as exemplifying Dio’s view of human nature, see [2. P. 18–21; 18; 22. P. 127–130; 24. P. 464].

even that of the emperors themselves” (76 [75].14.6), Septimius Severus called a meeting of the senate, where he “uttered no accusation against Plautianus, but merely deplored *the weakness of human nature, which cannot endure excessive honors* (τὴν τε φύσιν τὴν ἀνθρωπίνην ὥς μὴ δυναμένην τιμὰς ὑπερόγκους στέγειν)...” (77 [76].5.1). As Plautianus’ case clearly shows, Dio could depict his contemporaries coveting power no less than the Romans of the past, even though they had fewer opportunities for political competition than their ancestors under the Republic. Now, it was a position within the inner circle of imperial confidants and assistants that had become the object of envy and slander and was found by Dio even more advantageous than the supreme power, because, as the author explains in his usual cynical manner, it gave its beholders authority and the opportunity to misuse it without bearing any responsibility for their actions (66.18.1–2).

“A Warlike Nature Usually Ends up by Being Harsh”

“A warlike nature usually ends up by being harsh and a peaceful one cowardly (τὸ μὲν εὐπόλεμον ἄγροικον τὸ δὲ εἰρηναῖον δειλὸν ὥς τὸ πολὺ ἐκβαῖνον)” (75 [74].5.6). Dio’s usage of the neuter gender leaves room for interpretation and translation of this phrase. On the one hand, one can associate εὐπόλεμον and εἰρηναῖον with someone’s experience rather than with features of character: people become harsh because of war, whereas peace makes them fearful. Dio refers to this norm to emphasize the excellence of Pertinax, who showed himself equally adapted to various circumstances (75 [74].5.6). On the other hand, Dio’s formulation implies that it is normal for people to have different modes of behavior in times of war and peace.

Indeed, according to Dio, wars and especially civil wars change people and their morals. As Lange has convincingly shown, one of the trends is that civil war participants change sides, flocking to their former adversaries in order to secure a place on the winning side. In this respect, Dio provides similar explanations for the events of the triumvirs’ war against Sextus Pompeius (48.29.3) and the civil war between Otho and Vitellius (65 [64].1.1) [24. P. 470–471; 25. P. 4; 26. P. 346]. Thus, in the account of the reconciliation of Octavian and Antony at Brundisium in late 40 BCE (48.29), Dio explains Antony’s participation in the war against Sextus — despite his earlier oaths to side with Sextus and fight against Octavian — as well as Octavian’s efforts to attract Antony’s supporters to his side, in the following way: “So great, indeed, is the perversity that reigns *in factional strife and war* (τῶν στάσεων καὶ τῶν πολέμων); for men in power take no account of justice, but determine on friend and foe according as their own interests and advantage at the time dictate...”. This observation is evidently modeled on Thucydides’ considerations on the war as the “violent teacher”, with conventional morals becoming no longer valid when violence prevails (Thuc. 3.82.2–7; especially 3.82.7) [26. P. 339–341].

In Fragment 36, related to the Second Samnite war, Dio provides some further generalizations on “the justice of the battle-field”. It does not necessarily fit “the ordinary definition of the word”; “war as a sovereign” frequently causes “something that is the reverse of justice to go under that name” (8.F36.21)⁹. Such a consideration goes well with the following idea from the same fragment: “it is requisite and blameless for all men to plan for their own safety, and if they get into any danger, to do anything whatsoever in order to be saved” (8.F36.17). This pronouncement, reminiscent of the Stoic idea that the desire for self-preservation is intrinsic to human nature and fundamental to all values [29. P. 183], may serve as another manifestation of Dio’s stance: conventional morals are inadequate for judging those at war. Thus, the idea of a specific “justice” peculiar to war or civil war appears to be an important premise for Dio’s subsequent justification of Octavian’s civil war activities (52.18.1; 55.21.4). Similar logic is detectable in Dio’s remark on Macrinus’ putting to death Maternianus and Valerius Datus, the prefect of Egypt under Caracalla: that action “was not justifiable, to be sure, — for what wrong had they done in being attentive to their emperor? — yet it was not inconsistent with human nature (οὐ μέντοι καὶ ἀπὸ τοῦ ἀνθρωπίνου τρόπου), since he had been in great peril” (79 [78].15.3). In general, Dio demonstrates quite a reserved attitude to Macrinus (79 [78].11–15); obviously it was not the author’s plan to embellish the actions of an emperor whose low birth he considered a disgrace (79 [78].14.1–15.4). This makes his comment all the more valuable. It reveals the historian’s genuine interest in showing how harsh political decisions are made in times of unrest. Once again, he points to human nature.

“The insincerity of the majority of people”

In 26 BCE, the case of Cornelius Gallus was heard in the Roman senate (53.23.5–24.1). The senator was accused of gossiping about Augustus, setting up images of himself in Egypt, and inscribing a list of his achievements on the pyramids. Having been sentenced to exile and deprived of his estate, he could not accept his fate and committed suicide. His accuser turned out to be Valerius Largus, “his comrade and intimate” (53.23.6). Dio regards this case as a manifestation of the following regular pattern in human behavior (53.24.1): “*the insincerity of the majority of people* (τὸ δὲ δὴ τῶν πολλῶν κίβδηλον) was again proved by his case, in that they now treated the man whom formerly they had been wont to flatter...”.

For Dio, this is another instance of traditional senatorial opportunism and, in a broader sense, of people’s eagerness to abandon one politician for another who appears more influential and therefore able to promise greater gains. The entire situation — especially Dio’s remark that Cornelius Gallus “was encouraged

⁹ For parallels between Dio’s and Thucydides’ considerations on words changing their meaning in times of civil strife, see [22. P. 16].

to insolence by the honor shown him” (53.23.5) — resembles Dio’s depiction of senatorial duplicity toward Julius Caesar (44.3.1–2). It was the senators themselves who encouraged the dictator and “puffed him up” (ἐξάραντές τε αὐτόν), leaving Caesar no choice but to accept the honors that he believed were bestowed with sincerity (44.3.3). Another similar example is Dio’s detailed account of the fall of Sejanus (58.4–10). Tiberius himself magnified his praetorian prefect and led the senators to regard Sejanus as even more important than the emperor. Yet at some point, Tiberius became suspicious of Sejanus and began preparing to destroy him (58.4.1). Dio explores in detail the dynamics of how people’s attitudes toward Sejanus shifted depending on the signs Tiberius gave them, whether deliberately or not (58.8–9). The situation remained uncertain until the very last moment, when Tiberius’ letter was read before the senators on 18 October 31 CE. It was a long message, with the denunciation of Sejanus placed at its close. Thus, Dio shows how the senators’ reactions changed as they listened to the address. At first, they continued lauding and cheering Sejanus, anticipating the honors with which he might be loaded. When, however, they heard something contrary to their expectations, they were greatly confused. Finally, their behavior began to change dramatically (58.10.4). In the end, everyone was ready to blame and threaten him (58.10.7). According to Champlin, such a colorful and detailed description of the senatorial meeting “surely transmits an eyewitness account” [30. P. 364]. Be that as it may, Dio himself, as an eyewitness of Commodus’ tensions with the senators and Septimius Severus’ purges of the Senate, left a number of vivid descriptions of the scenes in the Senate-house, reproducing the grim atmosphere of political repressions¹⁰. Given this fact and Dio’s basic premise that human nature stays the same, it would not have been difficult for Dio to imagine the senatorial reactions to the content of Tiberius’ message.

Depicting the aftermath of Sejanus’ fall, Dio finds one more regularity in senatorial behavior: “...as usually happens (ὥσπερ πού φιλῇ γίνεσθαι), they laid the responsibility for their previous misfortunes upon the man who had perished, and charged the emperor with few or none of them” (58.12.4)¹¹. Notably, as in the cases of Caesar and Cornelius Gallus, Dio blames the senators themselves for overthrowing Sejanus by bestowing upon him “the excessive and novel honors” that made him lose his reason and thereby led to his destruction (58.12.6). In Dio’s depiction of these three successive cases, different generations of senators — in 46–44 BCE, in 26 BCE, and in 31 CE — behaved in a similar manner.

Remarkably, Dio has Caligula comment on Sejanus’ case in a speech delivered before the Senate. In that address, Gaius lays the responsibility on the senators for

¹⁰ One of the most telling and dramatic episodes is the search for a bald-headed senator in the Senate-house (77 [76].8.1–6).

¹¹ This is a running theme in Dio. For example, the author finds it “natural” (ὥσπερ εἰκὸς ἦν) that the Romans immediately and radically changed their attitude to both Otho and Vitellius when they heard of the downfall of the former (64 [65].1.1).

the deaths of most of those executed under Tiberius and blames them for their hypocritical and treacherous attitude toward Tiberius and Sejanus (59.16.2–4). This address can, of course, be regarded as political theater. Yet two features suggest that the emperor had strong reasons for distrusting the senators. First, Dio notes that Gaius made use of some of Tiberius' documents (59.16.3). More importantly, there is a nearly verbatim coincidence between Caligula's words (59.16.4) and Dio's own assessment of senatorial responsibility for Sejanus' downfall (58.12.6). This alignment indicates that the emperor's distrust was not unfounded. As Dio's thorough analysis of the Sejanus case and his depiction of Caligula's reaction make clear, emperors and their subjects mirror each other in their mistrust and hypocrisy¹².

“No Man Living Is Ruled of His Own Free Will”

The establishment of the principate did not, to use Burden-Strevens' words, turn into “a moral revolution.” The Roman people remained the same¹³, even though monarchy had the potential to suppress human nature in positive ways [22. P. 245]. This is evident from Dio's depiction of the turmoil resulting from the Romans' attempt to elect a colleague for the consul Gaius Sentius in the absence of Augustus (54.10.1–2). In the wake of that event, the emperor, as Dio notes, had to recognize that “there was no similarity between the conduct of the people during his absence, when they quarreled, and while he was present, when they *were afraid*” (54.10.5). Consequently, the populace's *fear* of the emperor is represented here as the main factor in quelling factional strife and keeping subjects in line. Considerations of a similar sort appear in Caligula's senatorial address where he mentions Tiberius saying to him (59.16.7): “*no man living is ruled of his own free will* (οὐδεὶς γὰρ ἀνθρώπων ἐκὼν ἄρχεται); on the contrary, only so long as a person is afraid, does he pay court to the man who is stronger, but when he gains courage, he avenges himself on the man who is weaker”. The context is significant here, since the statement is made by one “tyrant” referring to another one. Yet the main idea of the speech is the criticism of the senators' dissimulation — which, as we have seen, corresponds to Dio's own observations (cf. 58.12.6 and 59.16.4). More importantly, Dio's own *Realpolitik* statements about people obeying the stronger and disrespecting the weaker can be found elsewhere in his work¹⁴. For example, the bold action of the Roman people at the

¹² Dio depicts senators as simulating their love for the emperor, even though they had no wish that he should survive (59.24.6). On the other hand, Dio occasionally mentions Caligula's fear of his subjects (59.4.1; 59.10.7) and, ironically enough, points to the emperor's fear and suspicion as leading to his death (59.25.8).

¹³ For example, Dio demonstrates *ambitus* and corruption of the Roman officials under Augustus (54.15.1; 55.5.3).

¹⁴ For Dio's pragmatic vision of politics as power-based, see [31. P. 75].

racess, where they expressed their indignation at both Macrinus and Diadumenianus, is explained by Dio with the following verdict: “So truly, it would seem, is there innate in mankind a great respect for that which is superior and a great contempt for that which is inferior” (79 [78].20.3).

Thus, as is evident from Dio’s imperial narrative, people did not become less ambitious or less covetous of power under the principate. For example, the year of the four emperors, 69 CE, is characterized by Dio as a period when “there was no one who might not hope to lay hands on the sovereignty in a time of so great confusion” (63.29.4). In a similar fashion, Dio depicts the transition from Macrinus to Elagabalus, when a number of mutineers — even those of an obscure origin — aspired to the supreme power (80 [79].7.1–3). Consequently, when the reins are loosened, the power struggle manifests itself with increasing force.

These cases are further evidence of Dio’s perception of the struggle for hegemony as innate in every person. This is exactly what Dio’s Livia says to Augustus about the desire for power — a desire characteristic even of those who would never dare to struggle for hegemony: “it is *implanted in their nature* (ἐν τε τῇ φύσει αὐτῶν), just like any other instinct, and it is impossible either by persuasion or by compulsion to destroy such instincts in some of them” (55.14.6–7). In her speech, Livia employs arguments that are quite characteristic of Dio’s *clementia* narrative, which is also found in some other speeches, such as Fabius Rullus the Elder’s appeal for clemency (8.F36.1–5) and Agrippa’s speech (52.1–13). In all the three pieces of oratory one finds the following considerations: human nature leads men to do wrong under particular circumstances; neither the law nor threats can always quell nature and, consequently, severe punishments in certain cases will only destroy perpetrators who could be corrected, while also failing to make others more reasonable; only under the influence of timely forgiveness will the perpetrators change their behavior, while the rest, at the sight of the possibility of salvation, will be kept in line without resistance (F36.1–3; 52.34.6–8; 55.14.4–8, 16.3–5). As has been noted by a number of scholars, such argumentation is modeled on Diodotus’ speech in Thucydides (3.46.4–6) [8. S. 124; 32. P. 143]. However, the theoretical framework of such recommendations apparently goes beyond Thucydides. Adler, following Giua, rightly points to a certain incongruity between Livia’s conception of human nature as incorrigibly tempting men to commit evil acts and her subsequent proposal of remedies for healing “affections of the soul” through clemency and thereby turning wrongdoers into right-minded subjects (55.17.1–3, 20.3) [32. P. 146; 33. P. 320–321]. In this respect — and especially through the physician analogy (53.17.1) — Dio’s Livia is very close to Seneca, who regards mercy as a remedy for *mores* (*Clem.* 1.2.1, 1.5.1, 1.9.6, 1.17.1–2). Furthermore, Dio appears to share the Stoic idea of man being innately good, though affected by some external factors. One of the most telling examples is Commodus, whom Dio refers to as not being “naturally wicked” (73 [72].1.1) [34. P. 30–31].

Conclusion

A conception of fixed human nature, borrowed directly or indirectly from Thucydides, was particularly suitable for a narrative of times of crisis or of a state's progression toward domination over others. Writing about the principate, however, required a different approach, since this period lacked classical precedents. Yet even within the imperial section, some episodes and — importantly — the author's generalizations have a certain Thucydidean flair, as Dio's understanding of politics remains power-based. Dio demonstrates that no one agrees to be ruled of his own free will, and, therefore, political authority is respected only when it is capable of instilling fear. Such was the principate, and such it had already become under Augustus.

According to Dio, Rome's new monarchy was preferable to *dēmokratia* because it provided much less opportunity for corrupt competition among the magistrates. However, the Romans did not become less inclined to rivalry with their peers, especially in periods of *stasis*. Dio continues to explore the regularities of human behavior in times of unrest — a topic that was especially important for the historian, who considered civil discord and domestic disorder more dangerous for the empire than any foreign threat.

Dio finds it quite natural that, in times of anxiety, political leaders — whether Octavian or Macrinus — eliminate their potential competitors. Yet in times of peace and order, the political environment of Imperial Rome was no less aggressive. As Dio's narrative shows, the senators were ready to intrigue, deceive, and betray their fellows when keeping a sharp eye on their own safety or struggling for the benefits they could receive from the emperors or imperial favorites.

The conception of human nature as an anthropological constant is not Dio's only interpretative framework for explaining patterns of human behavior. He appears to be close to the Stoics when admitting that one is not necessarily born a "tyrant", but becomes so under the influence of external factors. Notably, Dio employs both conceptions — the conception of a fixed human nature and the idea of healing the affections of the soul — in order to advocate for a policy of *clementia*. This is another sign of the apparent eclecticism of Dio's approach to history and his methodological framework.

References

1. Reinhold M. *From Republic to Principate: An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History, Books 49–52 (36–29 BC)*. Atlanta: Scholars Press; 1988.
2. Rees W. *Cassius Dio, Human Nature and the Late Roman Republic*. [Ph.D. thesis]. Oxford; 2011.
3. Pitcher LV. Cassius Dio. In: De Temmerman K, van Emde Boas E, eds, *Characterization in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative, Volume 4*. Leiden — Boston: Brill; 2018, 221–235. https://doi.org/10.1163/9789004356313_014
4. Reinhold M. Human nature as cause in Ancient historiography. In: Reinhold M. *Studies in Classical History and Society*. Oxford: Oxford University Press; 2002. P. 45–53. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195145434.003.0003>

5. Litsch E. *De Cassio Dione Thucydidis imitatore*. [Dissertatio]. Freiburg; 1893.
6. Kyhnitzsch E. *De contionibus quas Cassius Dio historiae suae intexuit, cum Thucydideis comparatist*. [Dissertatio]. Leipzig; 1894.
7. Piatkowski A. L'influence de l'historiographie tragique sur la narration de Dion Cassius. In: *Actes de la XIIe Conférence internationale d'Études classiques Eirene*. Bucharest — Amsterdam: Editura Academiei Republicii Socialiste România; 1975. P. 263–270.
8. Manuwald B. *Cassius Dio und Augustus: Philologische Untersuchungen zu den Büchern 45–56 des dionischen Geschichtswerkes*. Wiesbaden: Steiner; 1979.
9. Rich JW. Dio on Augustus. In: Cameron A, ed. *History as Text: The Writing of Ancient History*. London: Duckworth; 1989. P. 86–110.
10. Freyburger-Galland ML. *Aspects du vocabulaire politique et institutionnel de Dion Cassius*. Paris: De Boccard; 1997.
11. Swan PM. How Cassius Dio Composed his Augustan books: four studies. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 1997;(2.34.3):2524–2557. <https://doi.org/10.1515/9783110815146-015>
12. Adler E. Cassius Dio's Agrippa-Maecenas debate: an operational-code analysis. *American Journal of Philology*. 2012;133(3):477–520. <https://doi.org/10.1353/ajp.2012.0029>
13. Hose M. *Erneuerung der Vergangenheit: Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio*. Stuttgart: Steiner; 1994.
14. Hose M. Cassius Dio: a senator and historian in an age of Anxiety. In: Marincola J, ed. *A Companion to Greek and Roman Historiography*. Oxford — Malden, MA: Blackwell Publishing; 2007. P. 461–467. <https://doi.org/10.1002/9781405185110.ch47>
15. Lintott AW. Cassius Dio and the history of the Late Roman Republic. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 1997;(2.34.3):2497–2523. <https://doi.org/10.1515/9783110815146-014>
16. Rich JW. *Cassius Dio, The Augustan Settlement: Roman History 53–55.9*. Warminster: Aris & Phillips, 1990.
17. Lange CH. Cassius Dio on violence, *stasis* and civil war: the early years. In: Burden-Strevens C, Lindholmer M, eds. *Cassius Dio's Forgotten History of Early Rome*. Leiden — Boston: Brill; 2018. P. 165–189. https://doi.org/10.1163/9789004384552_008
18. Rich JW. Causation and morality: Cassius Dio on the origins of Rome's External Wars under the Republic. In: Lange CH, Scott AG, eds. *Cassius Dio: The Impact of Violence, War, and Civil War*. Leiden — Boston: Brill, 2020. P. 65–91. https://doi.org/10.1163/9789004434431_005
19. Millar F. *A Study of Cassius Dio*. Oxford: Clarendon Press; 1964.
20. Burden-Strevens C. Fictitious speeches, envy, and the habituation to authority: writing the collapse of the Roman Republic. In: Lange CH, Madsen JM, eds. *Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician*. Leiden — Boston: Brill; 2016. P. 193–216. https://doi.org/10.1163/9789004335318_012
21. Lindholmer MO. Breaking the idealistic paradigm: competition in Dio's Earlier Republic. In: Burden-Strevens C, Lindholmer M, eds. *Cassius Dio's Forgotten History of Early Rome*. Leiden — Boston: Brill; 2018. P. 190–216. https://doi.org/10.1163/9789004384552_009
22. Burden-Strevens C. *Cassius Dio's Speeches and the Collapse of the Roman Republic: The Roman History, Books 3–56*. Leiden — Boston: Brill; 2020. <https://doi.org/10.1163/9789004431362>
23. Pelling CBR. Biographical history?: Cassius Dio on the Early Principate. In: Edwards MJ, Swain S, eds. *Portraits: Biographical Representation in Greek and Latin Literature of the Roman Empire*. Oxford: Clarendon Press; 1997. P. 117–144.
24. Lange CH. Cassius Dio on Civil War: between history and theory. In: Madsen JM, Scott AG, eds. *Brill's Companion to Cassius Dio*. Leiden: Brill; 2023. P. 453–478. https://doi.org/10.1163/9789004524187_020
25. Lange CH, Scott AG. Cassius Dio: between War and Civil War. In: Lange CH, Scott AG, eds. *Cassius Dio: The Impact of Violence, War, and Civil War*. Leiden — Boston: Brill, 2020. P. 1–14. https://doi.org/10.1163/9789004434431_002

26. Lange CH. Cassius Dio on Perusia: a study in human nature during Civil War. In: Madsen JM, Lange CH, eds. *Cassius Dio the Historian: Methods and Approaches*. Leiden & Boston: Brill; 2021. P. 336–362. https://doi.org/10.1163/9789004461604_015
27. Lange CH. Cassius Dio on violence, *Stasis* and Civil War: the Early Years. In: Burden-Strevens C, Lindholmer M, ed. *Cassius Dio's Forgotten History of Early Rome*. Leiden — Boston: Brill; 2018. P. 165–189. https://doi.org/10.1163/9789004384552_008
28. Lange CH. Cassius Dio on Sextus Pompeius and Late Republican Civil War. In: Osgood J, Baron C, eds. *Cassius Dio and the Late Roman Republic*. Leiden — Boston: Brill; 2019. P. 236–258. https://doi.org/10.1163/9789004405158_013
29. Inwood B. *Ethics and Human Action in Early Stoicism*. New York: Clarendon Press; 1985.
30. Champlin EJ. Seianus Augustus. *Chiron*. 2012;42:361–388. <https://doi.org/10.34780/0cf9-2d61>
31. Beek AL. Legitimate violence in Illegitimate times: Dio's theories of legitimacy. *Akroterion*. 2020;64:65–90. <https://doi.org/10.7445/64-0-999> EDN: SDMANG
32. Adler E. Cassius Dio's Livia and the conspiracy of Cinna Magnus. *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 2011;51:133–154.
33. Giua MA. Clemenza del sovrano e monarchia illuminata in Cassio Dione 55, 14–22. *Athenaeum*. 1981;59:317–337.
34. Gowing AM. *The Triumviral Narratives of Appian and Cassius Dio*. Ann Arbor: University of Michigan Press; 1992.

Information about the author:

Konstantin V. Markov — Ph.D. in history, Associate Professor of the Department of Ancient and Medieval History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation, e-mail: markov@imomi.unn.ru ORCID: 0000-0001-8380-0043. SPIN-code: 6551-0847.

Информация об авторе:

Марков Константин Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории древнего мира и Средних веков, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, 603000, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, e-mail: markov@imomi.unn.ru ORCID: 0000-0001-8380-0043. SPIN-код: 6551-0847.

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-3-356-371

EDN: PNEGHT

Научная статья / Research article

Граффити Алексамена и история раннего христианства в Риме на рубеже II–III вв.

А.Д. Пантелеев

Санкт-Петербургский государственный университет, *Санкт-Петербург, Российская Федерация*

✉ a.panteleev@spbu.ru

Аннотация. Цель исследования — пересмотреть устоявшуюся интерпретацию граффити Алексамена (Палатин, Рим, нач. III в.) как исключительно антихристианской карикатуры и предложить его новое прочтение в контексте социальной среды Педагогиума — императорской школы для рабов. Проанализирован корпус источников, связанных с памятником: само изображение, сопутствующие надписи и рисунки из Педагогиума, а также письменные свидетельства Тертуллиана, Минуция Феликса и античных авторов. Методологическая основа включает историко-сравнительный анализ, иконографический метод и критический обзор исследовательских подходов XIX–XXI вв. — от Р. Гаруччи до современных социокультурных интерпретаций (А. Сун, Ф. Харли-МакГован, П. Киган). Традиционное толкование граффити как насмешки язычника над христианином остается наиболее обоснованным, однако может быть значительно углублено за счет анализа внутренней жизни Педагогиума. Важно, что карикатура выполняла не только пародийную, но и доносительскую функцию: автор сознательно использовал языческие стереотипы — почитание осла, позорный характер распятия, — чтобы скомпрометировать Алексамена перед наставниками в условиях острой конкуренции среди императорских рабов. Такой подход позволяет рассматривать памятник не изолированно, а как продукт специфической социальной среды, где религиозная идентичность становилась инструментом внутригрупповой борьбы.

Ключевые слова: Римская империя, Педагогиум, археология, антихристианская полемика, пародия, римское рабство

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 29.01.2026; принята к публикации 27.04.2026.

© Пантелеев А.Д., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Пантелеев А.Д. Граффити Алексамена и история раннего христианства в Риме на рубеже II–III вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 3. С. 356–371. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-356-371> EDN: PNEGHT

Alexamenos Graffito and the history of Early Christianity in Rome at the turn of the 2nd–3rd centuries

Aleksey D. Panteleev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ a.panteleev@spbu.ru

Abstract. The aim of this study is to reconsider the established interpretation of the Alexamenos graffito (Palatine Hill, Rome, early 3rd century AD) as a purely anti-Christian caricature and to propose a new reading of this monument within the context of the social environment of the Paedagogium — the imperial school for slaves. The study analyzes the corpus of sources related to the monument: the image itself, accompanying inscriptions and drawings from the Paedagogium, as well as the written testimonies of Tertullian, Minucius Felix, and other ancient authors. The methodological framework includes historical-comparative analysis, iconographic method, and a critical survey of scholarly approaches from the 19th to the 21st centuries — from R. Garucci to modern sociocultural interpretations (A. Soon, F. Harley-McGowan, P. Keegan). The traditional interpretation of the graffito as a pagan's mockery of a Christian remains the most plausible, yet it can be significantly deepened through an analysis of the internal life of the Paedagogium. It is argued that the caricature served not only a parodic but also an informant function: the author deliberately employed pagan stereotypes — the worship of the donkey and the disgraceful nature of crucifixion — in order to compromise Alexamenos before his teachers in the context of fierce competition among imperial slaves. This approach allows the monument to be viewed not in isolation, but as a product of a specific social milieu in which religious identity became an instrument of intra-group rivalry.

Keywords: Roman Empire, Paedagogium, archaeology, anti-Christian polemic, parody, Roman slavery

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 29.01.2026; accepted 27.04.2026.

For citation: Panteleev AD. Alexamenos Graffito and the history of Early Christianity in Rome at the turn of the 2nd–3rd centuries. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(3):356–371. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-356-371> EDN: PNEGHT

Введение

В первые века христиан в Римской империи окружала масса нелепых обвинений и слухов. Язычники утверждали, что они занимаются развратом и людоедством, практикуют колдовство и вообще являются врагами рода человеческого, а христианство в целом — это «безмерно нелепое суеверие»

(Plin. Ep.X. 96). Во II–III вв. простодушные, ограниченность и глупость верующих осмеивали Лукиан, Цельс, Порфирий и другие античные авторы [1]. Христианские писатели-апологеты спорили с ними, издеваясь над языческими божествами и таинствами. Эта полемика велась не только в ученых диспутах и сочинениях, но и на городских и сельских рынках, улицах, в тавернах, частных домах, военных лагерях. Уровень аргументации зависел от множества факторов, среди которых полученное образование и общий культурный уровень ораторов и аудитории, местные традиции, степень знакомства с предметом, желание оскорбить и унижить оппонента, наконец, цель, которую преследовали спорщики, — установить истину или любой ценой убедить слушателей в своей правоте. Препирались не только взрослые, но и подростки, не всегда осознававшие, о чем идет речь, и иной раз очень по-своему понимавшие то, что намеренно или случайно узнали от старших. Рассмотрим одно из свидетельств этой полемики, связанное именно с детьми, — граффити Алексамена, проанализируем историю изучения этого изображения, его археологический и исторический контекст и новые подходы к его интерпретации, предложенные учеными в конце XX – начале XXI в.

Граффити Алексамена: археологический контекст

Граффити Алексамена — самое известное изображение распятия в античной языческой традиции. Это, возможно, самое раннее известное нам изображение Христа на кресте. Найденное в 1856 г. во время раскопок императорского дворца на Палатинском холме и в том же году опубликованное обнаружившим его Р. Гаруччи [2. Р. 529–545], оно уже более 150 лет привлекает внимание многих эпиграфистов и историков Римской империи и раннего христианства [3. Р. 209–212; 4. С. 105–139; 5. С. 128–129; 6. С. 1–18].

Граффити было обнаружено в здании, которое археологи называли *Paedagogium*, скорее всего, это была школа для обучения императорских рабов и вольноотпущенников; далее мы подробнее расскажем об этом учебном заведении. В нем было много различных помещений, рисунок находился на юго-восточной стене VII комнаты. Это не единственное изображение в данном сооружении: всего в Педагогииуме найдено 369 рисунков и надписей, вырезанных стилусом или другим предметом либо нарисованных чернилами, углем, краской. Изображения связаны со скачками, гладиаторами, эротикой, непристойными шутками — словом, обычный мир подростков; подавляющее большинство надписей сделано на латыни [6. С. 11; 7. С. 69–98]. Как источник граффити обладают особой важностью, так как в отличие от лапидарных надписей, здесь составитель и создатель являются одним и тем же лицом, граффити менее официальные и дают нам уникальную возможность напрямую прикоснуться к жизненному опыту и переживаниям

обычных людей античного мира, к тому, чем они хотели поделиться со своими друзьями и современниками.

Граффити размером 0,38 × 0,335 м изображает юношу, приветствующего поднятой рукой человека с головой осла, распятого на тау-образном кресте. Возможно, подросток шлет ему воздушный поцелуй по распространенному в античности обычаю почитания статуй богов (*iactare basia*. — Phaedr. Fab. V. 7. 28; Mart. Epigr. I. 3. 7; Juv. Sat. IV. 118). Между этими двумя фигурами расположена надпись: ΑΛΕΞΑΜΕΝΟΣ ΣΕΒΕΤΕ ΘΕΟΝ, которую большинство ученых переводит как «Алексамен поклоняется (своему) богу». Грамматически σέβετε — это повелит. накл. множ. числа второго лица или наст. время изъявит. наклонения, тоже множ. числа второго лица; этот глагол нужно читать как σέβεται (третье лицо единств. числа). Здесь не ошибка, а скорее просторечие, так как в греческих надписях того времени обычно чередование ε и αι. Если оставить при переводе повелительное наклонение: «Алексамен, поклоняйся (своему) богу!», то появляются другие проблемы: вместо Ἀλεξάμενος должен быть звательный падеж Ἀλεξάμενε, и как-то нужно объяснить использование глагола во множественном числе по отношению к одному человеку [4. Р. 111–112; 6. С. 3–4]. Впрочем, требовать от «художника» идеального знания древнегреческого не стоит: слово θεόν изначально было написано через омегу (θεων), и лишь потом исправлено на верный вариант. Недостаточное знание орфографии вполне может свидетельствовать о том, что надпись была сделана ребенком или подростком. Определить социальный статус Алексамена исходя из его облика невозможно, так как у римлян не было особой одежды для рабов. Сенека рассказывает, как некогда в сенате обсуждалось ее введение, но в итоге от этой идеи отказались, опасаясь того, что невольники осознают, насколько их много (Sen. De clem. I. 24. 1). Алексамен и распятая фигура одеты в короткие туники или колобии — нижнюю одежду, похожую на рубаху без рукавов, которую носили и свободные бедняки, и рабы [6. С. 5]. Однако контекст граффити вполне позволяет предположить, что это был один из подростков, обучавшихся в Педагоγιуме.

Точная датировка граффити Алексамена остается спорным вопросом по сей день. Первоначально Р. Гаруччи предложил отнести его к III в. [2. Р. 537–539]. М. Итконен-Калья и Х. Солин, опираясь на данные археологии, искусствоведения, палеографии и ономастики, датируют его концом II — началом III в. [3. Р. 46–57], и эта точка зрения принята большинством ученых. В то время — начало правления Северов — при императорском дворе безусловно уже присутствуют христиане, и граффити Алексамена хорошо вписывается в известную нам картину [8. С. 338; 9. С. 70–75; 10. С. 203–204].

В VI комнате, примыкающей к VII, обнаружили и выцарапанную на стене смешанную греко-латинскую надпись ΑΛΕΞΑΜΕΝΟΣ *fidelis* («Алексамен верный»), которая, очевидно, как-то связана с карикатурой. В середине XX в. ее подлинность поставлена под сомнение, а М. Итконен-Калья и Х. Солин

прямо называют ее подделкой [3. С. 211]. Эта надпись была найдена не Гаруччи, а другими учеными и опубликована только в 1869 г., а вскоре после этого уничтожена, поэтому многие сейчас считают ее мистификацией, вдохновленной находкой с Алексаменом [4. С. 114; 12. Р. 194]. Впрочем, некоторые исследователи продолжают использовать это граффити безо всяких оговорок, как поступает П. Киган [11. С. 108], а А. Сун рассуждает о сложностях, связанных с его открытием и публикацией, которые не дают возможность вынести однозначное суждение о подлинности [6. Р. 11–13]. В надписях VI комнаты рядом с именами неких Либана и Квинтия другой рукой добавлено слово *episcopus*. Если здесь имеется в виду именно христианские епископы, то эти граффити можно рассматривать как уничижительные насмешки над рабами-христианами [7. С. 91], но более вероятно, что это слово употребляется в нехристианском значении «надсмотрщик» или «надзиратель» над другими рабами. Наконец, в этом же помещении на стене был найден христианский символ ХР, но его происхождение также считают сомнительным.

В Педагогуме обнаружено еще одно граффити (VIII помещение, северная стена), имеющее опосредованное отношение к рассматриваемому нами: изображение осла, но не распятого, а работающего на мельнице; судя по технике рисунка, оно сделано другим автором. В отличие от других памятников с этим сюжетом, на видном месте оказывается не мельница, источник дохода хозяина, а осел, под которым написано: *labora, aselle, quomodo ego laboravi, et proderit tibi* («Работай, ослик, как и я работал, и это принесет тебе выгоду») [3. Р. 223–224; 4. С. 115–116]. Осел часто ассоциировался с тяжелым рабским трудом, это был непряхотливый и покладистый слуга, и как правило он оказывается на втором плане или вовсе скрытым мельницей, а здесь мы сталкиваемся с переосмыслением стандартного сюжета, увиденного глазами не свободного обеспеченного римлянина, а раба [13. Р. 15, 77–85]. Возможно, автор граффити обращался к ученику, чье имя как-то было созвучно *asellus*, призывая к терпеливому перенесению трудностей, кроме того, было высказано предположение о том, что оно было обращено к некоему христианину и призывало к смирению [14. С. 110].

История интерпретаций граффити

Общепризнанная и наиболее правдоподобная интерпретация граффити Алексамена предложена еще Р. Гаруччи: это — насмешка над Алексаменом и его верой в Христа [2]. Такая версия основывается не только на самом изображении, но и на обвинениях в адрес христиан со стороны язычников. В «Апологетике» Тертуллиан писал: «Вы, подобно некоторым, выдумываете, что нашим богом является ослиная голова. Это предположение высказал Корнелий Тацит... Недавно в этом городе увидела свет новая версия нашего Бога, когда некий преступник, бегающий от зверей за деньги,

предложил публике картинку с такой надписью: „Бог христиан ὀβοκοίτης“. Он был с ослиными ушами, с копытом на одной ноге, держащий книгу и одетый в тогу. Мы посмеялись и над именем, и над обликом» (Tert. Apol. 16; пер. А.Ю. Братухина). В «К язычникам» эта история рассказана немного иначе: «Совсем недавно некий отъявленный ваш проходимец, а также предатель собственной религии, иудей только по тому, что он не имеет крайней плоти, а также, как можно предположить, искусанный зверями, ухаживать за которыми он нанимается, и по этой причине лишенный кожи и прямо-таки кругом обрезанный; так вот, иудей этот выставил против нас картину со следующей надписью: ὀβοκοίτης. Изображенный на ней человек одет в тогу, имеет лошадиные уши, в руках у него свиток и на одной ноге — копыто» (Tert. Ad nat. I. 14; пер. И. Маханькова). Тертуллиану вторит Минуций Феликс: «Они (христиане. — А.П.), не знаю по какому нелепому убеждению, почитают голову самого низкого животного, голову осла» (Min. Fel. Oct. 9. 3; cf. 28. 7). Скорее всего, это обвинение опирается на предшествующую античную традицию о поклонении евреев в Иерусалимском храме ослу [15. Р. 497–527]. В нашей карикатуре оказываются объединены представления о распятии как о рабской казни и Иисусе как негодяе, о поклонении христиан кресту и ослиной голове, что вполне соответствовало мнению многих язычников о христианах на рубеже II–III вв.

Утверждения о том, что христиане не использовали изображение креста до времени Константина, похоже, не соответствуют действительности [4. Р. 117–125]. У нас нет таких изображений на монументальных объектах, но иногда в катакомбах использовалась одиночная Т, а в римских катакомбах Себастьяна эта буква вставлена в слово ΙΧΘΥΣ, знаменитый христианский акроним. В нашем распоряжении есть некоторое число перстней с геммами с распятиями и буквой Т, часто ее можно увидеть в изображениях якоря, символа спасения христиан. Эти памятники плохо поддаются точной датировке, но часть их вполне может относиться к III в. [16. С. 31]. Кроме того, чтобы пародия на Иисуса была понятна, необходимо, чтобы зрители узнавали изображение распятого и связывали его с христианами, а сами верующие должны поклоняться распятому Христу. Откуда об этом могли узнать язычники? Прежде всего, из слухов, бывших основным источником знаний о христианах для простого народа, из личных наблюдений, наконец, из уличных представлений, где могли пародироваться сцены новозаветной истории, включая распятие. В античной литературе есть упоминания о мимах, которые осмеивали египетских и римских богов, в них доставалось и иудеям, и существует целый набор агиографических текстов, повествующих об обращении римских актеров во время представления антихристианских пьес, где пародировались христиане. Частыми объектами насмешек становились представления верующих о Троице, рождении Христа, боговоплощении, христианское упрямство и нежелание идти на компромисс с римскими властями [17. С. 391–394].

Достаточно рано появились и альтернативные интерпретации: Р. Вюнш предположил, что на кресте распят египетский ослиноголовый бог Сет [18. S. 111–112], Т. Мэтьюс высказал смелую идею о том, что Алексамен принадлежал к группе римских христиан, которые действительно поклонялись голове осла [19. P. 48–50], Г. Немет увидел здесь не ослиную, а лошадиную голову, что привело его к догадке о том, что здесь изображен не распятый Иисус, а то же божество или демон, что на табличках с проклятиями, использовавшихся против соперников в гонках колесниц [20]. Не так давно Х. Амирав и П.-Б. Смит вернулись к версии Вюнша о Сете, доказывая, что в этом граффити христианин Алексамен, поклоняющийся своему Богу, воспользовался языческими образами для того, чтобы высмеять слишком ретивого язычника [21].

В конце XX – начале XXI в. исследователи вышли за пределы пространства религии и попытались вписать это изображение в более широкий культурно-социальный контекст римского мира. Помимо отсылки к христианскому поклонению ослу, это граффити можно связать с античными традициями пародии и юмора, когда атрибуты животных использовались как средство подрыва устоявшихся представлений о религии, власти и авторитете. Своего рода социально-политическое прочтение этого граффити предложила Ф. Харли-МакГован [4]. Она полагает, что объектом насмешки здесь является именно распятый бог, а не Алексамен. В пользу этого говорит отсутствие обычных для граффити физиогномических отклонений, которые обычно использовались для обозначения уродства или неполноценности (большие уши, лысая голова, выдающийся нос). Нежелание изображать героев нагими было следствием отсутствия у малолетнего художника стремления полностью поспорить с Алексаменом; в пользу этого свидетельствует и то, что его фигура и лицо не шаржированы.

В античности существовала богатая традиция гротескных и карикатурных изображений авторитетных фигур — магистратов, философов, риториков, учителей, даже мифологических героев вроде Энея — с головами ослов или других животных. На помпейской фреске I в. н.э. преображен классический тип Энея с детьми, спасающихся из Трои: фигуры героев изображены в виде обезьян с собачьими головами и комично большими фаллосами [4. P. 133–134]. Композиция может отображать насмешливое восприятие отдельных аспектов государственной политики и идеологии местной помпейской элитой или отражать общие анти-августовские настроения. Описанное Тертуллианом изображение похоже на имеющееся у нас наверху посоха в виде стоящего осла в тоге и со свитком, сделанное в начале новой эры [4. P. 128–129]. Свиток в греко-римском обществе служил атрибутом учености и высокого интеллектуального статуса, в этот период с ним все чаще изображался Иисус, а тога в Риме была символом власти. Ее надевали для отправления общественных или официальных обязанностей, она ассоциировалась с римским

гражданством и социальными ролями римского мира, будь то жрец, оратор, магистрат или сам император. Тот же набор — тога и свиток — встречается на лампе, скорее всего, из Египта, где явно пародируется учитель с головой лошади, обучающий группу миниатюрных учеников-обезьян [4. Р. 129–130]. Есть и другие подобные образцы, показывающие повсеместное распространение этого образа, и Иисус, уподобленный философу-ослу, становился надутым недалеким пустомелей, превращаясь в объект насмешек. Эта трансформация находит параллели и в других источниках: Цельс называл Христа негодным учителем, а его последователи ведут себя как лже-софисты [1].

Наделение этих фигур головой осла означало прежде всего осмеяние и унижение, но Ф. Харли-МакГован указывает, что ослиная голова «бога Алексамена» одновременно и унижала его, и поднимала до уровня олимпийцев, ведь они осмеивались сходным образом. Это является свидетельством начавшегося подспудного изменения отношения язычников к христианам: они уже готовы поставить их Бога на один уровень со своими, вскоре многие римляне и греки согласятся с тем, что в божественности Христа нет ничего невозможного, и начнут требовать от христиан лишь встречного признания своих божеств.

Алексамен, ослиноголовый бог и самоирония

Итак, до недавнего времени все исследователи исходили из того, что граффити Алексамена — это насмешка язычника над Христом, Его учением и верующими. Еще в XIX в. Р. Гаруччи при публикации назвал его «богохульным» (*blasfemo*) [2], а Ф. Беккер — «издевательским распятием» (*Das Spott-Crucifix*) [22. S. 30–31]. А. Сун же решил пересмотреть устоявшийся консенсус и доказать, что это изображение может быть христианской самопародией, созданной самим Алексаменом [6. Р. 1–18]. Прежде всего он попытался показать, что граффити может иметь христианское происхождение. Его аргументация сводится к следующему.

Во-первых, линии граффити, считавшиеся некоторыми исследователями комически подчеркивающими анатомию фигур, могут быть не очень удачной попыткой передать складки туники или ее сочетания с другой нижней одеждой. То, что автор граффити не был выдающимся художником, в общем, очевидно.

Во-вторых, изображение Иисуса с ослиной головой могло вызывать у христиан не гнев и возмущение, а смех. Тертуллиан, отзываясь об этом эпизоде как об анекдоте, который не имел особого значения, писал: «Мы посмеялись и над именем, и над обликом» (*Tert. Apol. 16.12*). Изображение Иисуса с ослиной головой могло в какой-то мере сближать Его с языческими богами и свидетельствовать о Его божественности. Именно поэтому Тертуллиан отказывался признавать вред этого изображения. Более того, соединение

частей тела человека и осла даже могло рассматриваться как раскрытие темы соотношения человеческой и божественной сущности во Христе [6. С. 8].

В-третьих, А. Сун обращает особое внимание на особый элемент креста в верхней части граффити. Он полагает, что это — *titulus*, прикрепленная к распятию надпись, о которой упоминают все евангелисты, и эта деталь особенно важна как свидетельство хорошего знания автором христианской традиции. Вряд ли художник-язычник погрузился настолько глубоко в христианские сочинения, только чтобы нарисовать не самую изысканную карикатуру. Более вероятно предположение, что автором был христианин или бывший христианин, уже знакомый с евангельской традицией.

В-четвертых, упоминание имени Алексамена в надписи не означает, что она сделана не им, а кем-то другим: для выражения авторского замысла в граффити характерно использование третьего лица, так как изложение от первого лица делает надпись анонимной и непонятной для всех, кроме присутствовавших при ее создании. Фразу «Алексамен поклоняется (своему) богу» традиционно воспринимают как сатирическую, но она может иметь и позитивный смысл как искреннее проявление поклонения. Вместо того, чтобы отдавать приоритет восприятию с точки зрения постороннего наблюдателя-нехристианина, нужно помнить, что возможны множественные способы интерпретации граффити, в том числе и христианские.

В-пятых, учитывая контекст находки, обращение именно к ослу не исключает позитивного благочестивого толкования граффити: эти животные в древнем Риме могли рассматриваться как общий символ поработенных. Вспомним граффити с ослом и мельницей: это самопародия на рабство, где один ослик обращается к таким же осликам, не стыдясь ни отождествления себя с этим четвероногим трудягой, ни сравнения с ним своей аудитории. Возможно, у некоторых язычников ослиноголовый бог на кресте мог вызвать ассоциации со слухами, циркулировавшими вокруг иудеев, но для Алексамена и его товарищей Иисус с ослиной головой, одетый в ту же одежду, что и рабы, и умирающий рабской смертью, был символом солидарности поработенного Спасителя с невольниками. Зрители могли даже провести параллель с граффити в соседней комнате: «Принеси себя в жертву, маленький раб, как Я принес в жертву Себя, и ты извлечешь от этого пользу» [6. С. 10].

В-шестых, А. Сун обращается к упомянутой выше надписи ΑΛΕΞΑΜΕΝΟΣ *fidelis* — «Алексамен верный». Он полагает, что мы не можем доказать, что она сфальсифицирована, и на основании палеографии утверждает, что обе надписи могли быть сделаны самим Алексаменом, и их следует рассматривать как единое целое.

После этого следует обширный экскурс в историю самопародии в античной литературе от Кратина до Горация и Плутарха и иконографии на примере мозаики сицилийской виллы Романа дель Казале (на ней в подробностях изображен цирк с колесницами, которыми управляют дети, а вместо лошадей

в них запряжены птицы, и таким образом происходит переосмысление и деконструкция обычных римских мотивов мужественности и господства человека над природой). А. Сун отмечает, что этот прием был знаком всем слоям римского общества, в т.ч. и первым христианам, начиная с апостола Павла. Социологам и антропологам известно, что преследуемые сообщества — этнические меньшинства, поработанные лица, оккупированные нации — часто борются с угнетением посредством самопародии и саморефлексивного юмора, служащими средством бегства от реальности и преодоления трудностей, способом вернуть себе контроль над ситуацией, противостоять господствующей идентичности и сопротивляться давлению внешних сил. Так и здесь: вместо того, чтобы оправдывать свою веру в Иисуса, автор граффити утрирует одновременно и языческие обвинения, и христианское учение о распятом Спасителе. Алексамен осознал, что в его положении самопародия на жизненные обстоятельства и религиозные представления предпочтительнее, нежели роль объекта насмешек со стороны других. Не нужно считать, что подобные размышления были слишком сложны для подростка-раба и не стоит отождествлять грубость граффити с необразованностью и поверхностностью автора, как это делает О. Ярбро [23. С. 237], ведь изображение Алексамена относится к числу наиболее иконографически проработанных среди всех граффити Педагогиума. Сосредоточившись исключительно на недостатках карикатуры и грамматических ошибках, исследователи навязывают упрощенную трактовку, умаляя интеллектуальные способности римских рабов и сужая наши возможности понимания этого рисунка.

Безусловно, А. Сун предлагает оригинальный и интересный вариант прочтения этого памятника, некоторые его замечания безусловно заслуживают внимания, но из-за не всегда корректных допущений и произвольной трактовки источников возникает много вопросов. Приведем несколько достаточно очевидных возражений. Если наш автор хорошо знает евангельский текст, откуда взялась римская туника на Иисусе? Как правило, римляне распинали приговоренных к смерти обнаженными [24. Р. 192–193; 427]. Если он опирался на собственные воспоминания о публичных казнях, которые мог видеть, то оттуда же могла прийти и табличка с указанием вины преступника [25. С. 35]. Тертуллиан и Минуций Феликс, упоминая обвинения в поклонении ослу, ничего не говорят о том, что христиане сами использовали этот образ, напротив, он был связан исключительно с языческим восприятием верующих. Попытка увидеть в изображении Иисуса с ослиной головой графическое воплощение различных природ в Спасителе сближает автора с гностиками, видевшими в Абраксасе — создании с головой петуха, телом человека и ногами в виде змей — божество, сочетающее в себе элементы трех миров. Конечно, можно пойти этим путем и объявить Алексамена гностиком, но тогда неминуемо придется вспомнить о докетизме, учении о том, что Христос не обладал физическим телом, следовательно, не страдал на кресте,

и к чему тогда в принципе поклоняться распятию и изображать его? Осел в античности ассоциировался с глупостью, упрямством и распущенностью, и возможно ли было использовать этот образ в позитивном ключе? Наконец, вызывает сомнения, насколько применимы данные социологии о современных сообществах к древности. Вся конструкция, возведенная А. Суном, интересна скорее как образец того, как стремление предложить оригинальную теорию приводит к нагромождению сомнительных допущений и еще более сомнительных выводов из них. На наш взгляд, традиционное толкование этого граффити все же предпочтительнее и правдоподобнее.

Алексамен и его соученики по Педагогиуму

Вернемся к тому, с чего мы начали, к месту обнаружения этого памятника — Педагогиуму на Палатинском холме, так как изучение среды, в которой возникло наше изображение, может дать новые ключи к его пониманию. Этому учебному заведению и его обитателям посвящена работа П. Кигана [7].

Первые систематические исследования сектора Палатина, где располагалось это здание, начались в середине XIX в. и были связаны с Россией: Николай I в 1846 г. приобрел здесь для раскопок несколько садов и виноградников. Палатинский холм, бывший местом резиденций римских императоров, считался археологически очень перспективным, но из-за того, что в первое время сделанные находки не оправдывали ожиданий, этот участок в 1851 г. был передан папскому престолу в обмен на несколько античных статуй [26. С. 50–56]. Именно в этот период неподалеку от Дома Августа были обнаружены остатки как минимум двухэтажного, состоящего из нескольких комнат, разделенных внутренним двором с портиком, здания [7. С. 71; 27. Р. 117]. Его идентификация основывается на надписи *exit de paedagogio* или ее вариантах, которая встречается на стенах сооружения двенадцать раз [3. Р. 72–76]. Однако, не стоит однозначно отождествлять его с местом, где жили и обучались молодые рабы-пажи, которых готовили для службы при императорском дворе. Нам известен особый Педагогиум для африканцев (*Paedagogium ad Caput Africae*), находящийся на Целии, и в результате попыток объяснить соотношение этих двух объектов у историков и археологов появилось несколько версий. Здание на Палатине могло быть именно школой для пажей, а жили они на Целии, или оно, возможно, было училищем живописи для рабов, или казармой для солдат, передислоцированных с Целии, или лазаретом, или тюрьмой [7. Р. 71–72]. Палатинский Педагогиум построен из кирпичей, которые датируются временем Домициана, частично отремонтирован при Адриане, а его граффити датируются периодом от правления Траяна до Северов. Концентрация надписей и рисунков очень высокая, и можно только пожалеть об утрате штукатурки в части помещений этого здания.

Термин *paedagogium* использовался не только как римский топоним, но и как обозначение образовательного и воспитательного учреждения для рабов, где они получали основы необходимых знаний и навыков, чтобы служить своим хозяевам. Это слово встречается в письмах Плиния Младшего (Plin. Epist. VII. 27. 13), кроме того, рабы или вольноотпущенники-педагоги упоминаются в надписях (CIL 6.1052; 7290; 9740; 8982–8986). Эти «педагоги» могли выполнять функции и учителя, и наставника, они прививали дисциплину, осуществляли опеку и поддерживали порядок среди обучающихся, которые назывались *pueri* или *paedagogiani*. *Pueri* сопровождали своих господ на прогулке, в путешествии, во время охоты, прислуживали за столом и присматривали за гостями, выполняли поручения хозяев и вообще оказывали все необходимые услуги. Уровень их образования должен был позволять исполнять обязанности, например, управляющего императорской виллой, т.е. их учили чтению, письму и счету, а иногда и другим наукам. Некоторые рабы из Педагогиума становились медиками [28. Р. 262–280; 29. С. 11–19]. *Pueri* должны были тщательно следить за собой и своим внешним обликом [7. С. 74]. В эпоху Поздней Республики Цицерон описывает подобных рабов как отличавшихся образованностью и изысканностью, обученных всевозможным искусствам и выбираемым «из изящнейшей челяди во многих домах» (Cic. Pro Rosc. 61.120). Филон Александрийский, описывая *pueri*, прислуживавших во время пира, отмечает их красоту и грацию, тщательно продуманные прически и одежды, изготовленные из тончайших тканей (Philo. De vita cont. 50–52).

Авторы граффити отличаются друг от друга знанием правописания, а почерк свидетельствует о различном уровне их культуры: 90 % надписей выполнены достаточно грубо, оставшиеся 10 % — более изысканно, что свидетельствует о достижении определенного уровня обучения [7. Р. 75–76]. Иной раз кажется, что гладиаторские бои и гонки колесниц, происходившие буквально у них под боком, ведь от Палатина до Колизея и Большого Цирка идти буквально несколько минут, были для учеников важнее правил грамматики. Граффити, в деталях передающие вооружение бойца или изображающие скакового коня с пальмовой ветвью в зубах, и минимум текста с указанием имени и числа побед подразумевают, что аудитория, к которой был обращен рисунок, прекрасно понимала, что хотел сказать автор. Ранее мы рассмотрели надпись с изображением осла и мельницы и призывом старательно трудиться. Т. Виламовиц увидел в ней ямбический размер, но П. Киган вполне разумно заметил, что это может быть случайным совпадением [7. С. 77]. Так или иначе, достаточно тонкое переосмысление темы осла и мельницы и возможное использование метрического размера свидетельствует о разном уровне культуры и образования обучающихся в Педагогиуме. Самые способные из этих рабов вполне могли готовиться как писцы или даже секретари для римской элиты.

Что касается имен, которые встречаются в граффити Педагогиума, то в основном это когномены, причем преимущественно рабские (Алип, Кетоник, Коринф, Диадумен, Зотик). Иногда имя раба могло указывать на его обязанности, как *Scarus* (рыба-попугай, высоко ценившаяся в Риме) или *Nastas* (от др.-греч. *Ναστός* — пирог). Эти юноши могли подносить к столу во время пира тарелки с соответствующими блюдами. Соотношение всех упомянутых в надписях латинских и греческих имен составляет 139:113 [7. С. 78]. Данные ономастики могут указывать на этническое или географическое происхождение (Афр, Азиатик, Галл, Нарбон), но в какой степени они отражают реальность, сказать сложно, так как имена рабов — плохой индикатор фактического происхождения, и то, что мальчика звали Коринфом или Югуртой, вовсе не означало, что он был родом из Греции или Африки.

Сделаем несколько следующих шагов в продолжение рассуждений Кигана. Рабы, обучающиеся в Педагогиуме, составляли уникальную в своем роде группу. Они, судя по надписям, вполне сознавали двойственность своего статуса: формально невольники, они состояли в особых отношениях с императорским домом, причем их положение практически не зависело от личности правителя, и этим они отличались от многих свободных римлян, находившихся при дворе. Успех раба зависел от многих факторов: врожденных способностей, характера, внешности, рекомендаций наставников, способности выделиться из толпы других прислужников и обратить внимание именно на себя при первых выходах ко двору. Между *pueri* складывались непростые отношения, где причудливо смешивались дружба и конкуренция, стремление объединиться в какие-то кружки по возрасту или происхождению, но при этом все они понимали, что каждый сам кузнец своего счастья и удача улыбнется далеко не всем. В такой среде зависть и ревность к чужим успехам — обычное дело, и некоторые ученики в граффити могли вымещать злость из-за своих неудач. В одно и то же время они выплескивали свои негативные эмоции и заставляли нервничать из-за этих насмешек других рабов, своих соперников. Остановимся немного подробнее на этом аспекте нашего рисунка; насколько нам известно, другие исследователи тщательно этот вопрос не рассматривали.

Как уже было сказано, в императорском дворце было немало христиан. В эпоху Северов верующих продолжали преследовать, но иной раз императоры проявляли веротерпимость и даже благожелательность по отношению к ним. Есть много свидетельств спокойных и конструктивных взаимоотношений между римлянами и Церковью в это время: в Африке начинают проводиться большие соборы, и власти на это никак не реагируют, легат Аравии приезжает в Александрию, чтобы послушать Оригена, Вардесан посвящает свои сочинения Каракалле или Элагабалу, а Ипполит Римский — жене Элагабала и Юлии Мамее, матери Александра Севера. Последняя, в свою очередь, приглашает к себе в Антиохию Оригена. При самом Александре Севере христиане чувствовали себя очень уверенно: Юлий Африкан занимается

по его указанию устройством библиотеки при Пантеоне и посвящает императору свои «Кесты», а Евсевий сообщает, что дом Александра «состоял большей частью из верующих» (Eus. HE. VI. 28). С другой стороны, существовала и влиятельная партия придворных язычников-традиционалистов: Ульпиан, префект претория и советник императора, собрал все законы против христиан в несохранившейся до нашего времени VII книге сочинения «Об обязанностях проконсула» (Lact. Div. inst. V. 11), сенатор Дион Кассий предупреждал об опасности христианства и других иноземных культов (Dio Cass. LII. 36. 1–2), а коллегия гаруспиков высказалась против включения Христа в число принятых богов (SHA. Alex. Sev. 43) [30. 2026, С. 10–16]. В ситуации такого противостояния обнародование своих взглядов самим Алексаменом не могло принести ему никаких преимуществ, и очень вряд ли он объявлял о том, что является христианином. Скорее, об этом знали лишь его приятели и соседи по комнате, которые то ли в шутку, то ли из зависти к его успехам, то ли из-за личной неприязни сделали этот рисунок. Надо отдавать себе отчет в том, что эта карикатура была не просто злобной шуткой, но настоящим доносом наставникам на религиозные взгляды Алексамена; едва ли это привело к его казни, но проблем в его жизни точно прибавилось.

С большой долей вероятности события развивались следующим образом: эта карикатура была замечена старшими (или им о ней сообщили), и они провели беседу с Алексаменом. Повторимся, что мы можем только догадываться, к каким результатам привела эта беседа — к физическому наказанию, выговору, принесению жертвы языческим богам или императору в присутствии свидетелей, изгнанию из Педагогиума или просто к совету не слишком активно демонстрировать свои религиозные взгляды. Его учителя могли быть ревностными язычниками, скрытыми христианами или вовсе не иметь ярко выраженных религиозных взглядов, но порядок среди рабов они должны были обеспечивать безусловно. Вряд ли это дело получило официальный ход: у наставников не было причин выносить сор из избы, иначе они сами могли оказаться под ударом из-за того, что плохо следили за воспитанниками.

Заключение

Граффити Алексамена продолжает оставаться в центре внимания историков, археологов, искусствоведов, а в последнее время и социологов. Анализ этого памятника в различных контекстах позволяет нам по-новому взглянуть на такие проблемы, как история раннего христианства в Риме и эволюция отношения язычников к верующим, самовосприятие христиан во II–III вв., религиозные взгляды императорских рабов, повседневная жизнь воспитанников римского Педагогиума. В конце XX – начале XXI в. всплеск интереса к этому граффити был обусловлен проникновением в историческую науку новых социологических и культурно-антропологических подходов. Не все

они оказались одинаково продуктивны, но в любом случае, заставляли задуматься и по-новому взглянуть на давно известную находку. Мы полагаем, что самым продуктивным является анализ этого граффити именно в контексте римской рабской школы и ее особой атмосферы.

Список литературы / References

1. Pantelev A. “They would never approach an Assembly of Wise Men”: Sophists, Anti-Sophists, and Early Christianity. *The Journal of Education and Science “Istoriya”*. 2020;11(6):20. (In Russ.). <https://doi.org/10.18254/S207987840010542-5> EDN: XXKGZB
Пантелеев А.Д. «Они никогда не присоединяются к собранию разумных людей»: софисты, лже-софисты и раннее христианство // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 6 (92). С. 20. <https://doi.org/10.18254/S207987840010542-5> EDN: XXKGZB
2. Garrucci R. Un Graffito Blasfemo nel Palazzo dei Cesari. *Civiltà Cattolica anno VII*. Ser. III. 1856;(4):529–545.
3. Solin H, Ikonen-Kaila M. (eds). *Graffiti del Palatino. I. Paedagogium*. Helsinki: Akateeminen Kirjakauppa; 1966.
4. Harley-McGowan F. The Alexamenos Graffito. In: Keith C. (ed.). *The Reception of Jesus in The First Three Centuries*. Vol. 3. London: Bloomsbury; 2019:105–139.
5. Pantelev AD. Crucifixion in the Ancient art of the Roman period. *Actual Problems of Theory and History of Art*. 2021;11:124–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.18688/aa2111-01-11> EDN: GEDGYZ
Пантелеев А.Д. Изображения распятия в античном искусстве в римский период // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2021. Т. 11. С. 124–133. <https://doi.org/10.18688/aa2111-01-11> EDN: GEDGYZ
6. Soon I. The Alexamenos Graffito as Christian self-parody. *New Testament Studies*. 2026;71(3):284–301. <https://doi.org/10.1017/S0028688525000165>
7. Keegan P. Reading the ‘Pages’ of the Domus Caesaris: Pueri Delicati, Slave Education, and the Graffiti of the Palatine Paedagogium. In: George M. (ed.). *Roman Slavery and Material Culture*. Toronto: University of Toronto Press; 2023;52:69–98. <https://doi.org/10.3138/9781442660991-005>
8. Lampe P. *From Paul to Valentinus. Christians at Rome in the First Two Centuries*. Minneapolis: Fortress Press; 2003.
9. Flexsenhar M. *Christians in Caesar’s household: the emperors’ slaves in the makings of Christianity*. University Park: The Pennsylvania State University Press; 2019. <https://doi.org/10.5325/j.ctv14gpdkf>
10. Pantelev AD. The Martyrdom of Apollonius: the Christian’s and the Judge’s rhetorical strategies. *Mnemon*. 2018;(18–2):201–214. (In Russ.). EDN: YVUULZ
Пантелеев А.Д. «Мученичество Аполлония»: риторические стратегии христианина и судьи // Мнемон. 2018. № 18–2. С. 201–214. EDN: YVUULZ
11. Keegan P. *Graffiti in Antiquity*. London, New York: Routledge; 2014. <https://doi.org/10.4324/9781315744155>
12. Sacco G. Il graffito blasfemo del Paedagogium nella Domus Augustana del Palatino. In: Di Stefano Manzella I. (ed.). *Le Iscrizioni dei Cristiani in Vaticano*. Città del Vaticano: Edizioni Quasar; 1997:192–194.
13. Moritz LA. *Grain-mills and Flour in Classical Antiquity*. Oxford: Clarendon Press; 1958.
14. Kajanto I. *Onomastic Studies in the Early Christian Inscriptions of Rome and Carthage*. Helsinki: Tilgmann; 1963.
15. Bickerman EJ. *Studies in Jewish and Christian History. A New Edition in English including “The God of the Maccabees”*. Vol. I. Leiden; Boston: Brill; 2007.
16. Spier J. *Late Antique and Early Christian Gems*. Wiesbaden: Reichert; 2013.

17. Panteleev AD. From Mimes into Martyrs: stories about Conversion of the Roman actors. *Мнемон*. 2013;(13):389–402. (In Russ.). EDN: RDQOWH
Пантелеев А.Д. Из мимов в мученики: истории об обращении римских актеров // Мнемон. 2013. № 13. С. 389–402. EDN: RDQOWH
18. Wünsch R. *Sethianische Verfluchungstafeln aus Rom*. Leipzig: Teubner; 1898.
19. Mathews TF. *The Clash of Gods. A Reinterpretation of Early Christian Art*. Princeton: Princeton University; 1993. <https://doi.org/10.1515/9780691246994>
20. Németh G. The Horse Head Demon. *Sylloge Epigraphica Barcinonensis*; 2013;(11):153–162.
21. Amirav H, Smit P. The Naked Demon: Alternative Interpretations of the Alexamenos Graffito. In: Patmore HM, Lössl J. *Demons in Early Judaism and Christianity*. Leiden: Brill; 2022:214–232. https://doi.org/10.1163/9789004518148_012
22. Becker F. *Das Spott-Crucifix der römischen Kaiserpaläste aus dem Anfange des dritten Jahrhunderts*. Breslau: Max Mälzer; 1866.
23. Yarbrough OL. The Shadow of an Ass: On Reading the Alexamenos Graffiti In: Niang AC, Osiek C. (eds.). *Text, Image, and Christians in the Graeco-Roman World: A Festschrift in Honor of D.L. Balch*. Eugene: Pickwick; 2012:239–256.
24. Cook JG. *Crucifixion in the Mediterranean World*. Tübingen: Mohr Siebeck; 2014. <https://doi.org/10.1628/978-3-16-156256-3>
25. Panteleev AD. Martyrdom and Spread of Christianity in the Roman Empire. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2015;(3):33–43. (In Russ.). EDN: UHUBCJ
Пантелеев А.Д. Мученичество и распространение христианства в Римской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2015. № 3. С. 33–43. EDN: UHUBCJ
26. Davydova LI. “Purchased from the Papal Government...” Concerning a Single Acquisition of an Antique Sculpture for the Hermitage Museum in the Middle of the 19th Century. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*. (In Russ.). 2016;(74):50–67.
Давыдова Л.И. «Приобретены от Папского правительства...» Об одном приобретении античной скульптуры для Эрмитажа в середине XIX века // Сообщения Государственного Эрмитажа. 2016. № 74. С. 50–67
27. Richardson L. *A New Topographical Dictionary of Ancient Rome*. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1992.
28. Mohler SL. Slave Education in the Roman Empire. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1940;(71):262–280. <https://doi.org/10.2307/283128>
29. Booth AD. The Schooling of Slaves in First-Century Rome. *Transactions of the American Philological Association*. 1979;(109):11–19. <https://doi.org/10.2307/284045>
30. Panteleev AD. (ed.). *Rannie muchenichestva. Perevody, kommentarii, issledovaniya. Tom II [The Early Martyrdoms. Translations, Commentaries and Studies. Volume II]*. Saint Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya; 2026. (In Russ.).
Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования. Том II / под ред. А.Д. Пантелеева. СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2026. 384 с.

Информация об авторе:

Пантелеев Алексей Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9, e-mail: a.panteleev@spbu.ru ORCID: 0000-0003-3333-7980. SPIN-код: 3687-3603.

Information about the author:

Aleksey D. Panteleev — Candidate of History, Associate Professor, Institute of History, Saint Petersburg State University, 7 Universitetskaya nab., bldg. 9, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation, e-mail: a.panteleev@spbu.ru ORCID: 0000-0003-3333-7980. SPIN-code: 3687-3603.

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ THE HISTORY OF BYZANTIUM

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-3-372-386

EDN: OVZBCM

Научная статья / Research article

Трактат Константина Багрянородного «О фемах» как источник по исторической топонимике и этнонимике древней Анатолии

В.В. Хапаев , П.А. Бараненко

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская
Федерация

 khapaev007@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что трактат Константина Багрянородного «О фемах» является ценным источником по этнической истории, ранее не востребованным в мировой историографии в этом качестве. Цель исследования — выявить и проанализировать содержащуюся в первой части сочинения «О фемах» информацию по истории народов Анатолии периода античности. Опираясь на сравнительный метод исследования, авторы установили, что Константин Багрянородный обладал широчайшей эрудицией и был знаком с большим массивом античных письменных источников. Отсутствие у него интереса к актуальной этнической картине византийской Анатолии свидетельствует в пользу датировки трактата периодом отстранения Константина VII от политической власти (около 934 г.), когда он сосредоточился на литературных занятиях. Доказано, что автор трактата делил древние народы Малой Азии на «важные» и «неважные», «хорошие» и «плохие», основываясь на том, насколько заметную роль они сыграли в событиях древней истории и какую сторону занимали в конфликтах эллинов и римлян с их противниками. Архаизация этнической истории Анатолии Константином Багрянородным свидетельствует о поиске византийской элитой середины X в. исторической преемственности от народов древности, со всеми их достоинствами и недостатками. Это побуждало авторов той эпохи глубоко изучать труды древних авторов, сохранять их наследие, искать, находить и заказывать копии древних трактатов. Благодаря их усилиям значительный массив античного литературного наследия дошел до наших дней.

© Хапаев В.В., Бараненко П.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Византийская империя, этнос, Малая Азия, античность, фема, греки, ромеи

Вклад авторов. Хапаев В.В. — концепция, анализ полученных данных, написание, сведение, редактирование и оформление текста; Бараненко П.А. — концепция, анализ полученных данных, написание текста статьи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18.01.2026; принята к публикации 27.04.2026.

Для цитирования: Хапаев В.В., Бараненко П.А. Трактат Константина Багрянородного «О фемах» как источник по исторической топонимике и этнонимике древней Анатолии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 3. С. 372–386. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-372-386> EDN: OVZBCM

Constantine Porphyrogenitus's treatise "De Thematibus" as a source on the historical toponymy and ethnonymy of ancient Anatolia

Vadim V. Khapaev , Pavel A. Baranenko

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

 khapaev007@mail.ru

Abstract. The relevance of this research topic stems from the fact that Constantine Porphyrogenitus's treatise "De Thematibus" (On the Themes) is a valuable source on ethnic history, previously unappreciated in world historiography. The purpose of this study is to examine the first part of "De Thematibus" as a source on the history of Anatolia peoples in antiquity. Using a comparative method, the authors established that Constantine Porphyrogenitus possessed extensive erudition and was familiar with a large body of ancient written sources. His lack of interest in the current ethnic picture of Byzantine Anatolia supports dating the treatise to the period of Constantine removal from political power (c. 934), when he was focused on literary pursuits. It has been proven that the author of the treatise divided the ancient peoples of Asia Minor into 'important' and 'unimportant', 'good' and 'bad' based on the significant role they played in the events of ancient history and the side they occupied in the conflicts between the Greeks and Romans and their enemies. Constantine Porphyrogenitus's archaization of Anatolian ethnic history testifies to the Byzantine elite's search for historical continuity from the peoples of antiquity, with all their virtues and shortcomings, in the mid-10th century. This prompted authors of that era to deeply study the works of ancient authors, preserve their legacy, and seek out, find, and commission copies of ancient treatises. Thanks to their efforts, a significant body of ancient literary heritage has survived to this day.

Keywords: Byzantine Empire, ethnicity, Asia Minor, antiquity, Greeks, Romaions

Contribution. Khapaev V.V. — concept, analysis of the data obtained, writing, compiling, editing and formatting the text; Baranenko P.A. — concept, analysis of the data obtained, writing.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: received 18.01.2026; accepted 27.04.2026.

For citation: Khapaev VV, Baranenko PA. Constantine Porphyrogenitus's treatise "De Thematibus" as a source on the historical toponymy and ethnonymy of ancient Anatolia. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(3):372–386. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-372-386> EDN: OVZBCM

Введение

Византийская империя, ставшая в средние века политическим и культурным преемником Рима, зачастую воспринимается как греческое национальное государство. Для ранневизантийского и средневизантийского периодов это в корне неверно. Византия, как и Римская империя, строилась как государство наднациональное: понятие «ромей» означало православного подданного империи, независимо от его этнической принадлежности [1. С. 91]. Соседи называли ромеев «греками» не по национальности, а по признаку общеимперского языка, который стал государственным в Восточной Римской империи с начала VII в., а языком межнационального общения Восточного Средиземноморья был еще со времен эллинизма. Ромеи осознавали свою многонациональность, а потому, проявляли к этническим корням населения того или иного региона интерес, но скорее историко-географический, нежели актуально политический.

Благодаря интересу ромеев к своим историческим корням сохранился большой массив информации об этническом прошлом многих византийских территорий. В особенности такого многонационального в древности региона, как Анатолия. Важнейшим, но недостаточно оцененным в историографии источником информации по этому вопросу является трактат «О фемах», приписываемый византийской исторической традицией императору Константину VII Багрянородному (913 (факт. с 945) — 959).

Первая часть трактата, посвященная фемам Азии, лучше всего сохранилась в рукописи XII в., известной как *Vaticanus graecus 1065* [2. Р. 39–43]. Вторая часть, о фемах Европы, дошла до нас в единственном манускрипте «*Parisinus graecus 854*», датированном XIII в. [3. Р. 4, 15–17].

В историографии нет единого мнения о времени написания этой книги. Анонимный автор первого перевода сочинения на русский язык (1858 г.) от датировки воздержался, отсылая интересующихся к мнению одного из ранних публикаторов трактата, библиотекаря герцога Людовика Орлеанского (1703–1752) Ансельмо Бандури (1675–1743) [4. С. I]. Однако А. Бандури своей

датировки не предложил. По крайней мере, в публикации в многотомнике «Corpus scriptorum historiae Byzantinae» подготовленного им текста и комментариев к нему (1840 г.) вариант датировки отсутствует [5. Р. 271–302].

Французский специалист по истории Византии эпохи Константина VII Альфред Никола Рамбо (1842–1905) обосновал датировку трактата 934 г. или вскоре после него [6. С. 165]. С ним согласился автор второй (и пока последней) публикации (1899) перевода сочинения «О фемах» на русский язык Гавриил Александрович Ласкин (1863–1902), проживавший в Таганроге член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете [7. С. 5].

Классик итальянской византистики Агостино Пертузи (1918–1979), автор критического издания трактата «О фемах» в переводе на итальянский язык, предположил, что первую его часть, посвященную азиатской части империи, Константин VII написал сам в 933–934 гг., а вторую — о фемах Европы — дописал историк Иосиф Генесий в 998 г., при императоре Василии II [3. С. 48].

Югославский византист Георгий Александрович Острогорский (1902–1976) не согласился с этим и отстаивал версию А.Н. Рамбо о том, что трактат — единое произведение, созданное отстраненным от фактической власти императором около 934 г. [2. Р. 39–43].

Греческий и французский византист Телемах Константин Лунгис (р. 1945) датировал время написания трактата 952 г., так как полагал, что упомянутое в нем временное овладение ромеями Сицилии относится именно к этому времени. Т.е. сочинение «О фемах» принадлежит не молодому, лишенному власти императору, а обладающему всею ее полнотой самодержцу [8. Р. 299–305].

Его коллега и землячка, первая в истории женщина — ректор Сорбонны, Элени Гликадзи-Арвелер (р. 1926) предложила еще более позднюю дату создания трактата — 956–959 гг., накануне смерти автора. Труд «О фемах» является, по ее мнению, наиболее поздним и незавершенным произведением Константина Багрянородного, а потому, содержит в себе множество противоречий [9]. После 1981 г. дискуссия по данному вопросу прекратилась и до сих пор не возобновлена.

Господствующей, как в российской, так и в зарубежной историографии остается точка зрения А.Н. Рамбо о том, что трактат «О фемах» написан молодым Константином в период его вынужденной праздности [10. С. 384–386]. Будучи отстранен от государственных дел, он имел, во-первых, очень много времени для самообразования и научных занятий, а во-вторых — неограниченный доступ к Императорской библиотеке, крупнейшему собранию книг (в т.ч. античных) того времени [11. Р. 53–80].

В качестве источника по этнической истории, этнонимике и топонимике народов, проживавших в древности на территории будущей Византии, трактат «О фемах» в историографии ранее не изучался. Однако исследования

об этническом самосознании самих ромеев и их отношении к соседним народам все же есть. В частности, об этом писал Геннадий Григорьевич Литаврин (1925–2009) [12. С. 198–217]. Этническую картину Анатолии накануне сельджукского завоевания описал в первой главе фундаментального труда, посвященного цивилизационной трансформации региона после утраты византийского контроля над ним американский византист Спирос Врионис (1928–2019) [13].

Вне контекста творчества Константина Багрянородного этническую историю античной Анатолии изучал целый ряд российских и зарубежных исследователей. Но обобщающих работ по этой теме пока не создано, ее исследования в мировой историографии фрагментарны и в единую систему пока не складываются. К числу значимых в рамках предмета нашего исследования можно отнести рассмотренные ниже работы.

В первую очередь это классический труд немецкого историка искусств Ханса Ротта (1876–1942), в котором изучены памятники античной культуры, в т.ч. надписи на местных языках четырех регионов Анатолии: Ликии, Писидии, Памфилии и Каппадокии [14]. В монографии британского исследователя греческого языка Леонарда Роберта Палмера (1906–1984) описано влияние анатолийских языков на развитие греческого — от эпохи бронзового века до римского времени и византийского периода [15]. Французская исследовательница Анка Дан в 2012 г. опубликовала получившую неоднозначную оценку в историографии статью о смысловом наполнении термина «левко-сирийцы» (белые сирийцы), обозначавшего в древности население, проживавшее в окрестностях Синопы [16]. Влияние древнего фригийского языка на греческий изучает творческий тандем — сербский и хорватский лингвист Орсат Лигорио (р. 1985) и нидерландский филолог российского происхождения Александр Маркович Лубоцкий (р. 1956) [17. С. 180–195].

В современной российской историографии ближе всего к предмету нашего исследования публикации молодых белгородских ученых. М.И. Дорохов изучил историю ассимиляции живших на юго-востоке Анатолии исавров в I–V вв. н.э. [18. С. 29–36]. А.Ю. Пашкова посвятила свое исследование этнической истории Писидии (примыкающего к Ликии региона на юге Малой Азии) [19. С. 15–26].

Таким образом, труд Константина Багрянородного «О фемах» как источник по этнической истории и древней топонимике Малоазийского региона оставался до сих пор не изученным.

Греки Анатолии

О регионах Анатолии (важнейших для империи в средневизантийский период) повествует первая часть трактата «О фемах», в принадлежности которой авторству Константина Багрянородного историки не сомневаются.

Причем только в этой части труда дается этническая характеристика каждой территории. Автор второй части (кто бы им ни был) сосредоточен на событийной истории описываемых регионов. Важность тех или иных земель в Анатолии император определяет по тому, проживали ли там известные исторические деятели (в основном античного периода), происходили ли в древности значимые события [4. С. 2–32].

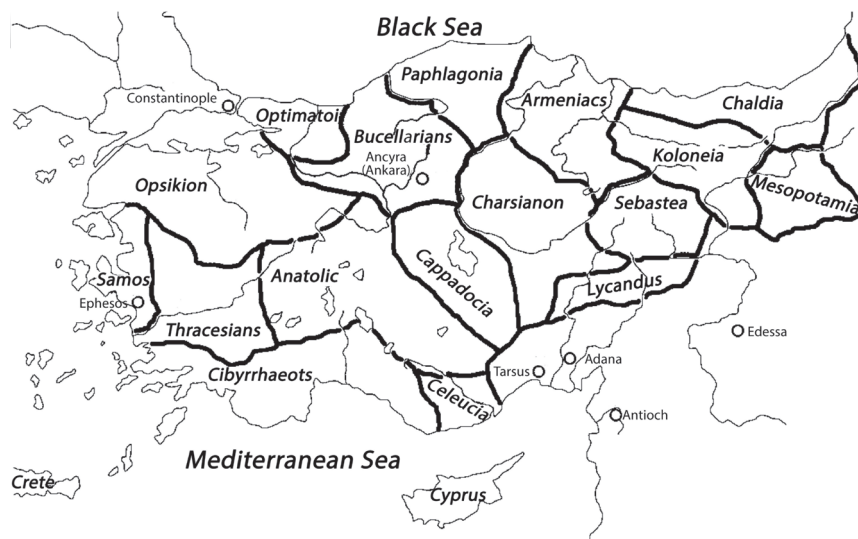
Смысл топонима «Анатолия» автор тоже разъясняет — в описании первой фемы с однокоренным названием — Анатолик, расположенной на юго-западе Анатолийского нагорья (рис.). Объяснение он дает следующее: «Анатолийскою эта фема называется не потому, что она лежит на самом краю востока, откуда восходит солнце, но потому, что относительно нас, жителей Византия и Европы, она может быть названа „анатолийскою“ (восточной). У жителей же Месопотамии, Сирии и Великой Азии, которую населяют инды, эфиопы и египтяне, она называется Средней Западной и Малой Азией» (De Thematribus. I.1.13.10–15)¹ [7. С. 21]. Ко времени царствования Константина VII Багрянородного анатолийские владения Византии были поделены на 17 больших фем.

Фемы византийской Анатолии в середине X в.

Источник: изображение создано В.В. Хапаевым на основе полихромной карты, являющейся общественным достоянием: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Byzantine_Empire_Themata-950-fr.svg#/media/File:Byzantine_Empire_Themata-950-ru.svg (дата обращения: 17.01.2026).

¹ Ссылки на греческий текст трактата «О фемах» приводятся по изданию: Animadversiones in Constantini Porphyrogeniti libros de thematribus // Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Vol. III. Bonnæ: Impensis Ed. Weberi, 1840. 594 p. Римская цифра обозначает часть трактата, первое число из арабских цифр — номер фемы (и соответственно главы), третье — номер страницы в издании, четвертое (четвертые) — номер строк на этой странице (нумерация строк в издании — постраничная).

Themes of Byzantine Anatolia in the mid-10th century

Source: image based by V.V. Khapaev on a public domain polychrome map: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Byzantine_Empire_Themata-950-fr.svg#/media/File:Byzantine_Empire_Themata-950-en.svg/2 (date of access: 17.01.2026).

Греки, как этнос, в главах о фемах Анатолии упоминаются крайне редко — всего лишь пять раз. Во всех случаях речь идет о древних эллинах и связанных с ними историях, что автор специально подчеркивает. В главе о 4-й феме Опсикий (см. рис.) Константин VII сообщает, что живущие там греки (Γραικοί) получили название «от реки Граника, на берегу которого происходила первая битва Александра Македонского с персидскими полководцами» (De Thematibus. I.4.25.10–14) [7. С. 30]. Идет ли в этом пассаже речь действительно о греках (эллинах) или конкретно о жителях долины реки Граник (совр. р. Коджабаш в пров. Чанаккале) без этнической привязки, не вполне понятно.

В главе о 7-й феме Пафлагония (см. рис.) автор сообщает о расселении здесь греков так: «Приморские города: Синоп, Амастра, Тий и так называемый Аминс — города греческие (Ἑλληνίδες) и населены греками (Ἑλλήνων)» (De Thematibus. I.7.29.13–19) [7. С. 33]. В этом отрывке этническая привязка кажется несомненной. Но далее автор запутывает читателя, так как пафлагонцев он считает выходцами из Египта (по контексту — эллинистического) и сообщает, что «Пафлагонийцы по происхождению египтяне, от Финея, первого поселившегося в Пафлагонии, у которого был сын Пафлагон; от него страна и получила название» (De Thematibus. I.7.30.1–4) [7. С. 33]. Т.е. по мнению Константина VII, жители Пафлагонии — потомки греков-эмигрантов из Египта.

Описывая 8-ю фему Халдия (см. рис.), автор указывает на ее исторические корни: «Фема, называемая Халдия и метрополия [ее] Трапезунт — греческие колонии (Ἑλλήνων ἀποικίαι), как говорит и Ксенофонт в своем „Анабазисе Кура“» (De Thematibus. I.8.30.9–11) [7. С. 34].

Как видим, для обозначения греков автор использует и древнегреческий этноним «эллины», и древнеримский «греки» (хотя смысл в этот термин вкладывает свой). Но фиксирует он и существование «ромейского наречия», т.е. современного автору среднегреческого языка. Объясняя название фемы Вукелларии, он апеллирует именно к последнему: «... *фема Вукеллариев получила название не от какого-нибудь места или народа, так называемого, а вследствие сопутствования войску и доставления ему провианта (ибо на ромейском наречии (Ῥωμαίων διάλεκτον) „вукелларий“ означает „страж хлеба“)*» (De Thematibus. I.6.28.2-3) [7. С. 32].

Общий тон повествования свидетельствует о том, что отождествлять себя с греческим народом ромейский правитель не хотел: «... *когда империя была сужена с востока и запада и урезана со времени царствования Ираклия Ливийского (Ираклия I (610–641) — Авт.²), то преемники его, не имея возможности где-либо проявлять свою деятельность, разделили на небольшие части свое государство... и огречились (Ἑλληνικόν), а родной римский язык (Ῥωμαϊκόν) изгнали из употребления*» (De Thematibus. I.Praefatio.12.17–19, 13.1–6) [7. С. 20]. Учитывая армянские этнические корни Македонской династии, к которой принадлежал автор трактата, подчеркнутое дистанцирование его от греческого этноса объяснимо.

Негреческие народы Анатолии

Описывая восточные владения Византии, Константин VII называет каждый из народов, живших в Анатолии в античности, потомки которых стали современными автору ромеями. Среди древних жителей фемы Анатолик он упоминает фригийцев, ликаонийцев, исавров, памфилийцев и писидийцев (De Thematibus I.1.14.20–21) [7. С. 22]. Каких-либо этнических характеристик этих народов автор не приводит. Его внимание сосредоточено на изменениях системы управления регионом: как было при персах, как при македонянах, а затем при римлянах в разные периоды (De Thematibus I.1.17.4–11) [7. С. 23].

Что нам известно об этих этносах из других источников?

Фригийцы сохраняли этническое своеобразие дольше соседних народов. Письменные памятники на фригийском языке датируются VIII в. до н.э. — III в. н.э. Однако не исключено, что в разговорной форме он просуществовал дольше — до V–VII вв. Из всех малоазийских языков именно фригийский имел наибольшее сходство с греческим. Уже во II–III вв. н.э. все надписи на фригийском выполнены греческим письмом [17. С. 180–181]. Хотя восстановить процесс ассимиляции фригийской культуры греческой сложно, к середине X в. культурно-лингвистические различия между двумя народами, несомненно, полностью исчезли.

² Здесь и далее примечания в скобках — авторов статьи.

В отличие от фригийцев, которые были лингвистически близки к эллинам, остальные народы восходили к общему народу-предку — лувийцам, говорившим на языке анатолийской ветви индоевропейской семьи [20. Р. 9–10].

Ликаонийцы, вероятно, испытали на себе меньше греческого влияния, чем фригийцы, поскольку область их расселения (горное плато вокруг современного города Конья, римского Клавдикониума) в античный период подвергалась меньшему влиянию греческой культуры. Греки проникали сюда позже, чем в прибрежные области Малой Азии, и в меньшем количестве. Потому и ассимиляция ликаонцев была не столь глубокой [15. Р. 20–25]. Но и их язык к X в. не сохранился.

В византийской истории, пожалуй, наибольший отпечаток оставили исавры, жившие на границе Анатолии и Сирии. В первой половине I тысячелетия н.э. этот народ играл значительную политическую роль в Восточной Римской империи. Исавры столь быстро и массово включились в систему имперских институтов, что это привело к их значительной ассимиляции, благодаря усвоению греческих и римских традиций. Боевые навыки исавров по достоинству оценили восточные императоры, и уже в V в. представители этого народа занимали видные места в кругах константинопольской элиты [18. С. 34–35]. Император Зенон (474–475, 471–491) был по происхождению исавром. Его первоначальное этническое имя — Трасикодисса [21. С. 27–28]. Соответственно, этническую ассимиляцию исавров можно считать в значительной степени добровольной.

Выделение памфилийцев в отдельную народность спорно, поскольку авторы эллинистического периода указывали на происхождение этого народа как результат смешения эллинов и киликийцев. С древнегреческого языка «*πάμφυλος*» буквально переводится как «*смешанных племен или рас*» [22. С. 1295].

Писидийцы. Мы мало знаем об их языке, который сохранился лишь в 50 надписях, выполненных греческим письмом. Все они датируются концом I тыс. до н. э. — началом I тыс. н.э. [23. Р. 31–42]. Античные авторы не были даже уверены в том, что писидийцы — отдельный народ. Например, Эфор (ок. 405–330 гг. до н.э.) считал, что они отличаются от памфилийцев лишь регионом проживания. Памфилийцы проживали у моря, а писидийцы — в глубине Анатолии [24. С. 662]. Регион их проживания, Писидия, в VI в., после разрушительного землетрясения, оказался сильно опустошен и впоследствии не играл значимой роли в истории империи.

Возможно, что отсутствие интереса Константина Багрянородного к перечисленным выше народам связано с тем, что они не фигурируют в древнем греческом эпосе, а также не сыграли заметной роли в распространении христианства. В отличие от каппадокийцев и пафлагонцев, которые от автора характеристики получили. Причем предельно уничижительные.

Описывая население 2-й фемы Армениак (см. рис.), находившейся на месте древнего Понтийского царства, он констатирует, что название фемы обманчиво: армяне живут не столько в этой феме, сколько граничат с ней. Основное же население это «левкосирийцы» (белые сирийцы). Но этот этноним не современен автору, а взят им у Геродота, о чем он сам и сообщает. Исторически же эта область называется Каппадокия (De Thematibus I.2.18.5) [7. С. 24], название которой использовано в названии фемы, расположенной южнее (см. рис.). Современным ему жителям Армениака автор характеристики не дает. А вот о древних (левкосирийцах?) сообщает следующее: *«Всеми утверждается злонравие каппадокийского народа, так что о нем сложилась поговорка: „Есть три самые дурные К: Каппадокия, Крит, Киликия“»* (De Thematibus II.1.21.10) [7. С. 26]. Критян традиционно упрекали в лени, злонравии и лживости [7. С. 26, прим. 75]; киликийцев — в разбойничьем нраве. Каппадокийцы же, по словам Константина VII, становились тем хуже, чем выше было их благосостояние. В доказательство он приводит эпиграмму, приписывавшуюся герою «Одиссеи» слепому аэду Демодоксу: *«Каппадокийцы всегда негодны; скопив кошель, / Еще худшие; от прибыли же самые негодные. / Если же дважды или трижды доберутся до большой колесницы, / То делаются худшими из худших»* (De Thematibus I.1.21.11–15) [7. С. 26].

Каппадокийцы столь злонравны, что их кровь, по мнению императора (и его источника, автора VI в. Иоанна Лида), способна отравить даже ядовитую гадину: *«Каппадокийца некогда укусила злая ехидна, и сама, вкусивши крови ядовитой, умерла»* (De Thematibus I.1.21.17–18) [7. С. 27]. За что каппадокийцы заслужили столь дурную славу, автор не объясняет. Для него это лишь полемический прием, чтобы далее возгласить, что среди столь отвратительных людей *«заблестели как яркие звезды... ревнители веры христианской»* Отцы Церкви, Великие Каппадокийцы — Иоанн Златоуст, Василий Великий, Иоанн Богослов, Григорий Нисский и др. [7. С. 27].

Не менее уничижительной характеристики удостоились пафлагонцы, жители одноименной фемы (см. рис.), находившейся к западу от Армениака и включавшей в свой состав древний город Синопа. Этот «древнейший народ», по словам автора, *«... достоин порицания и известен бесстыдством и испорченностью»* (De Thematibus I.7.29.5–6) [7. С. 33]. Чем же они заслужили дурную славу? Если в случае с каппадокийцами (они же левкосирийцы) император не потрудился это объяснить, то вину пафлагонцев он изложил. Оказывается, во время троянской войны они помогали осажденным, прислав подкрепление царю Приаму! А потому, даже порода мулов у них «испорченная» (De Thematibus I. 7.29.15–16) [7. С. 33].

Происхождение жителей фемы Фракий (см. рис.), располагавшейся в западной части Малой Азии, на территории исторической Лидии, Константин Багрянородный связывает с организованным переселением

в эту страну фракийцев из Мёзии по воле лидийского царя Алиатта (Ἀλιάττης) (617–560 гг. до н.э.). Царь был впечатлен трудолюбием фракийской переселенки, прошедшей у оборонительной стены лидийской столицы города Сарды, на которой восседал царь. Женщина несла на голове кувшин, полный воды, руками в движении пряла пряжу, а к поясу ее был привязан только что напоенный конь. По словам автора, лидийский правитель пожелал иметь побольше таких работающих подданных, отправил послов к царю Фракии Котису (384–359 гг. до н.э.) и выпросил у него *«переселенцев с женами и детьми, толпу довольно большую»* (De Thematibus I.3.23.14–16) [7. С. 27–28]. Эти-то фракийские переселенцы и дали название феме, жители которой, по словам Константина Багрянородного, *«крепки, трудолюбивы и искусны в ремеслах»* (De Thematibus I.3.23.17–18) [7. С. 27–28]. Это — едва ли не единственная позитивная характеристика, данная императором какой-либо части своего населения в трактате «О фемах».

Как видно из дат правления царей Алиатта и Котиса, время их жизни и деятельности разделяет два века, и взаимодействовать они не могли. Если легенда, рассказанная автором, не выдумана им самим, в народном мифе, видимо, соединились имена самых знаменитых царей Лидии и Фракии. А.П. Каждан предположил, что легенда родилась в VII в., когда в исторической Лидии были расселены воины из Фракии [25. С. 2080]. Вероятно, этим мифом они утверждали свои исконные права на заселяемые земли.

Но и о других (коренных) этносах, населяющих Фракисий, Константин VII упомянул: *«Вся Фракисийская фема разделена между следующими народами: лидянами, меонами, карийцами и ионийцами; ионийцами же называются живущие около Милета и Эфеса; жители же внутренней части — сардийцы (от г. Сарды — Авт.), лидяне, меоны, карийцы и жители Малой Фригии»* (De Thematibus I. 3.23.18–22) [7. С. 28]. Видел ли автор этнические различия между упомянутыми социумами или это лишь обозначение населения отдельных территорий, мы не знаем.

В расположенной на азиатском берегу Пропонтиды феме Опсикий (см. рис.) автор, помимо греков, названных так якобы по имени реки Граник (об этом см. выше), упоминает следующие народы: вифинцы, мизийцы и фригийцы. В отличие от «народцев», населявших Фракисий, территорию расселения каждого из них автор обозначает. Вифинцы живут к северу от горы Олимп Вифинский, мизийцы — к югу от него, а побережье Мраморного моря в районе г. Кизик населяют греки (те, которые названы по р. Граник) и фригийцы. На берегу Дарданелл живут дарданы, *«называемые также троянцами»* (De Thematibus I.4.26.1–2) [7. С. 29–30].

В граничащей с Опсикием с востока феме Оптиматы (см. рис.), по словам Константина Багрянородного, проживают *«вифиняне, тарсиаты, финийцы»* и часть фригийцев (De Thematibus I.5.27.4–5) [7. С. 31]. Кто такие тарсиаты

и финийцы, мы не знаем. Возможно, это — название территориальных общин, а не этносов или даже субэтносов.

К востоку от Оптиматов и Опсикия, в феме Вукеллариев (см. рис.) проживают, по словам автора, галаты. Он сообщает, что *«Галаты — выходцы из земли франков; совершилось же это переселение во дни Аттала Пергамского (Аттал I Сотер (241–230 гг. до н.э.) — Авт.) и Никомида сына Зипита (Никомед I (278–250 гг. до н.э.) — Авт.)»* (De Thematibus I.6.28.10–14) [7. С. 32].

Константин VII, как и в случае с переселением фракийцев в Лидию, путается. Известно, что Никомед I пригласил галлов на службу, чтобы использовать их в качестве воинов (Titus Livius. XXXVIII). А Аттал I спустя два десятилетия их разгромил и оттеснил на восток, вглубь Анатолии [26. Р. 30–33]. Это не единственная ошибка императора в рассказе о галатах. Он отождествляет их с древним анатолийским племенем мариандинов, некогда обитавших в районе г. Гераклея Понтийская: *«Называется живущий там народ по-гречески мариандинами, а прозывается галатами»* (De Thematibus I.6.28.6–7) [7. С. 32]. Таким образом, говоря о галатах, венценосный писатель, с одной стороны, делает три грубые ошибки: галаты — не франки, т.е. не германцы; они не тождественны мариандинам, так как являются пришельцами из Европы; и в Анатолию они вторглись не при Аттале Пергамском. Но, с другой стороны, Константин VII демонстрирует весьма широкую эрудицию и знакомство с большим количеством древних исторических трудов. Тем более что к его времени галаты как этнос, несомненно, уже не существовали: последние засвидетельствованные факты использования галатского языка относятся к IV–VI вв. [27].

Заключение

Первая часть трактата Константина Багрянородного «О фемах» является ценным, хотя и противоречивым, источником по этнической истории Анатолии, которому в этом качестве ранее не уделялось внимания в мировой историографии.

Автор трактата демонстрирует широчайшую эрудицию и знание большого количества письменных источников, с которыми он знакомился, вероятно, в собрании Императорской библиотеки в Константинополе.

Интерес автора сосредоточен в основном на этнической истории региона античного периода, а не современного ему. Это в целом характерно для византийской литературы эпохи Македонского Возрождения, одним из выдающихся представителей которой был сам Константин Багрянородный.

Отсутствие интереса к актуальной политической повестке свидетельствует в пользу традиционной датировки написания трактата 934 г., когда автор был отстранен от фактической власти и погружен в научную

и литературную деятельность. Большое количество фактических ошибок и нестыковок в тексте свидетельствует о том, что, обретя власть в 945 г., он к своему раннему трактату не возвращался и работу над ним не завершил.

Деление древних народов Анатолии на «важные» и «неважные» автор проводит на основании их роли в античной истории, наличия на территории их проживания важных исторических событий в древности, подвижников раннего христианства среди местных уроженцев.

Деление древних народов Анатолии на «хороших» и «плохих» также подчиняется характеристикам, данным им древними авторами. Заслуги населения этих территорий перед современной автору Византией во внимание не принимаются. Ярким примером этого служит уничижительная характеристика пафлагонцев, вина которых заключается в том, что в описанной Гомером Троянской войне они встали на сторону побежденных, а не победителей.

Архаизация этнической истории Анатолии Константином Багрянородным свидетельствует о поиске византийской элитой того времени исторической преемственности современного ей ромейского общества от народов древности, со всеми их достоинствами и недостатками. Это вынуждало авторов той поры глубоко изучать труды древних авторов, сохранять их наследие, искать, находить и заказывать копии древних трактатов, благодаря чему до наших дней дошел значительный массив античного литературного наследия.

Список литературы / References

1. Diehl Ch. *Osnovnye problemy vizantiiskoi istorii* [Les grands problèmes de l'histoire byzantine]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannoi literatury publ., 1947. (In Russ.).
Диль Ш. Основные проблемы византийской истории / пер. с фр. и предисл. Б.Т. Горянова ; под ред. С.Д. Сказкина. М. : Гос. изд-во иностр. лит., 1947.
2. Ostrogorsky G. Sur la date de la composition du Livre des Thèmes et sur l'époque de la constitution des premiers thèmes d'Asie Mineure: à propos de la nouvelle édition du De thematibus de A. Pertusi. *Byzantion*. 1953 [1954];(23):31–66.
3. *Costantino Porfirogenito de thematibus*. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana; 1952.
4. Ob oblastyakh rimskoi imperii, sochinenie Konstantina Bagryanorodnogo [On the Regions of the Roman Empire, a work by Constantine Porphyrogenitus]. In: *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh*. Moscow; 1858; (3). (In Russ.).
Об областях римской империи, сочинение Константина Багрянородного // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. № 3. М., 1858.
5. Animadversiones in Constantini Porphyrogeniti libros de thematibus. In: *Corpus scriptorum historiae Byzantinae*. Bonnac: Impensis Ed. Weberi, 1840; (III).
6. Rambaud AN. *L'Empire Grec au dixième siècle. Constantin Porphyrogénète*. Paris: Franck, 1870.

7. Konstantina Bagryanorodnogo «O femakh» (De thematibus) i «O narodakh» (De administrando imperio). [Constantine Porphyrogenitus “On themes” (De thematybus) and “On the peoples” (De administrato imperio)]. Moscow: Universitetskaya tipografiya; 1899. (In Russ.).
Константина Багрянородного «О фемах» (De thematibus) и «О народах» (De administrando imperio) / предисл. Г. Ласкина. М. : Унив. тип., 1899.
8. Lounghis TC. Sur la date du De Thematibus de Constantin Porphyrogénète. *Revue des Etudes Byzantines*. 1973;31:299–305.
9. Ahrweiler H. Sur la date du De Thematibus de Constantin VII Porphyrogénète. *Travaux et Mémoires*. 1981;8:1–5.
10. Moravcsik G. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker. *Byzantinoturcica*. Berlin; 1983;(I):384–386.
11. Wilson NG. The libraries of the Byzantine World. *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 1967;8(1):53–80.
12. Litavrin GG. Some features of ethnonyms in Byzantine sources. In: *Voprosy etnogeneza i etnicheskoi istorii slavyan i vostochnykh romantsev. Metodologiya i istoriografiya*. Moscow: Nauka publ.; 1976, p. 198–217. (In Russ.).
Литаврин Г.Г. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография / отв. ред. В.Д. Королюк. М. : Наука, 1976. С. 198–217.
13. Vryonis S. *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press*, 1971. (Калифорнийский университет в Беркли в 02.03.2026 внесен Минюстом РФ в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории России / On March 2, 2026, the Russian Ministry of Justice added the University of California at Berkeley to the list of foreign and international non-governmental organizations whose activities are considered undesirable in Russia).
14. Rott H. *Kleinasiatische Denkmäler aus Pisidien, Pamphylien, Kappodokien und Lykien*. Leipzig: Dieteriche Verrlagsbuchhandlung; 1908.
15. Palmer LR. *The Greek Language*. London: Faber and Faber; 1980.
16. Dan A. Les Leukosyriens quelques notes d’ethnographie sinopéenne. In: *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2011;16:73–102. <https://doi.org/10.1163/157005711X560327>
17. Ligorio O, Lyubotskii A. Frigiiskii yazyk [Phrygian language]. In: *Languages of the World: Relict Indo-European languages of Western and Central Asia*. Moscow: Academia; 2013. p. 180–195. (In Russ.).
Лигорио О., Любоцкий А. Фригийский язык // Языки Мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. М. : Academia, 2013. С. 180–195.
18. Dorokhov MI. On the issue of the temps of urbanization and integration of Isauria in the 1st–5th centuries. *Belgorod State University Scientific Bulletin History, Political Science*. 2019;46(1):29–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2075-4458-2019-46-1-29-36> EDN: UPUNTK
Дорохов М.И. К вопросу о темпах урбанизации и интеграции Исаврии в I–V вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 1. С. 29–36. <https://doi.org/10.18413/2075-4458-2019-46-1-29-36> EDN: UPUNTK
19. Pashkova AYU. On the history of regionalism in the south of Ancient Asia Minor: Pisidia. *Via in Rempore. History and Political Science*. 2024;51(1):15–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2024-51-1-15-26> EDN: HUBQVX
Пащикова А.Ю. К истории регионализма на юге античной Малой Азии: Писидия // Via in tempore. История. Политология. 2024. Т. 51. № 1. С. 15–26. <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2024-51-1-15-26> EDN: HUBQVX

20. Bauer A. *Morphosyntax of the Noun Phrase in Hieroglyphic Luwian*. Leiden: Brill NV; 2014.
21. Harrison RM. The Emperor Zeno's real name. *Byzantinische Zeitschrift*. 1981;74(1):27–28. <https://doi.org/10.1515/byzs.1981.74.1.27>
22. Liddell HG. *A Greek-English lexicon*. Λ — ωώδής. Oxford: Clarendon Press, 1940.
23. Simon Z. Selected Pisidian problems and the position of Pisidian within the Anatolian languages. *Journal of Language Relationship*. 2017;(15):31–42. <https://doi.org/10.31826/jlr-2017-151-207> EDN: YTOPKH
24. Hogarth DG. *Pamphylia*. In: *Encyclopædia Britannica*; (20). Cambridge: University Press; 1911.
25. Kazhdan AP, ed. *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Cambridge: Cambridge University Press; 1991.
26. Hansen EV. *The Attalids of Pergamon*. Ithaca and London: Cornell University Press; 1971.
27. Mikhailova TA. Galatian language. In: *Languages of the World: Relict Indo-European languages of Western and Central Asia*. Moscow: Academia; 2013. p. 196–198. (In Russ.). Михайлова Т.А. Галатский язык // Языки Мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. М. : Academia, 2013. С. 196–198.

Информация об авторах:

Хапаев Вадим Вадимович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры, Севастопольский государственный университет, Российская Федерация, 299053, Севастополь, ул. Университетская, д. 33, e-mail: khapaev007@mail.ru ORCID: 0009-0008-0535-9617. SPIN-код: 8142-9627.

Бараненко Павел Андреевич — аспирант 3 года обучения, кафедра всеобщей истории и мировой культуры, Севастопольский государственный университет, Российская Федерация, 299053, Севастополь, ул. Университетская, д. 33, e-mail: PavelNichey@yandex.ru ORCID: 0009-0006-3400-9451. SPIN-код: 8990-2286.

Information about authors:

Vadim V. Khapaev — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor in the Department of General History and World Culture, Sevastopol State University, 33 Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russian Federation, e-mail: khapaev007@mail.ru ORCID: 0009-0008-0535-9617. SPIN-code: 8142-9627.

Pavel A. Baranenko — Third-Year Postgraduate Student, Department of General History and World Culture, Sevastopol State University, 33 Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russian Federation, e-mail: PavelNichey@yandex.ru ORCID: 0009-0006-3400-9451. SPIN-code: 8990-2286.

ИСТОРИЯ ДОКОЛУМБОВОЙ АМЕРИКИ THE HISTORY OF PRE-COLUMBIAN AMERICA

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-3-387-410

EDN: OOOVLX

Научная статья / Research article

Рабство у древних майя: терминология, экономические функции и правовой статус

Д.Д. Беляев

Российский государственный гуманитарный университет, *Москва, Российская Федерация*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

✉ lakamha@mail.ru

Аннотация. Тема исследования связана с анализом данных о рабстве в социально-экономической системе общества древних майя. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного привлечения словарных и текстуальных данных, происходящих из постклассического и раннеколониального периодов, а также критического пересмотра данных иероглифических текстов. Цель исследования — выделить основные термины для обозначения рабов, выявить основные функции рабов и определить их социальный статус. Определено, что все исторические словари языков майя включают общую базовую терминологию (*mun* «раб», *winik* / *winak* «зависимый человек»), при этом дополнительные термины разнятся довольно сильно. Внутри широкой категории различались рожденные в неволе и купленные рабы, в особую группу отнесены военнопленные, для которых существовали особые обозначения. Ни в одном из проанализированных словарей нет слова для долгового или кабального раба, хотя источники свидетельствуют, что это был один из важных способов пополнения рабов. Рабы воспринимались как имущество своих хозяев. Рабыни в основном выполняли домашнюю работу, в то время как рабы использовались на различных тяжелых работах (расчистка и обработка полей, переноска тяжестей, рыболовство). Потомки рабов были исключены из наследования и воспринимались как люди низкого происхождения даже по прошествии нескольких поколений. В целом статус рабов был достаточно низким и существенно отличался от статуса свободных.

© Беляев Д.Д., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: древнемайяское рабство, социальная организация, эпиграфика, раннеколонизальные источники

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18.02.2026; принята к публикации 27.04.2026.

Для цитирования: *Беляев Д.Д.* Рабство у древних майя: терминология, экономические функции и правовой статус // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 3. С. 387–410. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-387-410> EDN: OOOVLX

Slavery among the Ancient Maya: terminology, economic functions and legal status

Dmitri Beliaev

Russian State University for the Humanities, *Moscow, Russian Federation*

National Research University Higher School of Economics, *Moscow, Russian Federation*

✉ lakamha@mail.ru

Abstract. This research focuses on the analysis of the place of the slavery in the social and economic system of the Ancient Maya society. The relevance of the study is defined by the necessity of comprehensive re-analysis of the lexical and textual data from the Postclassic and Early Colonial sources, as well as a critical review of the data from the hieroglyphic texts. The main objective is to identify key terms for slaves, identify their primary functions, and determine their social status. The study revealed that all historical vocabularies of the Mayan languages share a common core terminology (*mun*, “slave”, *winik* / *winak* “dependent person”), although additional terms vary considerably. Within this broad category, a distinction was made between slaves born in captivity and purchased ones, with prisoners of war forming a separate group designated by special lexemes. None of the analyzed vocabularies contain a word for debt bondage, although sources indicate that this was an important way of recruiting slaves. Slaves were perceived as the property of their masters. Female slaves primarily performed domestic work, while male slaves were used for various heavy labor tasks (clearing and cultivating fields, carrying heavy loads, fishing). The descendants of slaves were excluded from inheritance and were perceived as people of low birth even after several generations. Overall, the status of slaves was quite low and differed significantly from that of free people.

Keywords: Ancient Maya slavery, social organization, epigraphy, Early Colonial sources

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 18.02.2026; accepted 27.04.2026.

For citation: Beliaev D. Slavery among the Ancient Maya: terminology, economic functions and legal status. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(3):387–410. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-387-410> EDN: OOOVLX

Введение

Вопрос места и роли рабства в социальной и экономической организации ранних цивилизаций традиционно был одним из важнейших в российской исторической науке. Начиная с 1930-х гг., когда В.В. Струве¹ выдвинул теорию о рабовладельческом характере древневосточных обществ, концепция рабовладения стала одним из ключевых элементов советской науки о древности. С обращением советской науки к доколумбовым цивилизациям Америки этот вопрос встал и перед исследователями-индеанистами.

Проблема рабства у майя в историографии

В российской историографии первым к проблеме рабства у майя на основе анализа источников обратился Ю.В. Кнорозов. Поскольку в его концепции важную роль играло обоснование типологической близости майя и древневосточных обществ (древнейший Шумер и Египет) [1], вопрос о рабстве стал одним из основных при оценке социального строя обществ доколумбовой Америки. Кнорозов полагал, что рабовладение у майя было довольно развитым, но наряду с ним сохранялась община, расслаивавшаяся на рабов и рабовладельцев. Элиту майяских городов-государств он определял как «военно-рабовладельческая знать», а основными группами незнатного населения считал общинников и рабов [1. С. 37–38]. Специальный анализ древнемайяского рабства основывался на сведениях Диего де Ланды и «Сообщениях из Юкатана». По мнению Кнорозова, хотя сведения о рабовладении скудны, количество рабов было очень велико. Главным источником рабства он считал захват военнопленных и, ссылаясь на «Сообщение из Хокаба», отмечал, что «[в] ойны часто велись только для того, чтобы добыть рабов» [1. С. 39]. Вторым источником рабства были наказания за преступления (кража, убийство). Существовала развитая работоторговля, рабы использовались практически на всех работах (земледелие, строительство, транспортировка грузов [1. С. 39–40]. «Можно предполагать, — отмечал ученый, — что рабовладение утратило патриархальный характер уже в первые века нашей эры, когда возникали города-государства» [1. С. 40–41]. Основные постулаты Кнорозова воспроизводились в последующих обобщающих трудах советской эпохи.

Р.В. Кинжалов дополнил собранные Кнорозовым материалы данными по горной Гватемале. Он полагал, что у майя рабство получило большее развитие, чем в других мезоамериканских обществах, но в то же время, хотя в некоторых регионах рабов было значительное количество, их было меньше, чем рядовых общинников [2. С. 111, 128–129].

¹ Струве В.В. Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М. : Соцэкгиз, 1934. Вып. 77.

Наиболее детально вопрос о рабстве в обществе майя накануне испанского завоевания с привлечением материалов с Юкатана, земель чонталей и горной Гватемалы разобрал В.И. Гуляев [3. С. 226–230]. Хотя его основные выводы (основным источником рабства была война, а дополнительными — наказание за преступления и неуплату долгов; существовала широкая работорговля) не отличаются от кнорозовских, он первым из российских исследователей обратил внимание на то, что за термином «раб» в раннеколониальных индейских и испанских источниках могли скрываться и другие группы зависимого населения, которые можно обозначить как «зависимые работники рабского типа» по И.М. Дьяконову [3. С. 228]. В другом месте В.И. Гуляев называет их «женатые рабы» [3. С. 227]. Исходя из отнесения общества майя к категории раннеклассовых, он полагал, что число рабов было невелико, а основную массу населения составляли свободные. Для подтверждения этой идеи Гуляев опирается на проанализированные в 1960-е гг. П. Карраско данные из Центральной Мексики (город Тепостлан), где рабы в узком смысле (tlacohtin) составляли 1,45 % населения.

После того, как вопрос о рабовладении утратил свою теоретико-методологическую актуальность, его обсуждение в российской историографии практически прекратилось, хотя авторы отмечают, что рабы и рабовладение часто упоминаются в источниках [4. С. 147–149; 5]. В.В. Федюшин считает, что роль рабства и рабского труда в производстве была достаточно высокой [6. С. 47–48].

В западной историографии вопрос о рабстве никогда не играл особенно важной роли для определения характера общественного строя доколумбовых обществ. На ранних этапах развития мезоамериканистики (вторая половина XIX — первая половина XX в.) основной упор делался на искусство, архитектуру, календарь и религию, а вопросы социальной организации занимали исследователей мало. Поэтому рабство упоминалось вскользь, когда о нем сообщали источники. Зачастую считалось, что основной функцией рабов было стать жертвами для богов (см., например, для майя [7. Р. 61–62, 76, 87], науа [8. С. 35]). В случае с майя распространено мнение о позднем, только в XIII в., появлении рабства, основанное на сообщении Диего де Ланды, что первым стал обращать в рабство правитель Майяпана Коком [9. С. 316; 10. С. 35–36]. В то же время авторы отмечают довольно активную работорговлю [7. С. 76; 11. Р. 72; 12. Р. 202]. А. Тоззер в развернутом историко-этнографическом комментарии к «Сообщению о делах в Юкатане» Диего де Ланды отметил, что рабство было обычным в доколумбовы времена и привел множество параллельных свидетельств, однако не попытался дать даже общую характеристику рабства [10].

Первые работы, посвященные социальному строю майя, появляются в 1940-е гг. [13]. Основные выводы Р. Ройса относительно рабства у юкатанским майя накануне Конкисты практически совпадают с кнорозовскими:

было много рабов, принадлежавших знати или общинной верхушке, основной источник рабства — война, а также наказания за правонарушения. При этом автор подчеркивает, что раба могли выкупить его родственники. Рабов использовали для тяжелых работ, включая земледелие, рыболовство и переноску тяжестей, а также для домашней работы. Ройс обращает внимание на коротко остриженные волосы как знак рабского статуса [13. Р. 34–35].

С. Морли в обобщающем труде «Древние майя», в котором были изложены основные постулаты «теократической концепции», выделял рабов в качестве одного из классового общества майя, наряду со знатью, жречеством и простонародьем. Он первым предположил, что, вопреки распространенной точке зрения, опирающейся на известное сообщение де Ланды, рабство существовало уже в классический период, о чем свидетельствуют изображения фигур пленников на монументах майя, хотя отмечал, что они могли аллегорически представлять все свое сообщество целиком. Для эпохи «Нового царства» (постклассический период) Морли выделял пять возможных источников рабства: 1) родиться рабом; 2) в наказание за воровство; 3) попасть в плен; 4) быть сиротой; 5) быть купленным [14. С. 175].

Э. Томпсон в своих работах 1950-х гг. в основном упоминает рабов в ритуальном контексте (заупокойные жертвы, человеческие жертвоприношения), ничего не говоря об их социальном статусе или экономической роли [15. Р. 128, 129, 132].

Всего несколько предложений в тексте своей книги уделил проблеме рабства М. Ко, считавший, что рабы были в основном общинниками, захваченными в плен. При этом, несмотря на наследственность рабства, человек мог быть выкуплен родственниками [16. С. 146]. В обзорной монографии британского археолога Н. Хэммонда «Цивилизация древних майя» рабы вообще не упоминаются [17. Р. 196–197].

С. Хаустон и Т. Иномата полагают, что рабы были важным компонентом общества майя, но их численность неизвестна. Исследователи отмечают, что источники слабо различают рабов и более широкую категорию домашних слуг, но всегда можно разделить рабов и пленников для жертвоприношений [18. Р. 46–47].

В мексиканской историографии уделялось больше внимания проблеме рабства. При этом если про рабство у науа писали еще в первой половине XX в., в т.ч. и специально [19], то отдельных работ, посвященных рабству у майя, не было. Усиление внимания к этой проблематике во второй половине XX в. вызвано распространением идей К.А. Витфогеля и влиянием марксизма [20; 21].

А. Вилья Рохас выделял рабов (*ppentacob*) в качестве одного из трех социальных классов общества майя Юкатана наряду с знатью и «плебеями». Основными источниками рабства он считал войну и наказания за преступления. Обращение с рабами было крайне суровым, их воспринимали почти

как животных. Хозяйственные функции рабов мексиканский этнолог считал крайне важными: именно они обрабатывали земли знати и общинной верхушки. Исследователь также обратил внимание на сведения «Хроники из Калькини» о стоимости рабов [22. Р. 38–39].

Р. Пинья Чан, не фокусируясь специально на рабовладении, в своих работах постоянно упоминал рабов в качестве важного элемента мезоамериканской социальной структуры постклассической эпохи, входивших в «низшие сословия» наряду с ремесленниками, торговцами, слугами и простым народом [23. Р. 87, 115, 158]. Применительно к классическому периоду он отмечал, что существование рабов, в которых обращали пленников, вероятно, хотя и не доказано [24. Р. 186–187].

Значительное внимание уделял теме рабства А. Рус, бывший, пожалуй, одним из наиболее значимых теоретиков в мексиканской мезоамериканистике 1960–1970-х гг. В 1950-е — начале 1960-х гг. его взгляды на социальное устройство майя не представляли особой новизны, а раздел о рабстве в книге «Цивилизация древних майя», представляющей собой текст курса лекций, читавшихся в университетах Кубы в 1954–1955 гг., практически не отличался от того, что говорилось у Морли [25. Р. 58, 61]. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. Рус знакомится с работами французских неомарксистов и воспринимает их идеи об азиатском способе производства [21]. В обновленной версии «Цивилизации древних майя» он предполагает, что у майя не было частного рабства, а сложилась свойственная азиатскому способу производства схема «поголовного рабства» — всеобщей зависимости основных производителей от государства [26. Р. 76, 78]. Наиболее ярко взгляды А. Руса на специфику майяского рабства с упором на принципиальное отличие от модели рабовладельческого общества выражены в лекции, прочитанной в Университете Сан-Карлос (Гватемала) в 1974 г.: «Нельзя говорить о системе рабства в индивидуальном смысле. Индивиды не были рабами, а существовало то, что Маркс называл „поголовным рабством“, то есть деревни, сельские общины в общем были порабощены государством. Не существовало рабовладельцев или системы, в которой рабы обеспечивали основу трудовой силы. Не индивиды как таковые были рабами (хотя их и было некоторое ограниченное количество), а деревни, сельские общины были порабощены теократическим государством» [27. С. 280].

Однако к концу 1970-х гг. радикализм в трактовках смягчается. В статье, посвященной трибутарному способу производства у древних майя [28], Рус вообще не затрагивает тему рабства, а в опубликованной посмертно его обобщающей книге «Народ майя: вчера и сегодня» [29], где много говорится о характере общества майя как принадлежащего к азиатскому (трибутарному) способу производства, вновь характеризует рабов как социальный класс: «Другим классом, стоящим на еще более низком уровне и также несшим бремя производства (хотя, вероятно, в меньшей степени), был класс

рабов — пентакооб. Хронисты уточняют, что в рабство обращали за совершение уголовных преступлений, за долги; рабами становились попавшие в плен во время войн; рабами были и дети рабов. Раб не пользовался никакими правами; он был обязан работать в частных хозяйствах (знати или богачей). Раб участвовал в производстве, но того, что он получал, хватало лишь для скудного существования, кроме того, он всегда был в положении потенциальной жертвы при человеческих жертвоприношениях» [30. С. 116–117].

Ученица Руса А.Л. Искьердо попыталась охарактеризовать правовой статус рабов в мезоамериканских обществах накануне Конкисты, опираясь на раннеколониальные источники [32]. Хотя основной упор был сделан на центрально-мексиканских данных, использовались и данные по майя. Исследовательница предположила, что основным термином для обозначения рабов было не *p'entac* (*ppentac*), а *winkil* [33. С. 367].

Подъем интереса к проблеме рабства в 2020-е гг. начинается в контексте нового роста внимания к вопросам неравенства, зависимости и ассиметричных социальных отношений. Американская исследовательница К. Гальперин приходит к выводу, что рабы и рабыни (непосредственный объект ее исследований) не могут быть опознаны по археологическим данным. Источники классического периода позволяют лишь определить знатных пленников, которые были предназначены для жертвоприношений [33].

Рабство по данным раннеколониальных словарей языков майя

В историографии традиционно использовались словарные данные из двух основных регионов культуры майя — Северного Юкатана и горной Гватемалы. С одной стороны, это было два основных региона миссионерской деятельности в XVI–XVII вв., и здесь было создано большое число словарей и грамматик языков майя. Наши исследования торговли майя [34] показали, что материалы менее известных языков майя колониального периода из горного Чьяпаса (цельталь, цоциль) также могут быть крайне информативными. В то же время следует принимать во внимание, что перевод доиспанских социальных терминов не всегда отличался точностью. Для них использовались разные испанские слова — *esclavo* / *siervo* и образованные от них *esclavitud* / *esclavonia* / *servidumbre*, а иногда *cautivo* («пленник»).

«Словарь из Мотуля», составленный Антонио де Сьюдад Реалем около 1590 г., — один из самых полных словарных источников по староякатекскому языку [35]. Он содержит около десятка лексем, связанных с рабством. Судя по ним, на Северном Юкатане важным критерием считался пол раба. Так, *munach* обозначал рабыню («пленница, рабыня или невольница (*sierva*); дочь рабов, которые были куплены или проданы» [35. С. 535], а абстрактное существительное *munachil* означало «рабство» [35. С. 535]. Однокоренное существительное *ah munil* также обозначало рабыню [35. С. 535] (при том,

что *ah-* — это мужской префикс); оно было образовано от абстрактного существительного *munil* — «рабство рабыни, плен, рабство» [38. С. 535]. Раб мужского пола назывался *p'entak* (<*ppentac*>) — «купленный или проданный раб», «пленник или невольник» (<*siervo*>) [35. С. 663]. От этого термина образованы абстрактное существительное *p'entakil* (<*ppentacil*>) — «рабство (*servidumbre*)» [35. С. 663] и глагол *p'entaktah* (<*ppentactah*>) — «пленять, делать рабом или держать в рабстве, или владеть другим [человеком]» [35. С. 663], *ah pentaknal* (<*ah ppentacnal*>) — «хозяин или господин рабов» [35. С. 42].

В опубликованной транскрипции Венского «Словаря языка майя» есть только глосса <*ppen tac*> — «купленные или проданный раб» [36. С. 327], однако в факсимиле текста в том же издании присутствуют <*mun ach*>, <*ah munil*>, <*munach uincil*> — «женщина-рабыня» [36. Fol. 96v]. А в одном из лексических примеров к глоссе «свободный» приводится фраза <*ma ppen tac* [1.] *ma yal mun ach*> — «свободный, не раб, рожденный свободным» [39. С. 443], которую буквально следует переводить как «не раб, не сын рабыни». Таким образом, уже в этом словаре, датируемом второй половиной XVI в. и служившем, по мнению Р. Акуньи, одним из источников «Словаря из Мотуля», прослеживается различие между рабом и рабыней. Такое же различие встречается в «Словаре из Тикуля» (около 1690): *munach* «рабыня» [37. С. 121], *p'entak* (<*pentac*>) «раб» [37. С. 157] и в «Словаре Сан-Франсиско» (XVII в.): *munach* (также <*ah munil uincil*>) «невольница, рабыня» [38. С. 179], *p'entak* (<*ppentac*>) «раб» [38. С. 179]. Аналогично рабов и рабынь различают некоторые нарративные источники. В «Хронике из Калькини» (подробнее о ней см. ниже) подаренная испанцам рабыня Иш-Чан-Вициль называется *munach*, а раб На-Хав-Цель — *p'entak* [39. С. 44].

Существует ряд других терминов, в некоторых случаях переводимых как «раб», однако анализ их семантики показывает, что изначально они обозначали несколько иные категории.

Лексема *winkil* / *winikil* (<*uincil*>, <*uincil*>) переводится как «рабыня, невольница» в «Словаре из Мотуля» [35. С. 760] и «Словаре Сан-Франсиско» [40. С. 170], однако в Венском «Словаре языка майя» встречается лишь в составе композита *munach winkil* [36. Fol. 96v]. Без сомнения, эта лексема образована от общемайяского *winik* — «человек» и не может считаться общим термином, как полагает А.Л. Искьердо, опираясь на трактовку Р. Арсаполо («они не могли выполнять социальные и духовные обязательства, которые предъявлялись в людям или *winic*») [31. С. 367]). В «Хронике из Калькини» *winik* используется не как синоним к *p'entak*, а как параллельный термин:

1) <*he Ah Kin Canul lae u p'entac yah cuchob yetel u uinic he tu yabhal cuchì*> — «этот Ах-К'ин-Кануль, его рабы — его носильщики вместе с его людьми, которых раньше было много» [39. С. 57]; 2) <*hotul u p'entac — u yumob hotulix u uinic xan tu tan cabal Ah Kul Canche*> — «пятеро было рабов его

отцов и также пятеро было его людей во дворе Ах-К'уль-Канче» [39. С. 58]. Судя по этим примерам, *winik* было общим термином для зависимых людей, не входящих в число рабов.

Еще один термин — *paalil* (абсолютная форма *paalbil*). Перевод «невольник» (*siervo*) встречается в «Словаре из Мотуля» [35. С. 624], в одном из лексических примеров в Венском «Словаре языка майя» (<*paaliltah*> — «пользоваться кем-либо, иметь кого-либо невольником или слугой» [36. С. 593]) и в «Словаре из Тикуля» (<*paalbil*> [37. С. 141]). Однако во всех словарях основным является значение «паж, слуга, мальчик-прислужник», и ясно, что *paalil* образовано от *paal* — «ребенок, маленький мальчик или девочка» [35. С. 624; 36. Р. 474].

Совсем редкий термин *ch'okteil* (<*chocteil*>) — «плен, рабство» [38. С. 265], встречающийся также в «Словаре Сан-Франсиско» [38. С. 88], является абстрактным существительным, образованным от незафиксированной лексики **ch'okte*. Нет сомнений, что это заимствование из чоланских языков, где *ch'ok* означает «юноша, молодой»: пр.-члн. **ch'ok* — «юный, ребенок» [40. С. 119], члт. <*choc*> — «мальчик, девочка» [41. С. 47]; чрт. *chok* — «молодой, мягкий» [42. С. 125]; чл. *ch'oc alal* — «младенец» [43. Р. 54.]; чнт. *ch'oc* — «ново-рожденный, младенец, дитя», «сын, дочь» [44. С. 104].

Несмотря на то, что многие словари считают слова «раб, невольник» и «пленник» синонимами, мы видим, что в староюкатекском существовала специальная терминология для военнопленных, образованная от глагола *bakzah* «плени́ть». В «Словаре из Мотуля» мы встречаем глагол *bakzahtah* «плени́ть или брать в плен на войне, или лишать имущества, пленник или сдавшийся в плен» и абстрактное существительное *bakzahil* — «плен» [35. С. 64]. Венский «Словарь языка майя» также относит пленников в отдельную категорию: <*bacçah*> — «пленник на войне» [36. С. 177].

Таким образом, словарные материалы дают нам следующую картину для общества юкатанских майя накануне Конкисты. Основными терминами для обозначения рабов были *p'entak* («раб») и *munach* («рабыня»), ряд словарей уточняет, что это были купленные или рожденные в доме рабы. Специального термина для долгового раба не существовало. Военнопленные обозначались специальным термином *bakzah*. Термин *paalil*, вероятно, обозначал детей, отданных для прислуживания в доме.

Т. Кауфман и У. Норман уверенно реконструируют для проточоланского **tun* («раб») [40. С. 126], однако материалов по чоланским языкам гораздо меньше, чем по юкатекским. Восточно-чоланская подгруппа представлена майя-чольти, который известен по словарю с грамматикой и списку вопросов для исповеди и текстам некоторых молитв, сохранившихся в «Рукописи Морана» (1695), которая традиционно приписывается падре Франсиско Морану, но была создана при участии нескольких испанских миссионеров [45. Р. 13–21].

Хотя социальный лексикон словаря Морана довольно ограниченный, он включает два слова для раба — <*mun*> и уже упомянутое выше <*pentac*> [41. С. 32]. Абстрактное существительное <*munil*> «рабство» образовано стандартно, а во втором случае наблюдается метатеза: *p'etankil* (<*petanquil*>) вместо ожидаемого *p'entakil* [41. Р. 32, 60]. Различия между рабами мужского пола и рабынями в имеющихся материалах не прослеживается.

Западно-чоланская подгруппа представлена акаланским чонталь, носители которого жили на побережье залива Кампече (современные штаты Кампече и Табаско, Мексика). Он известен по тексту исторического содержания, созданному в 1610–1612 гг. по заказу энкомендеро Франсиско Мальдонадо и входящему в состав судебного сборника известного как «Документы Пашболон-Мальдонадо» [46; 47]. В чонтальском тексте рабы прямо не упомянуты, однако в параллельном испанском тексте есть фрагменты, на которые в свое время обратили внимание Ф. Шольс и Р. Ройс. Листы 71r-71v рукописи содержат список из 76 поселений, находившихся под властью чонтальских правителей. Соответствующий список на испанском содержит схолии. Схолия к поселению Тачакам сообщает: «которое сейчас зовется Чунаб и населено *meua uinicob*» [46. С. 369]. Ниже в тексте повествуется об экспедиции Пабло Пашболона за беглыми индейцами в 1568 г.: «И они вновь бежали в 1568 году, и он вновь нашел всех их вместе с теми, кто бежал до крещения, живущими в поселении Чакам. А причина, по которой бежали те старики, была в том, что их могли продать и притесняли их хозяева, ибо они были рабами (*esclavos*) царя и других вельмож» [46. С. 377]. Сравнив два этих пассажа, Шольс и Ройс пришли к выводу, что <*meua uinicob*> обозначало рабов [46. С. 56]. С этим выводом сложно согласиться, поскольку перед нами несомненный юкатекизм, образованный от существительного *meuah* — «работа», которое, в свою очередь, является сокращением от *menyah* — «работать и делать работу руками», «работа и труды» [35. С. 520]. Как отмечает Р. Акунья, подобное сокращение особенно характерно для Венского «Словаря языка майя» [36. Р. 267, nota 212]. Таким образом, <*meua uinicob*> следует переводить как «работники», однако, как было показано выше, в староякатекском этот термин никогда не использовался для обозначения рабов. Возможно, что речь идет о лично свободных безземельных зависимых работников наподобие астекских майеков или кичеанских нимак-ачи [48; 49].

Достаточно разнообразна терминология, связанная с рабством и прочими формами зависимости, в колониальных словарях языков майя горного Чьяпаса (цельталь и цоциль).

Общий термин, приведенный в словаре цельталь Доминго де Ары, это *munat*, который переведен на испанский как *siervo* [50. С. 339]. Внутри этой категории различались рабы-мужчины (<*xichoc munat*>, от <*xichoc*> — «мужчина» [50. С. 245]) и рабыни (<*antzil munat*> от <*antz*> — «женщина» [50. С. 245]). Помимо этого, был еще термин <*yogholna*>, также переведенный как

«невольник» (*siervo*) [50. С. 311]. Неопубликованный испанско-цельтальский словарь для глоссы «раб» (*siervo*) помимо <*munat*> дает варианты <*vinac*>, <*tzac*> и <*yogholna*> [51. Fol. 180r]. Далее уточняется, что <*yogholna*> это «раб, рожденный в доме», так же, как и новый термин <*yal qmunat*> [51. Fol. 180r]. Что касается <*tzac*>, то он происходит от глагола «хватать» и обозначает рабов-военнопленных. В свою очередь глосса <*vinac*> скорее всего относится к зависимым людям вообще. Э. Калнек также приводит глоссу <*ghanah*> (*siervo*) [52. С. 34], но ее источник неясен.

Цоцильская терминология в основе своей схожа с цельтальской. Помимо общего термина *munat*, который Р. Лафлин транскрибирует как *mu'nat* [53. С. 261], выделяются также рабыни (<*antzil munat*> [53. С. 136]), «купленный раб» (<*manbil munat*> с явно ошибочным переводом «купленный пленник» [53. С. 255]), рабы-пленники (*siervo tomado*) <*ghtzoc*> [57. С. 1085] или <*tzoquil*> [53. С. 820]. В транскрипции и в аналитическом словаре пропущена присутствующая в факсимиле глосса <*ghpocototol*> («раб, рожденный в доме»; букв. «старый домашний» [53. С. 1085]). Примечательно, что этот термин для наследственного раба отличается от цельтальского. Э. Калнек приводит для этой категории рабов еще один термин *bocal* [52. С. 35], однако это ошибка, а в действительности речь идет о недавно обращенном в рабство (в орфографии XVI в. *boçal*, а в современной *bozal*). Соответствующую глоссу <*achulel munat*> Лафлин анализирует как 'ach' *hulel mu'nat* («свежеприбывший раб») [53. С. 130]. Как и в цельталь, слово <*ghvinic*> [53. С. 1085], очевидно, обозначало не рабов в узком смысле, а все категории зависимых людей.

Таким образом, в обществах горного Чьяпаса накануне Конкисты мы видим крайне широкую гамму терминов для различных категорий рабов: купленные, военнопленные, выросшие в неволе и недавно поработанные. В обоих языках существовало также абстрактное существительное <*munatil*> — «рабство» [50. С. 339; 53. Р. 261]. Все это коррелирует с крайне высоким уровнем развития торговли и торговых отношений в регионе [34]. Интересно, что в цоциль рабам явно приписываются негативные характеристики: <*munatil*> это еще и «обжорство», а <*munatil vinic*> — «обжора» [53. С. 261].

Очень обильные данные о различных формах рабства происходят из обществ горной Гватемалы. В основном это киче и какчикели, но имеются также материалы по покомам, цутухильям и мамам.

Наиболее частым обозначением раба является *mun*. Эта лексема и производное от нее абстрактное существительное *munil* («рабство») встречаются в киче [54. С. 451; 55. Р. 252], какчикель [56. Р. 206, 522; 57. Folio 130r], поком [58. С. 300; 59. Р. 118], цутухиль [60. С. 80], а также включена в сводный словарь кекчи [61. С. 230]. В словаре какчикель фрая Томаса де Кото отмечается, что *munil* это «плен или рабство как оное негров» [56. С. 94]. Согласно «Сокровищу языков какчикель, киче и цутухиль» фрая Франсиско Хименеса,

составленному в начале XVIII в., *tun* и *tunil* являлись общими для всех трех языков [62. С. 399]. В словаре поком уточняется, что *tun* обозначает рабов без различия пола, купленных или взятых в плен на войне [59. С. 118]. В словаре мам (1644 г.) нет слова «раб», но есть однокоренные слова *tunilbib* и *tuniltizibib* («служба») и глагол *tunilan* («служить») [63. С. 131].

В особую категорию выделялись рабы, рожденные в неволе. В киче и какчикель они назывались *alabitz* [55. С. 188; 56. Р. 206, 522; 62. Р. 69], образованным от *alab* / *ala* («ребенок») [55. С. 75; 54. Р. 337; 56. Р. 359]. В сводном словаре кекчи *alab* / *alabil* переводится как «юноша, серв, раб» [61. С. 34]. При этом в поком ситуация ровно обратная: родственная лексема *alah* («свободный, не раб, не подвластный») [59. С. 4] обозначала свободных. Исходя из этого, термин *alabitz* следует считать кичеанским новообразованием.

В третью категорию выделяются военнопленные. В киче и какчикель они назывались *kanab* / *kana* (киче <*canab*> [54. С. 361; 62. Р. 156]; какч. <*cana*> [62. С. 156]), что буквально означает «добыча» по аналогии с охотничьей добычей [64. С. 151]. В поком мы встречаем когнат *kinab* (<*quinab*> — «военнопленный... и говорится о животном, плененном или пойманном в ловушку...») [59. С. 170]).

Другим термины для военнопленных были *teleche* в киче и какчикель [65. С. 235; 62. Р. 527] и *telemche* в поком [58. С. 300; 59. Р. 191]. Этот термин был образован от глагольного корня *tele* / *teleh* «носить на плечах» [54. С. 496]. По мнению Р. Кармака, у киче так назывались рабы, которых доставляли в столицу Утатлан из других регионов [64. С. 151].

Во всех языках, задокументированных в колониальную эпоху, встречается также пренебрежительная кличка *tz'i* (букв. «собака»), применявшаяся к рабам: киче <*tzij*> — «раб» [54. С. 511], какчикель <*q.ij*>, <*q.ijl*> — «рабство» [56. С. 206], <*tziil*> — «рабство» [62. С. 564]. В словаре де Кото указывается, что «в древности „собака“ означало раба, взятого на войну» [56. С. 206]. Согласно словарю поком, опубликованному Л. Фельдманом, *tz'i* не было отдельной лексемой, а добавлялось к *tun* («вместе с *tun* означает раб: *tun tzi quinab*» [59. С. 203], однако в словаре, опубликованном Р. Акуньей, встречается и <*tzi*> как «раб» и абстрактное существительное <*tziil*> — «рабство» [58. С. 300].

Аналогично другим группам языков майя, в кичеанских и поком для обозначения рабов используется термин *winaqitz*, этимологически связанный с *winaq* («человек»). В словаре какчикель Томаса де Кото <*vinakitz*> дается как синоним к <*alabitz*> и указывается, что это рожденный в доме раб (посессивная форма <*nu winak*>) [56. С. 366]. Франсиско Хименес переводит <*vinaquit*> как «раб или слуга (*criado*)» [62. С. 592]. В словарях поком аналогичная лексема не встречается независимо, а использовалась в составе композита *lok winak* (<*lok vinak*>, букв. «купленный человек»), обозначавшего купленного раба [58. С. 300; 59. Р. 103].

Р. Хилл резонно полагает, что *winakitz* было общим обозначением всех незнатных, включая как свободных, так и зависимых людей [66. С. 153]. В пользу этого говорит и анализ текстов, записанных латиницей на киче и какчикель в XVI в. В «Пополь-Вух» корень *winaq-* в этом значении встречается единожды в параллелизме «они стали рабами, они были поработаны, их сделали рабами» (*k'ut xok chi munil xealab'ilaxik xewinaqix puch*) [65. С. 223]. В «Анналах какчикелей» *winaq* также преимущественно используется в сочетании с другими терминами:

1) *xkirayij k'a ruxit, rupwaq, ralab'il, ruwinaq kitata'*, «они возжелали жад, драгоценные металлы, рабов и людей их отцов» [66. С. 171];

2) *mixray'ix walab'il, nuwinaq, nuxit, nupwaq*, «им были желанны мои рабы, мои люди и мой жад» [66. С. 181].

Хорошо видно, что «люди» — это не синоним к «рабы» (*alabil*), а еще одна из категорий имущества царя киче Кикаба (ок. 1425–1475), которое возжелали его сыновья Тата-Йак и Ах-Ица, организовавшие против него заговор.

В третьем примере Кикаб обращается к воинам с призывом вернуть останки его отца Кукумаца (ок. 1400–1425), покоящиеся в городе Коха: *ja ri ru-b'aq-il nu-tata' tan k'oj chi la' Koja' tan ok-inaq ru-winaq* («Кости моего отца до сих пор там, в Коха. Он стал их человеком» [66. С. 676]. Хотя Дж. Максвелл и Р. Хилл переводят здесь *ru-winaq* как «их раб», по контексту ясно, что имеется в виду более широкое значение: пока кости правителя находятся в руках его врагов, он продолжает находиться в их власти и зависит от них.

Т. Кауфман реконструирует лексему **miin* («раб») для протомайя и комментирует, что этот термин обозначал человека, находящегося «в состоянии службы, когда хозяин решает, какую работу должен делать раб» [67. С. 91]. После испанского завоевания значение этого термина изменилось и от корня *tiin-* были образованы термины «работа» и «служба для общины». Подобный семантический переход вполне ожидаемый (ср. переход раб > работа в славянских языках). В то же время трудно представить, что в обществе протомайя конца III тыс. до н. э., организованном в раннеземледельческие общины, могли существовать рабы в прямом смысле. В этом плане очень привлекательно выглядит связь между **miin* («раб») и лексемой **miin* («незрелый», «мягкий», «юный»), реконструируемой для протоюкатекского, вероятным когнатом которого может быть протокичанское **munibal* («фрукт»). В таком случае термин для раба мог бы происходить от обозначения ребенка. Эта модель, как мы видим, была крайне продуктивна в языках майя.

Сравнительный анализ терминологии, связанной с рабством в различных языках майя, позволяет реконструировать более поздние траектории развития. Так, термин *p'entak* в староюкатекском интересен тем, что он, по-видимому, представляет собой заимствование из чоланских языков. Хотя корень *p'en* засвидетельствован в староюкатекском в значении «блудить»,

«прелюбодействовать», «Словарь из Мотуля» уточняет, что это «грязное слово» [35. С. 663], суффикс *-tak* не является в юкатекских языках продуктивным, в то время как в чоланских языках он используется для образования собирательных существительных, обозначающих группу людей и в этой функции засвидетельствован в иероглифическом майя (*ch'oktaak* — «юноши», *'ajawtaak* — «владыки»). Лексема *p'en* в чоланских языках помимо значения «блудить», «блуд» (ср. чольти *<pen>* — «блуд», *<pene>* — «блудить», *<ahpen>* — «прелюбодей» [41. С. 32]) является также основой для термина родства *p'enel* — «сын (по отношению к отцу)» (пр.-члн. **p'en-el* — «сын/дочь мужчины» [40. С. 129]; чоль *p'eñel* — «сын (отца)», «сперма (мужчины)» [43. С. 76]; ст.-чнт. *<ppenel>* — «сын» [47. С. 165]). Очевидно, собирательный термин *p'entak* в чоланских языках изначально обозначал домочадцев мужского пола («чадь»), а затем был перенесен на рабов. К сожалению, в силу скудости словарных материалов по чоланским языкам колониального времени, у нас есть только пример *<pentac>* — «раб» в чольти [41. С. 32].

Тот факт, что *p'entak* не является исходным юкатекским термином, подтверждается текстами книг Чилам Балам, в которых это слово встречается относительно редко. В пророчестве к двадцатилетию 11 Ахав в Чилам Баламе из Чумайеля приход испанцев описывается следующим образом: *<he ualac cu talele ppentacil than ppentac ... tunich ppentac uinic>* («Вот что придет тогда: власть поработать, рабство на строительстве, рабство людей» [68. С. 89]). Однако основной термин, связанный с рабством, — абстрактное существительное *munal*:

3) *he ix tziu nene lay ti ocez keban toon u munnal cab ca ti tali* (CHU 12) [69. Р. 59] («Это Иш-Цив-Нен ввела нас в грех, тогда пришло рабство в страну» [68. С. 77]);

4) *lai u munat u kax cuch katun ti ho ahau katun* (TIZ 5r) [70. С. 85] («это рабство — это ноша двадцатилетия в двадцатилетие 5 Ахау»);

5) *u munat u tzacil u baxal katun* (TIZ 5v) [70. С. 85] («рабство — это завет и судьба (букв. „игра“) двадцатилетия»);

6) *ti tun u munat ah cap uah tun* (TIZ 6r) [70. С. 86] («в год рабства, год Ах-Кап-Ваха»);

7) *lai u munat ah emal bay ix holtun suiua* (TIZ 11r) [70. С. 93] («это рабство людей из Эмаля, а также Хольтун-Суйва»).

Интересным представляется также сравнение цельталанского *munat* и юкатекского *munach*. Переход */t/ > /ch/* в финальной позиции характерен для юкатекских языков, что предполагает наличие общей праформы **munaty* [71. С. 61]. В то же время протоюкатекский отделился от других языков майя достаточно рано, в начале II тыс. до н.э., а в других языках такой словоформы нет. Кауфман считает форму *#mun.aty* собственной языкам низменностей [71. С. 61], однако в чоланских она пока

не засвидетельствована. В то же время видно, что в юкатекских языках продолжала существовать исходная основа *tun-*. Все это, а также специфическое значение *tunach* в юкатекском заставляет предположить, что перед нами заимствование, аналогично *p'entak* (о нем см. выше). В то же время цельталанские языки непосредственным источником этого заимствования быть не могли, поскольку их носители не контактировали напрямую с юкатеками. Возможны два варианта: 1) *tunat* это проточолано-цельталанская инновация, затем заимствованная в древнеюкатекский (однако, этому противоречит лексема *tun* в чольти); 2) *tunat* это западно-чоланская инновация, затем заимствованная в цоциль и цельталь и в юкатекские. В любом случае распространение лексем *tunat* и *p'entak* скорее всего связано с формированием общего социокультурного пространства на территории цивилизации майя низменностей в позднеформативный и классический период (III в. до н.э. — IX/X вв. н.э.).

Экономические функции и правовой статус рабов в обществах майя по данным раннеколониальных источников

Как говорилось выше, вопрос об экономических функциях рабов в древних обществах был крайне важен для советской историографии. К сожалению, информации об этом не так много, и она рассыпана в различных источниках XVI в. испанского и индейского происхождения.

Берналь Диас дель Кастильо, передавая рассказ Херонимо де Агиляра, который попал в плен на Юкатане после кораблекрушения в 1511 г., пишет, что, будучи рабом, он выполнял тяжелые работы (переноска дров и воды и обработка кукурузных полей), и в одном из таких случаев груз был настолько тяжел, что Агиляр не выдержал и рухнул [72. Р. 53–54]. Диего де Ланда просто сообщает, что Агиляра, Гонсало Герреро и их спутников использовали как рабов [73. С. 104].

Ордонансы Томаса Лопеса Медея (1520–1582), составленные в 1553 г. по итогам инспекции провинции Юкатан в 1552 г., запретили рабовладение и принудительное использование труда индейцев, требуя оплачивать его. Согласно этому документу, правители и знатные люди использовали рабов и невольниц «для службы в своих домах, и чтобы занять их в своих поместьях и на полях» [74. С. 97].

Несколько раз рабы упомянуты в «Хронике из Калькини» — сборнике документов, составленном на северо-западе Юкатана в конце XVI — начале XVII в. и излагающем историю владений династии Канулей. Текст 5 по членению О. Харады («Титул залежей Калькини, 21 апреля 1579»), описывающий границы владений общин, подчинявшихся городу Калькини, сообщает о необрабатываемых землях в районе озер Халаль и Цемес-Акаль, которые «будут обрабатывать поля люди из Мопилы, [начиная]

с нынешнего времени. без рабов в этой чаще» [39. С. 62]. Лексема *k'ax* обозначает чащу или лес [35. С. 414], т.е. нерасчищенные земли, так что в данном случае речь идет о том, что к вырубке и выжигу леса могли привлекаться рабы и крестьяне.

В другом фрагменте текста говорится, что рабы Ах-К'ин-Кануля, управлявшего городом Сакниктеч'ен, были носильщиками (<*yah cichob*>). Документ сообщает, что раньше рабов и людей у Ах-К'ин-Кануля было много [39. С. 57]. Помимо носильщиков, у Ах-К'ин-Кануля были еще рабы-рыбаки: «Хина, там у моря [провинции] Ах-Кануль, где имел лодки Ах-К'ин-Кануль. Их было четыре, на которых рыбачили рабы» [39. С. 90].

Описывая завоевание горного Чьяпаса, Берналь Диас сообщает, что чьяпанеки захватывали в плен майя-цоцилей, а также соке, селили их близ своей столицы и «держали их в рабстве и при их помощи обрабатывали свои посеы» [75. С. 115]. После первой битвы с чьяпанеками, испанцы остановили на р. Грихальва большое каноэ с десятью гребцами, которые оказались рабами, захваченными более 12 лет назад и вместе с женами и детьми переселенными в чьяпанекские владения, где они обрабатывали поля, ловили рыбу и занимались другими делами, а их жен и дочерей рабовладельцы брали в наложницы [75. С. 118].

В горной Гватемале рабы также применялись на различных работах, включая домашние и земледельческие. В «Сообщении правителей и знатных из города Атитлан» (1571) аристократы майя-цутухиль жаловались властям, что вынуждены сами обрабатывать поля и переносить тяжести, а их женщины занимаются помолкой кукурузы «в том, что наши рабы обыкновенно нам служить» [76. С. 436]. Кроме этого, после освобождения рабов, они потеряли свои владения и участки какао, которые из-за отсутствия присмотра якобы потравили попугаи [76. С. 437].

Правовой статус рабов в обществах Мезоамерики — один из тех вопросов, которые активно обсуждались в сочинениях испанских авторов XVI в. Так Бартоломе де Лас Касас, пытаясь опровергнуть обвинения индейцев в рабовладении, идеализирует их обычаи и утверждает, что хозяева относились к рабам с любовью и большой заботой, почти как к детям, налагаемые на них повинности были крайне легкими, а рабы же любили хозяев как своих отцов и братьев. У многих рабов был дом и участок, где они или со своей семьей практически как свободные, а те, кто жили в хозяйском доме, считались практически домочадцами [77. Р. 484–485]. Однако разбор конкретных примеров дает не столь идиллическую картину.

Диего де Ланда сообщает об обращении юкатанскими майя в рабство за кражу, «хотя бы была очень маленькая кража, и поэтому у них было столько рабов, особенно во время голода» [73. С. 157–158]. Помимо этого, в рабство обращали разведенных женщин и сирот [73. С. 136; 78. Р. 97]. Бедняки и простые люди Майяпана, которых, по словам Ланды,

порабощали правители из династии Кокомов, сопротивлялись этому с оружием в руках [73. С. 118]. Ярче же всего статус рабов, по нашему мнению, иллюстрирует фраза Ланды, что прелюбодеяния с рабынями не считались грехом, поскольку «они говорили, что законно употреблять свои вещи по желанию» [73. С. 152].

Сам Лас Касас в главах 234 и 236, а также 237–239 «Общей апологетической истории» детально описывает статус рабов в Гватемале (майя-киче) и в Верапасе, у майя-кекчи [5. С. 25–26].

Как сообщается в 234 главе, у киче существовало большое число причин, по которым человек мог стать рабом. Часть преступлений могла караться либо смертью, либо обращением в рабство, в их число входили инцест, ограбление храма, изнасилование, а также охота или рыболовство в чужих землях. Предавшие своего правителя или общину, или вассалы, бежавшие от своего господина, приговаривались к смерти, их имущество конфисковалось, а семьи попадали в рабство [81. Р. 1453–1454].

Согласно 236 главе, дети правителей и знати от наложниц-рабынь хотя и считались свободными, не могли наследовать власть и имущество [81. С. 1459]. Такой же обычай фиксируется и у майя-кекчи (глава 237) [81. С. 1468]. Эта норма подтверждается сведениями из «Летописей какчикелей», авторы которой подчеркивают, что дон Франсиско Ордоньес, претендовавший на титул «владыка Шпанцай» в начале XVII в., не мог считаться полноправным аристократом, поскольку был потомком Атуналя, сына главы дома Шпанцай по имени Кахи-Акбаль в 1524 г., рожденного от рабыни [70. С. 7].

Если человек согрешил с рабыней, то должен был выплатить возмещение в размере стоимости этой рабыни или чуть меньше, либо отдать хозяину другую рабыню. Однако прелюбодеяние хозяина с рабыней не рассматривалось в качестве нарушения, поскольку рабыни считались «собственной вещью, которая стоила им денег или была захвачена в справедливой войне» [77. С. 1462].

У майя-кекчи дети свободных женщин, вступавших в брак с рабом, оставались рабами. В рабство обращались женщины, уличенные в супружеской измене [77. Р. 1468–1469]. В 239 главе сообщается, что «тот, кто убивал, ранил или наносил любой другой урон своему рабу или рабыне, не нес никакого наказания, потому что говорили, что рабы были их имуществом или их богатством» [77. С. 1471]. Убийство же чужого раба каралось штрафом, который должен был выплатить преступник или его родичи.

Низкий статус рабов хорошо виден по различным наказаниям за прелюбодеяние. Если мужчина согрешил с рабыней, то он должен был выплатить штраф, а если слуга или раб вступал в связь с госпожой, то его убивали или продавали для принесения в жертву. В случае же прелюбодеяния раба и рабыни их обоих приговаривали к смерти [77. С. 1472].

**Эпиграфические свидетельства о социальной терминологии,
связанной с зависимым населением,
у майя позднеклассического периода (VII–IX вв.)**

Особенностью иероглифических текстов майя классического периода является то, что они преимущественно посвящены действиям царского и высшей знати, хотя в последнее время стало ясно, что они иногда упоминают и иные социальные категории. Надпись на фризе из Холмуля содержит фразу *paat kab winik* («люди из задней земли»), т.е. простолюдины из сельской местности [78. С. 155]. Как было показано Д.Д. Беляевым, А.И. Давлетшиным и А.В. Сафроновым, некоторые «титуты происхождения» обозначают представителей городских общин [79. Р. 38–39; 84].

Судя по различным данным, лексема *winik* обозначала людей вообще. Однако параллельно с ней в текстах появляется лексема *winaak*, значение которой более узкое.

В 1999 г. С. Хаустон и Д. Стюарт идентифицировали в надписи на Панели 3 из Пьедрас-Неграс фразу *'a-wi-na ke-na yo-ki?-CHAN*, *'a-winakee'n y-ook cha'n* («я — твой слуга, опора небес») [81. Р. II–19; 82. С. 587]. Это обращение одного из придворных к царю Ицам-К'ан-Аку III (729–757).

В схожем контексте лексема *winaak* появляется в надписях Паленке VIII в. Надпись на западной панели из Храма XXI [83] изображает придворного, обращающегося к царю К'инич-Акуль-Мо-Наабу III (722 — ок. 735): *he-na 'a-wi-na-ki 'a-ku-la MO'-na-bi*, *he'n 'a-winaak 'Ahku'l Mo' Naahb* («я — твой слуга, Акуль-Мо-Нааб»). В данном случае фраза записана с использованием фокусирующего местоимения 1 л., ед. ч. *he'n* («я»), а абсолютный показатель *-ee'n* опущен². Вертикальная подпись обозначает протагониста: *ch'o-ko ...-... 'u-tzi ...-...-a-'AJAW-wa*, *ch'ok ... 'Uutz ... 'ajaw* («юноша ...-Уц, ... владыка»). На прорисовке Л. Шили последний блок прорисован как **К'УН-БААК-ла-'AJAW**. Однако фотографии панели из Музея Паленке, сделанные автором статьи в 2017 г., показывают, что центральный элемент данного иероглифического блока состоит не из одного знака **БАК**, а как минимум из двух. Так что перед нами не «эмблемный иероглиф» Паленке, а иной титул, обозначающий младшего представителя какого-то царского дома.

Расколотая восточная панель Храма XXI [87], очевидно, содержала похожую запись, от которой осталось только *...-na-ki 'a-ku-la ...*, *['a-wi] naak 'Ahku'l [Mo' Naahb]*. Остатки подписи показывают, что на ней был изображен военачальник или вельможа, именуемый *... 'AJ-K'IN-ni-a*, *... 'Aj Kihna'* («..., человек из К'ина»). К'ина — древнее название левобережной части царства Пьедрас-Неграс [82]. Судя по титулам на обеих панелях, *winaak* обозначало разные категории «царских людей», зависимых от правителя, в т.ч.

² Благодарю А.И. Давлетшина за это важное наблюдение.

относительно высокого ранга, так же, как и в источниках, описывающих постклассическое общество и общество эпохи Конкисты.

Еще одно уникальное сообщение встречается в надписи на каменном основании для курильницы из Группы IV в Паленке [83]. Эта пространная и сложная надпись посвящена Басиль-Чиху из Сик'аба, одному из придворных царя К'инич-Ханаб-Пакаля I (603–683), занимавшему должности *тисакхуна* (хранителя царской короны) и *йахавк'ак'а* («владыки огня»). Под 701 г. (дата 9.13.9.11.7 4 Маник 10 Сак по календарю майя, 15.09.701) говорится: (E8) **mu-na?-ja-'u-?-...** (E9) **tu-CH'EN-na K'IN-ni-'AJAW** (F1) **'u-KAB-ji-ya-K'INICH-KAN-BALAM** (F2) **'ILA-ji-'u-sa-ja-la** (F3) **'AJ-si-k'a-ba, muhnaj 'u-... tu-ch'ee'n K'ihna' 'ajaw k'u-kabjiy K'ihnich Kan Bahlam 'ilaaj 'u-sajal 'aj Sik'ab** («были порабощены ... в городе владыки К'ина, как это повелел К'инич-Кан-Балам, свидетельствовал его сахаль, человек из Сик'аба»). По предположению А.И. Давлетшина глагол в блоке E8 это не **mu-ka-ja**, как считалось традиционно, а **mu-na-ja**, что является формой пассивного залога *muhnaj* («был порабощен» или «были порабощены»). Неизвестно кто был порабощен, однако ясно, что это произошло в К'ине (левобережной столице царства Пьедрас-Неграс). Судя по всему, это было связано с неизвестным ранее военным столкновением между Паленке и Пьедрас-Неграс в начале VIII в.

Заключение

Анализ лексических данных из раннеколониальных словарей, а также испаноязычных и индейских источников XVI — начала XVII вв. показывает, что терминология, связанная с рабством, у майя была достаточно развитой. Практически у всех народов присутствовал общий термин *туп*, описывающий именно рабов. Эта лексема с тем же значением реконструируется до протомайяского уровня. Лишь в староюкатекском языке накануне Конкисты *тупач* стало обозначать рабыню. Внутри широкой категории различались рожденные в неволе и купленные рабы, а особняком стояли военнопленные, для которых в разных языках майя существовали особые обозначения. Примечательно, что ни в одном из проанализированных словарей нет слова для долгового или кабального раба, хотя источники свидетельствуют, что это был один из важных способов пополнения рабов. Вторая общая лексема *winik / winak* использовалась для широкого обозначения зависимых людей незнатного статуса, включая рабов.

Сведения различных источников показывают, что вопреки широко распространенной точке зрения об относительной легкости рабства у майя, так же, как и в Старом Свете, рабы воспринимались как имущество своих хозяев. Рабыни в основном выполняли домашнюю работу, в то время как рабы использовались на различных тяжелых работах (расчистка и обработка

полей, переноска тяжестей, рыболовство). В целом статус рабов был достаточно низким и существенно отличался от статуса свободных. Потомки рабов были исключены из наследования и воспринимались как люди низкого происхождения даже по прошествии нескольких поколений.

Оба термина (*tun* и *winak*), известные по постклассическим и раннеколониальным данным, засвидетельствованы и в монументальных иероглифических текстах майя, что свидетельствует о вероятной типологической близости рабства и других форм зависимости в городах-государствах классической эпохи и в обществах майя накануне Конкисты.

Список литературы / References

1. Knorozov YV. "Relacion de las cosas de Yucatan" of Diego de Landa as a historical and ethnographic source. In: de Landa D. *Relacion de las cosas de Yucatan*. Moscow; Leningrad; 1955. P. 3–96. (In Russ.).
Кнорозов Ю.В. «Сообщение о делах в Юкатане» Диэго де Ланда как историко-этнографический источник // Сообщение о делах в Юкатане / Д. де Ланда. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 3–96.
2. Kinzhalov RV. *The Culture of Ancient Maya*. Leningrad: Nauka publ.; 1971. (In Russ.).
Кинжалов Р.В. Культура древних майя. Л. : Наука, 1971. 363 с.
3. Gulyaev VI. *The Maya City-States (Structure and Functions of the City in the Early Class Societies)*. Moscow: Nauka publ.; 1979. (In Russ.). EDN: VGTKLH
Гуляев В.И. Города-государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе) : монография. М. : Наука, 1979. 304 с. EDN: VGTKLH
4. Beliaev DD, Pakin AV. The Ruler and His Subjects in the Ancient Maya States. In: *The Ruler and His Subjects: Socio-Cultural Norm and Restrictions of the Individual Power*. Moscow: Russian Academy of Sciences Press; 2009. P. 123–151. (In Russ.). EDN: TFJGTV
Беляев Д.Д., Пакин А.В. Правитель и его подданные в государствах древних майя // Правитель и его подданные: Социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М. : Институт Африки РАН, 2009. С. 123–151. EDN: TFJGTV
5. Pakin AV. *Socio-Political Organization of the the Maya Society of Yucatan in the End of the Late Postclassic Period (1441–1541)*. (PhD diss.). Moscow; 2014. (In Russ.). EDN: ZPGYDL
Пакин А.В. Социально-политическая организация общества юкатанских майя в конце позднего постклассического периода (1441–1541 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. EDN: ZPGYDL
6. Fediushin VV. On the sources of surplus extraction of Maya nobility of the Late Postclassic period (13th — 1st half of 14th century). *Klio*. 2018;(4):44–53. (In Russ.). EDN: XMGUEP
Федюшин В.В. К вопросу об источниках прибавочного продукта майяской знати позднего постклассического периода (XIII — 1-я пол. XVI в.) // Клио. 2018. № 4 (136). С. 44–53. EDN: XMGUEP
7. Thompson JES. *The Civilization of the Mayas*. Chicago: Field Museum of National History; 1927.
8. Moreno MM. *La organización política y social de los aztecas*. México: Universidad Nacional Autónoma de México; 1931.
9. Carrillo y Ancona C. *Historia antigua de Yucatan*. Mérida: G. Guzman y hermano; 1883.
10. Tozzer AM. *Landa's Relación de las Cosas de Yucatán: A translation*. Cambridge: Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University; 1941.
11. Thompson JES. *The Civilization of the Mayas*. 4th ed. Chicago: Field Museum of National History; 1942.

12. Gann T, Thompson JE. *The History of the Maya from the Earliest Times to the Present Day*. New York; 1931.
13. Roys RL. *The Indian Background of the Colonial Yucatán*. Washington: Carnegie Institute of Washington; 1943.
14. Morley SG. *La civilización Maya*. México: Fondo de Cultura Económica; 1947.
15. Thompson JES. *The rise and fall of Maya civilization*. London: Norman; 1956.
16. Coe MD. *The Maya*. London: Thames & Hudson; 1966.
17. Hammond N. *Ancient Maya civilization*. New Brunswick: Rutgers University Press; 1982.
18. Houston SD, Inomata T. *The Classic Maya*. New York: Cambridge University Press; 2009.
19. Bosch García C. *La esclavitud prehispánica entre los aztecas*. México: Colegio de México; 1944.
20. Beliaev D. Karl A. Wittfogel and the formation of the concept of hydraulic state in Mesoamerica. *RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations*. 2020;(4–2):144–155. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-4-144-155> EDN: EUJJQP
Беляев Д.Д. Карл Витфогель и формирование концепции гидравлического государства в Мезоамерике // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 4–2. С. 144–155. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-4-144-155> EDN: EUJJQP
21. Beliaev DD. Tributary mode of production in Mesoamerica in Mexican historiography of the second half of the 20th century. *RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations*. 2021;(3):52–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2021-3-52-67> EDN: FXYYKR
Беляев Д.Д. Концепция трибутарного способа производства в Мезоамерике в мексиканской историографии второй половины XX в. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2021. № 3. С. 52–67. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2021-3-52-67> EDN: FXYYKR
22. Villa Rojas A. Notas sobre la tenencia de la tierra entre los mayas de la antigüedad. *Estudios de Cultura Maya*. 1961;1:21–46. <https://doi.org/10.19130/iifl.ecm.1961.1.196>
23. Piña Chán R. *Una visión del México prehispánico. 2a ed.* México: Universidad Nacional Autónoma de México; 1993.
24. Piña Chán R, Cardos A, Castillo Tejero N. La cultura maya. In: *Los pueblos y señoríos teocráticos. El periodo de las ciudades urbanas. Segunda parte*. México, 1976; p. 165–245.
25. Ruz A. *La civilización de los antiguos Mayas*. México: Instituto Nacional de Antropología e Historia; 1963.
26. Ruz A. *La civilización de los antiguos mayas*. La Habana: Editorial de las Ciencias Sociales; 1974.
27. Ruz A. Caracterización Socioeconómica de la Sociedad Maya. *Estudios*. 1975;(6):273–284.
28. Ruz A. El modo de producción tributario en el área maya. *Estudios de Cultura Maya*. 1981;(13):37–43.
29. Ruz A. *El pueblo maya, ayer y hoy*. México: Salvat Mexicana de Ediciones, Fundación Cultural San Jerónimo Lídice; 1981.
30. Ruz A. *The Maya People*. Moscow: Mysl publ.; 1986. (In Russ.).
Рус А. Народ майя. М. : Мысль, 1986. 256 с.
31. Izquierdo AL. La esclavitud en Mesoamérica: concepto y realidad. In *Memoria del III Congreso de historia del derecho mexicano*. México: Universidad Nacional Autónoma de México; 1984. P. 361–374.
32. Izquierdo AL. El derecho penal entre los antiguos mayas. *Estudios de Cultura Maya*. 1978;11:215–247. <https://doi.org/10.19130/iifl.ecm.1978.11.515>
33. Halperin CT. Hidden histories of captive and enslaved Maya women in the Indigenous Americas. *Archaeologies*. 2024;20(2):383–416. <https://doi.org/10.1007/s11759-024-09506-8> EDN: EMVTWI

34. Tokovinine A, Beliaev DD. People of the road: traders and travelers in Ancient Maya words and images. In *Merchants, Trade, and Exchange in the Pre-Columbian World*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2013. P. 169–200. EDN: VMBPSH
35. Arzápalo MR. *Calepino de Motul. Diccionario Maya-Español. T. I*. México: Universidad Nacional Autónoma de México; 1995.
36. *Bocabulario de Maya Than. Codex Vindobonensis N.S. 3833. Facsímil y transcripción crítica anotada*. México: Universidad Nacional Autónoma de México; 1993.
37. *Diccionario español-maya de Ticul, 1690 [manuscript] transcrito por D. Juan Pío Pérez en 1836 y arreglado en 1847 por el mismo*. UPenn Ms. Coll. 700, Item 2. University of Pennsylvania, Rare Book & Manuscript Library, Berendt-Brinton Linguistic Collection.
38. *Diccionario maya-español del Convento de San Francisco en Mérida [manuscript] copiado por C. Hermann Berendt, M.D.* UPenn Ms. Coll. 700, Item 3. University of Pennsylvania, Rare Book & Manuscript Library, Berendt-Brinton Linguistic Collection.
39. *Códice de Calkiní*. México: Universidad Nacional Autónoma de México; 2009.
40. Kaufman T, Norman W. An outline of Proto-Cholan phonology, morphology and vocabulary. In: Justeson JS, Campbell L, eds., *Phoneticism in Maya Hieroglyphic Writing*. Albany; 1984. P. 77–166.
41. Moran F. *Arte y diccionario en lengua cholti: a manuscript copied from the Libro grande of about 1625*. Baltimore: Maya Society; 1935.
42. Hull K. *A Dictionary of Ch'orti' Mayan-Spanish-English*. Salt Lake City: University of Utah Press; 2016. <https://doi.org/10.2307/jj.33676932>
43. Aulie HW, Aulie EW. *Diccionario Ch'ol de Tumbalá, Chiapas, con variaciones dialectales de Tila y Sabanilla*. 3ª ed. (electrónica). México: Instituto Lingüístico de Verano; 2009. Available from: <http://www.sil.org/mexico/maya/choltumbala/S121a-Diccionario-ctu.htm> (accessed 12.09.2025).
44. Keller K, Luciano P. *Diccionario chontal de Tabasco*. México; 1997.
45. Robertson J, Law D, Haertel R. *Colonial Ch'olti'. The Seventeenth-Century Morán Manuscript*. Norman: University of Oklahoma Press; 2010.
46. Scholes FV, Roys RL. *The Maya Chontal Indians of Acalán-Tixchel*. Norman: University of Oklahoma Press; 1968.
47. Smailus O. *El Maya-Chontal de Acalan: Análisis lingüístico de un documento de los años 1610–1612*. México; 1975.
48. Carrasco P. Don Juan Cortés, cacique de Santa Cruz Quiché. *Estudios de Cultura Maya*. 1967;6:251–266. <https://doi.org/10.19130/iifl.ecm.1967.6.294>
49. Carrasco P. Los mayequés. *Historia Mexicana*. 1989;39(1):123–166.
50. Ara D. de. *Vocabulario de lengua Tzeldal segun el orden de Copanabastla*. México: Universidad Nacional Autónoma de México; 1986.
51. *Vocabulario de la lengua española y tzeldal*. Penn Libraries. University of Pennsylvania. Available from: <https://colenda.library.upenn.edu/catalog/81431-p39882x5x> (accessed 12.09.2025).
52. Calnek EE. *Highland Chiapas before the Spanish Conquest*. Provo: Brigham Young University; 1988.
53. Laughlin R. *The Great Tzotzil Dictionary of San Lorenzo Zinacantan with Grammatical Analysis and Historical Commentary*. Washington; 1988.
54. Basseta D de. *Vocabulario de la lengua Quiche*. México: Universidad Nacional Autónoma de México; 2005.
55. Dürr M, Sachse F, eds. *Diccionario k'iche' de Berlín. El Vocabulario en lengua 4iche otlatecas: edición crítica*. Berlin: Gebr. Mann Verlag; 2017.
56. Coto T. de. *Thesaurus verboru [m]: vocabulario de la lengua cakchiquel u [el] guatemalteca*. México: Universidad Nacional Autónoma de México; 1983.

57. Vico D de. *Vocabulario de la lengua cakchiquel, con advertencia de los vocablos de las lenguas quiché y tzutuhil*. Ms. Américaine 46. Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Available from: <http://archivesetmanuscrits.bnf.fr/ark:/12148/cc109664k> (accessed 12.09.2025).
58. Acuña R. *Arte breve y vocabularios de la lengua poqom*. México: Universidad Nacional Autónoma de México; 1991.
59. Feldman LH. *A Dictionary of Poqom Maya in the Colonial Era*. Lancaster: Labyrinthos, 2004.
60. Orellana S. *The Tzutujil Mayas: Continuity and change, 1250–1630*. Norman: University of Oklahoma Press; 1984.
61. Haeserijn E. *Diccionario K'ekchi' Español*. Guatemala: Editorial “Piedra Santa”; 1979.
62. Ximénez F. *Primera parte del tesoro de las lenguas cakchiquel, quiché y zutuhil*. Guatemala: Academia de Geografía e Historia de Guatemala; 1985.
63. *Vocabulario de la lengua mame*. México: Departamento de imprenta de la secretaria de Fomento; 1916.
64. Carmack RM. *The Quiche' Mayas of Uatatlán: The evolution of A Highland Guatemala Kingdom*. Norman: University of Oklahoma Press; 1981.
65. Mondlos J, Carmack R. *Popol Vuj. Nueva traducción y comentarios*. Guatemala: Universidad Mesoamericana; 2018.
66. *Kaqchikel Chronicles. The Definitive Edition*. Austin: University of Texas Press; 2006.
67. Kaufman T. Aspects of the lexicon of proto-Mayan and its earliest descendants. In: Aissen JL, England NC, Maldonado RZ, eds. *The Mayan Languages*. London: Routledge; 2017. P. 62–111. <https://doi.org/10.4324/9781315192345-4>
68. Knorosov YV. *The Writing of the Maya Indians*. Moscow; Leningrad, 1963. (In Russ.).
Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1963.
69. Miram H-M. *Transkriptionen der Chilam Balames. Vol. 1. Ixil. Chumayel. Nah*. Hamburg: Toro-Verlag; 1988.
70. Miram H-M. *Transkriptionen der Chilam Balames. Vol. 2. Tekax. Chanchah. Tizimin*. Hamburg: Toro-Verlag; 1988.
71. Kaufman T, Justeson J. *A Preliminary Maya Etymological Dictionary* [electronic resource]. FAMSI: Foundation for the Advancement of Mesoamerican Studies; 2003. Available from: <http://www.famsi.org/reports/01051/pmed.pdf> (accessed 12.09.2025).
72. Díaz del Castillo B. *Verdadera y notable relacion del descubrimiento y conquista de la Nueva España y Guatemala*. Guatemala: Tipografía Nacional; 1933:1.
73. de Landa D. *Relacion de las cosas de Yucatan*. Moscow; Leningrad, 1955. (In Russ.).
Ланда Д. де. Сообщение о делах в Юкатане. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1955.
74. López de Cogolludo D. *Historia de Yucatán*. T. 1. Campeche: Comisión de Historia, 1954.
75. Díaz del Castillo B. *Verdadera y notable relacion del descubrimiento y conquista de la Nueva España y Guatemala*. Guatemala: Tipografía Nacional; 1934. T. 2.
76. Relación de los caciques y principals del pueblo de Atitlán. *Anales de la Sociedad de Geografía e Historia*. 1952;(26):435–438.
77. Las Casas B. de. *Obras Completas. Apologetica Historia Sumaria III*. Madrid: Alianza Editorial; 1992.
78. Estrada-Belli F, Tokovinine A. A king's apotheosis: iconography, text, and politics from a Classic Maya temple at Holmul. *Latin American Antiquity*. 2016;27(2):149–168. <https://doi.org/10.7183/1045-6635.27.2.149>
79. Davletshin A, Beliaev D. A syllabic sign for [pe] in the Classic Maya inscriptions. *Revista Española de Antropología Americana*. 2022;52(1):29–44. <https://doi.org/10.5209/reaa.75786> EDN: RTGDBA

80. Beliaev DD, Safronov AV. Community structures among the Ancient Maya of the Western region in the Late Classic period: epigraphic evidence. *Conference "Historian and the Text: Dedicated to the 909th Anniversary of the Birth of the Academician Grigori Bongard-Levin. Moscow, Institute of General History, December 20–22"*. 2023, p. 13–14.
Беляев Д.Д., Сафронов А.В. Общинные структуры у древних майя Западного региона в позднеклассический период: эпиграфические свидетельства // Историк и текст: к 90-летию со дня рождения академика Григория Максимовича Бонгард-Левина : Всерос. науч. конф. (Институт всеобщей истории РАН, 20–22 декабря 2023 г.). М. : ИВИ РАН, 2023. С. 13–14.
81. Stuart D, Houston S, Robertson J. Recovering the past: Classic Maya language and classic Maya gods. In *Notebook for the XXIIIrd Mayan Hieroglyphic Forum at Texas. Pt. II*. Austin; 1999.
82. Beliaev DD, Safronov AV. Dynastic history of Yokib in the second half of the 8th century. In: *Questions of Epigraphy : Proceedings of the I International Conference*. 2013;7(1):533–599. (In Russ.). EDN: TVRCDH
Беляев Д.Д., Сафронов А.В. Династическая история Йокиба во второй половине VIII в. // Вопросы эпиграфики : материалы I Междунар. конф. Т. 7. Часть 1. / отв. ред. А.Г. Авдеев. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 533–599. EDN: TVRCDH
83. Cuevas García M et al. *Monumentos escultóricos de Palenque*. México: Instituto Nacional de Antropología e Historia; 2025.

Информация об авторе:

Беляев Дмитрий Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент Мезоамериканского центра имени Ю.В. Кнорозова исторического факультета, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, корп. 3; старший научный сотрудник Международного центра антропологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3, e-mail: lakamha@mail.ru ORCID: 0000-0002-6609-2302. SPIN-код: 4705-6569.

Information about the author:

Dmitri Beliaev — PhD in History, Associated Professor, Knorozov Center for Mesoamerican studies, Faculty of History, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya square, bldg. 3, Moscow, 125047, Russian Federation; senior research fellow, International Centre of Anthropology, National Research University Higher School of Economics, 21/4 Staraya Basmannaya st, bldg. 3, Moscow, 105066, Russian Federation, e-mail: lakamha@mail.ru ORCID: 0000-0002-6609-2302. SPIN-code: 4705-6569.

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-3-411-435

EDN: ONWTGR

Research article / Научная статья

Dynastic history of Saktz'i': new evidences of the Late Classic Ancient Maya kingdom

Alexander Safronov

Russian State University for Humanities, *Moscow, Russian Federation*

✉ aleksafronov@bk.ru

Abstract. In studies of the dynastic history of the ancient Maya of the Classic period, the kingdom of Saktz'i' plays a special role. For a long time, it could not be localized archaeologically, but its history has been well studied thanks to numerous external references and inscriptions on unprovenanced monuments. The main aspects of the kingdom's history were identified in the works of the early 2000s, however, there were a number of little-known ones that had not previously come to the attention of researchers. In the study the author, using the method of content analysis of the epigraphic monuments of the Upper Usumacinta region, conducts a complete reconstruction of the dynastic list of the Saktz'i, summarizing the entire range of available data, examines new facts from the history of the kingdom and puts forward his own hypotheses on the most controversial issues of this topic. The kingdom of Saktz'i' is associated with the archaeological site of Lacanja Tzeltal, and the author has discovered new data that allow us to date the beginning of its dynastic history to the end of the Early Classic period (c. 500 CE). An inscription on Panel 12 from Piedras Negras represents a captive, Ahku'l Mo', with the title *Saktz'i' 'ajaw*, captured by the Yokib' king Yaak Ahk II around 514 CE. A further retrospective inscription on the Caracas panel reports on the rituals of king K'ab' Chante' I in 564 CE, and the captivity of another king with the same name is also mentioned in Piedras Negras Stela 26 in 652 CE. The next piece of information about Saktz'i' dates to 693, when Kab' Chante' III defeated the Pepe'tun polity, then captured the king of neighboring Ak'e' (Plan de Ayutla) and assumed his title, which began a war with the powerful kingdom of Popo'. Kab' Chante' III got a final victory in 719 and also subordinated the kingdom of Xukalnaah (Bonampak), where he installed his vassals on the throne. After the death of Kab' Chante' III in 740, he was succeeded by the little-known (U)cha'n-Bolon, who also died in half a year in 741. Then, in 754, Chan Ek' ascended the throne, likely continuing his foreign policy expansion. During his reign, which lasted until 775, lands in the Upper Usumacinta Valley were invaded and controlled the area of Yaxniil (El Cayo) with Aj Sak Maax appointed as governor. However, he was defeated in a war with Yaxchilan in 766. At the end of the 8th century, only two kings are known. In 787, a coalition of Yaxchilan and Bonampak defeated the troops of Yehte' K'inich, and then between 790 and 800,

© Safronov A., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

his successor Jatz' Tokal Ek' Hix, was lose the war against the Popo' king, and his capital was devastated. Nevertheless, the kingdom of Saktz'i' continued to exist into the 9th century, the last mention of it dates to 864–865 and it associated with last known king K'ab' Chante' IV. After this, references to Saktz'i' disappear from hieroglyphic inscriptions.

Keywords: Mesoamerica, Late Classic period, Lacandon selva, Lacanha Tzeltal, Bonampak area, epigraphy

Funding. The research work of was supported by the state assignment № FSGZ-2026-0024 “The Prehistory and Ancient history of mankind and the ‘Oikoumene’ digital environment”.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 20.02.2026; accepted 27.04.2026.

For citation: Safronov A. Dynastic history of Saktz'i': new evidences of the Late Classic Ancient Maya kingdom. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(3):411–435. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-411-435> EDN: ONWTGR

Династическая история Сакц'и: новые данные о царстве древних майя позднего классического периода

А.В. Сафронов

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

✉ alexsafronov@bk.ru

Аннотация. В исследованиях династической истории древних майя классического периода особое место занимает царство Сакц'и, которое долгое время не могли локализовать археологически, но его история была хорошо изучена благодаря множеству внешних упоминаний и надписям на монументах неизвестного происхождения. Основные вехи истории царства были определены в работах начала 2000-х гг., тем не менее остались ряд малоизученных, которые ранее не попадали в поле зрения исследователей. В исследовании с помощью контент-анализа эпиграфических памятников Верхней Усумасинты проведена полная реконструкция династического списка Сакц'и. Автор, суммируя весь комплекс имеющихся данных, рассмотрел новые факты из истории царства и выдвинул собственные гипотезы по наиболее дискуссионным вопросам данной темы. Царство Сакц'и ассоциируется с городищем Лаканха-Цельталь, и автор обнаружил новые данные, которые позволяют отнести начало династической истории к концу раннего классического периода (около 500 г.). Надпись на Панели 12 из Пьедрас Неграс представляет пленника Акуль-Мо с титулом *Saktz'i' 'ajaw*, плененного царем Йокиба около 514 г. Далее ретроспективная надпись на Каракасской панели сообщает о ритуалах царя К'аб-Чанте I в 564 г., также в 652 г. в Пьедрас-Неграс упоминается пленение другого царя с таким же именем. Следующий массив информации о Сакц'и датируется 693 г. когда царь К'аб-Чанте III разбил политио Пепетун, а затем пленил царя соседнего Ак'е (План-де-Айутла) и принял его титул, за который началась война с могущественным царством Попо'. Окончательную победу К'аб-Чанте III одержал в 719 г., и также подчинил царство Шукальнах (Бонампак), где возводил на трон своих вассалов. После смерти Каб-Чанте III в 740 г. ему наследовал малоизвестный

(У)чан-Болон, также умерший в 741 г., а затем в 754 г. на трон взошел Чан-Эк, вероятно продолживший внешнеполитическую экспансию. В период его правления до 775 г. были захвачены земли в долине Верхней Усумасинты, в частности установлен контроль над областью Йашниль (Эль-Кайо), в которых наместником был поставлен Ах-Сак-Маш, однако он потерпел поражение в войне с Йашчиланом в 766 г. В конце VIII в. известны только два царя, в 787 г. коалиция Йашчилана и Бонампака нанесла поражение войскам Йехте-К'инича, а между 790–800 гг. его преемник Хац'-Токаль-Эк'-Хиш был разгромлен царем Попо, а его столица захвачена. Тем не менее царство Сакц'и продолжило существовать и в IX в., последнее упоминание о нем датируется 864–865 гг. с царем К'аб-Чанте IV. После упоминание о царстве исчезают из иероглифических надписей.

Ключевые слова: Мезоамерика, Позднеклассический период, Лакандонская сельва, Лаканха-Цельталь, область Бонампака, эпиграфика

Финансирование. Исследование выполнено за счет государственного задания № FSGZ-2026-0024 «Древнейшая и древняя история человечества и цифровая среда “Ойкумена”».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 20.02.2026; принята к публикации 27.04.2026.

Для цитирования: *Safronov A.* Dynastic history of Saktz'i': new evidences of the Late Classic Ancient Maya kingdom // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 3. С. 411–435. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-411-435> EDN: ONWTGR

Introduction

The written tradition of the ancient Maya, reflecting the dynastic history of the Classic period (250–900 CE), contains references to a large number of kingdoms and polities whose locations are unknown or problematic. Typically, such references are isolated, lacking details about their histories, and the kingdoms themselves played no significant role in the Maya political system. However, one kingdom stands out among these references: the polity of Saktz'i', which played a leading role in the military and political history of the Usumacinta Basin in the between 600–800 CE and claimed regional dominance. Paradoxically, the main episodes of Saktz'i' dynastic history were reconstructed from external references in the early 2000s, with much of the information contained in monuments of unknown origin, tentatively attributed to the “Bonampak region”. Discoveries over the past decade have provided significant new data on the history of the polity, allowing for a more detailed understanding of the dynastic history of Saktz'i' and its place in the political relations of the Usumacinta region.

The Emblem Glyph, associated with an unknown polity, was first identified in 1994 by Linda Schele and Nikolai Grube in inscriptions on Stela 26 from Piedras Negras, as well as on the Denver and Brussels panels. These inscriptions indicated the participation of a king with unknown title in the military and political events of the Usumacinta Valley in the mid-7th century [1. P. 111, 116]. The presence

of both logographic and syllabic variants of the Emblem Glyph made it possible to determine its reading: **SAK-tz'i'-i'-²AJAW** / **SAK-TZ'I'**, *Saktz'i' ²ajaw* — “king of Saktz'i'” [3. P. 179–181] (Fig. 1), while the toponym *Saktz'i'* — “White dog” — contained in the title is quite atypical for the Maya, since it does not contain the usual locatives or toponymic suffixes, so its exact meaning is not entirely clear.

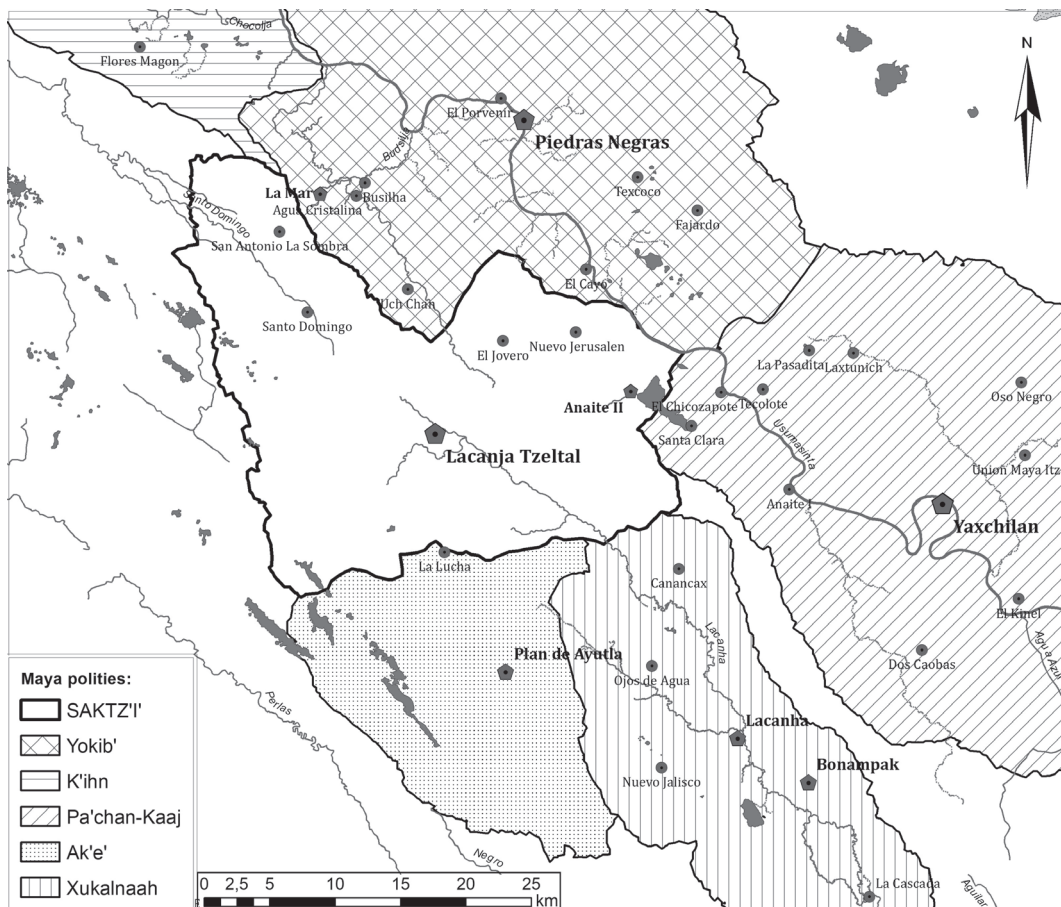

Figure 1. Saktz'i' and Maya polities of the Upper Usumasinta region in the middle of the 8th century
Source: map created by A. Safronov.

Gradually, other references to this title were discovered, it appears in inscriptions from major archaeological sites in the Usumacinta Basin — Bonampak, Yaxchilan, Piedras Negras, El Cayo, Tonina, and others — attesting to the proximity of the Saktz'i' kingdom to all of these centers. However, a significant number of references were found on unprovenance monuments, such as the Caracas Panel, the Stendahl Panel, the continuing text on the Denver and Brussels Panels, and several others. Thus, the geography of Saktz'i' references is quite broad, encompassing the Upper Usumacinta Valley, Lacandon area and eastern part of Chiapas Highlands.

In the beginning of 2000s, a number of researchers attempted to determine the borders of the Saktz'i' kingdom and the location of its political center, which was then unknown. The most important comprehensive study, positioned as a GIS approach, was conducted by Armando Anaya [2], in which the “gravity model” method was applied, that is, the calculation of a mathematical model, to determine the location of the Saktz'i' polity and the configuration of its borders. His joint work with Mark Zender and Stanley Gunther demonstrated the possibility of a detailed application of the GIS approach to epigraphic data, which opened a new direction in the study of the historical geography of the ancient Maya [3]. Moreover, the localization of the kingdom turned out to be quite accurate; it was in the area they identified in the Upper Lacanha Valley that the archaeological site Lacanja Tzeltal was subsequently discovered, which was identified as the political center of Saktz'i' [4].

Following this, in 2004, Russian researchers Dmitri Beliaev and Alexander Safronov proposed a different approach to defining the boundaries of Saktz'i', based on an in-depth content analysis of epigraphic monuments in the Upper Usumacinta region and the determination of boundaries based on mutual references to events in various kingdoms bordering this polity. First of all, they conducted a more detailed study of the dynastic history actions, clarifying their dating [5. P. 134–135]. As a result, the configuration of the territorial-political organization of the Lacanha Valley proposed by Beliaev and Safronov differs from the reconstruction of Anaya, Guenter and Zender and assumes a wider territorial scope, primarily in the Santo Domingo Valley, corresponding to the political power of the kingdom at the turn of the 7th–8th centuries.

After this, the Hungarian researcher Peter Biro published a work devoted to the epigraphic sources on the history of Saktz'i', in which he presented the reading, translation and detailed historical analysis of the most significant monuments associated with this polity, primarily monuments of unknown origin [6]. Among the extremely important observations of Biro, one can note the assumption about the possible dating of the key text on the Denver and Brussels panels to the 690s, and not to the 640s, as previously assumed [6. P. 2–8]. Biro also presented his view on the political geography of the Lacanha Valley, following the model of Armando Anaya, and identified Saktz'i' with the Plan de Ayutla site, where archaeological research was being conducted at the time [7. P. 73–74], although Beliaev and Safronov had previously pointed out its remoteness from the main events in the Usumacinta Valley and identified it with another little-known polity of Ak'e' [5. P. 134]. In 2021, the author of the current work published a general dynastic list of the kingdoms of Ak'e', Xukanaah and Saktz'i', located nearby in the Lacanha Valley, but it contains a number of inaccuracies, as well as incomplete data, which have been revised in recent years [8].

Only in 2018, thanks to the fieldwork research project led by Charles Golden and Andrew Scherer, the archaeological site of Lacanja Tzeltal was discovered

in the Upper Lacanha Valley, with a large architectural core where they found a new well-preserved monument — Panel 1, dedicated to Saktz'i' kings K'ab' Chante' III and Chan Ek' [4], as well as numerous stelae damaged by looters with the remains of reliefs, the study of which was produced by Mallory Matsumoto [9]. Thus removing all doubts about the location of the main center of Saktz'i' kingdom. However, there is still no evidence of a connection between the toponym of the Emblem Glyph and this archaeological site. Moreover, Saktz'i' looks like a very atypical toponym for the Classic Maya, it lacks the usual locatives or toponymic suffixes, rather it could have been some kind of early title for the royal dynasty. We will attempt to summarize all available data on the history of Saktz'i', taking into account new finds, and present an up-to-date dynastic list of the kingdom, as well as trace the main stages of its development.

Early data on Saktz'i' kings

The initial period of the Saktz'i' history is currently poorly known, and conclusions can only be drawn based on episodic written evidences. However, a general idea of that polity origin can be provided by archaeological research at the main political center of Lacanja Tzeltal.

It was long believed that the earliest mention of the Saktz'i' king is a retrospective inscription on unprovenance monument known as the Caracas Panel (New York Panel), erected in the mid-8th century [10. P. 23]. However, the opening section of the text contains a reference to the early history of Saktz'i', reporting events in 564. The first passage is heavily damaged, making the exact reading difficult to determine: *Wak 'Ehb' ho' Muwaahn huli'? 'aj-...? ti-patal? ... aw yax k'uk' b'olon pih K'ab' Chante' Saktz'i' 'ajaw* — “(On the day of) 6 Ehb 5th (of) Muwaahn, he arrived? a man from ...? with a tribute? ... of green (feathers) of quetzal in abundance (measures of 400) (for) K'ab' Chante', king of Saktz'i'” (Caracas pan., A1–B5). The first date 6 Ehb 5 Muwaahn corresponds to 2 January 564, when the king K'ab' Chante' I, who received an offering in the form of many measures of quetzal feathers, was identified, as the earliest king of Saktz'i', ruling in middle 6th century.

The following passage also mentions the king's ritual activity: *lajcha' Kab'an ho' Chaksiho'm 'ochi' k'ahk' tu wayib'il 'Ahku'l Muuch 'Ahku'l Xukab'* — “(on the day of) 12 Kab'an, 5th (of) Chaksihom, fire entered the dwelling of Ahku'l Muuch Ahku'l Xukab'” (Caracas pan., A7–B9). Here we read that on November 2, 564, the temple of the deities Ahku'l Muuch and Ahku'l Xukab' was consecrated, and then three months later: *lajcha' 'Ik' laju'n Muwaahn patwaan 'aj-...n 'u-... 'Ahku'l Muuch* — “... (on the day) 12 Ik', 10th (of) Muwaahn was built by Aj... his-... ...? Ahku'l Muuch” (Caracas pan., A11–C2). So, it means on January 6, 656, the construction of the temple of Ahku'l Muuch was completed. The text does not contain any toponym that would indicate the place of construction, but

in all likelihood, we are talking about the initial stage of construction of one of the key temple structures in Lacanja Tzeltal back in the mid-6th century, which was subsequently rebuilt in the early 8th century.

However, a detailed analysis of one of the Early Classic monuments from the Upper Usumacinta Valley allows us to date the beginning of the dynastic tradition of Saktz'i' to the beginning of the 6th century. Piedras Negras Panel 12 is the earliest royal monument of Yokib' dynasty and one of the first hieroglyphic texts in the Upper Usumacinta region, dedicated to Yokib' king Yaat Ahk II, was erected in 518 in honor of the consecration of one of the temples in Piedras Negras. The beginning of the text reports on the erection of the monument in honor of the end of the Katun anniversary in 517. Further in the text Yaat Ahk II is called himself a vassal of the western *kalo'mte'* — the ruler of Teotihuacan Tajo'm Uk'ab' Tuun, from whom he received the regalia of power in 510 [11. P. 243]. At the same time, the scene on Panel 12 depicts the triumph of Yokib' king — four kneeling captives he had captured earlier. Although the exact date of this war is unknown, there is reason to believe that it is connected with the non-jubilee Initial Long Count date in the text, which refers to 514 BC. The titles of the two central captives were determined quite easily — the king of Pa'chan (Yaxchilan) Knot-eye Jaguar I [12. P. 120–121], and the king of Wak'ab'e' (Santa Elena Balankan) Witz' K'in Chaahk [13. P. 428]. The origin of the captive on the right is somewhat problematic to determine, but he lacks a royal title, which is probably why he is depicted separately from the kings on the left.

But the greatest debate surrounds the identity of the captive on the left; his name is legible enough — Ahku'l Mo', but the royal title following his name is heavily damaged. Previously, we assumed that the Emblem Glyph of Ak'e' was recorded with it [5. P. 120]. Then David Stuart put forward the idea that the text records the name and title of the Lakamtuun king Min' Chan Ahk, also mentioned on Lintel 35 from Yaxchilan [14]. However, despite the external similarity of the Emblem Glyph of the captive on Panel 12 with the title *Lakamtuun 'ajaw*, it is quite difficult to assume that the not dominant polity associated with the archaeological sites of Benemerito de las Americas and El Palma in the Lacantun Valley participated in the war against Yokib' at the beginning of the 6th century. Thanks to a series of digital photographs of Panel 12, produced by the Atlas Epigrafico de Peten project in 2015, we can obtain the following reading of the inscription on the left captive (Fig. 2): (Q1) 'u-B'AAH (R1) 'a-ku (Q2) MO' (R2) SAK-tz'i-'AJAW, 'u b'aah' 'Ahku'l Mo' Saktz'i' 'ajaw — “This is his image of Ahku'l Mo', king of Saktz'i'” (PNG:Pan.12, Q1-R2). Apparently, it contains the Saktz'i' Emblem Glyph, written in a rare variant using the syllabic sign *tz'i* (Fig. 3, a). This combination appears only twice: on Panel 1 from El Cayo in 772 (Fig. 3, b): SAK-tz'i-'AJAW (CAY:Pan.1, G3, M15), and on Stela 26 from Piedras Negras in 628 (Fig. 3, c): SAK-tz'i-'i 'AJAW. In all other examples from inscriptions at Lacanja Tzeltal, Bonampak, Yaxchilan, Tonina, and on monuments of unknown origin,

the Emblem Glyph is written using the logogram **TZ'I'** — “dog”, depicting the animal head (Fig. 3, d). Most likely, the syllabic variant **tz'i-(?i)** is a special form used exclusively in the Yokib' inscriptions, and therefore the example we found on Panel 12 belongs to this category.

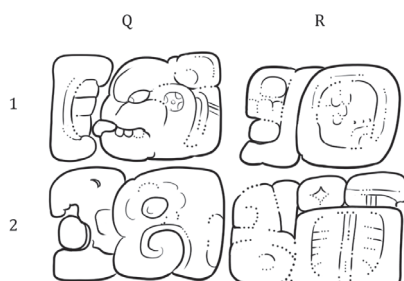

Figure 2. Piedras Negras, Panel 12, inscription fragment Q1-R2
Source: drawing by A. Safronov.

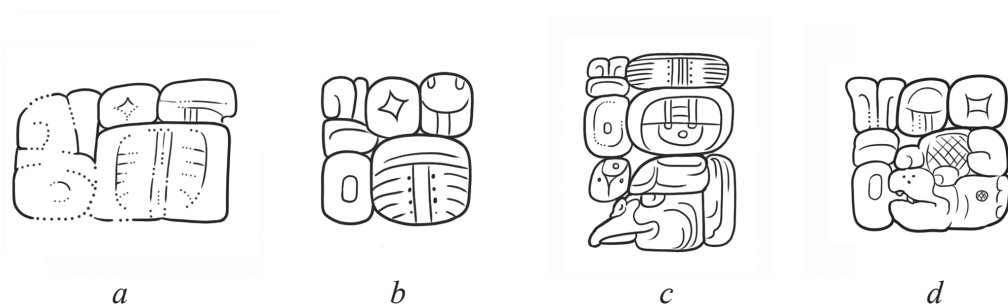

Figure 3. Examples of Saktz'i' Emblem Glyph: *a* — PNG:Pan.12, R2; *b* — CAY:Pan.1, G3; *c* — PNG:St.26, C2-3; *d* — Caracas pan., D5
Source: all drawing by A. Safronov.

Therefore, we can assume with some caution, that Panel 12 from Piedras Negras depicts one of the earliest kings of Saktz'i' Ahku'l Mo' as a prisoner captured around 514. His participation in the war against Yaat Ahk II, along with the kings of Pa'chan and Wak'ab'e', seems entirely logical — these three polities directly bordered the Yokib' territory to the south, east, and north. Consequently, the emergence of the royal dynasty in Saktz'i' should be dated late 5th century. Firstly, this is consistent with archaeological data, namely the finds of traces of Early Classic architecture on the Lacanja Tzeltal Acropolis [4. P. 11]. Secondly, such a late emergence of royal power in Saktz'i' was probably one of the reasons for the complete absence of *k'uhul* (“sacred”) prefix in the titles of local kings, which was traditionally bestowed upon the most ancient and authoritative

dynasties [11. P. 71–72]. A similar example is the neighboring Xukalnaah kingdom, with its centers at Lacanha and Bonampak, whose kings also begin to be mentioned from the early 6th century. However, the *k'uhul* prefix was added to their title only at the end of the 8th century. At the same time, the kings of the small polity of Ak'e', mentioned in Yaxchilan inscriptions since approximately the early 5th century, also located in the Lacanha Valley and presumably associated with the archaeological site Plan de Ayutla, used the *k'uhul* title already about 600 CE [8. 154, 157–159].

The rise of Saktz'i' in the 7th century

However, there follows a gap in the dynastic history of Saktz'i', which is due to the lack of informative sources on the political history of Lacandon area in the late 6th and early 7th centuries. The next mention of Saktz'i' king dates only to 625, and it is again associated with the military and political activities of Yokib' king. Stela 26 from Piedras Negras depicts K'ihnich Yo'nal Ahk I with two captives, the one on the left is named *K'ab' Chante' Saktz'i' ?ajaw* — “K'ab' Chante', king of Saktz'i'” (PNG:St.26, C1–3), and the captive on the right is named *Ch'ok B'ahlam ?ajk'uhuu'n k'uhul B'aakal ?ajaw* — “Ch'ok B'ahlam, ajk'uhuu'n of the sacred king of B'aakal” (PNG:St.26, D1–3). This likely refers to a second known Saktz'i' king, named K'ab' Chante', who reigned in the first quarter of the 7th century. but is not mentioned elsewhere. Stela 26 was erected on the anniversary date in early 628, but the events associated with the capture of Saktz'i' king occurred two and a half years earlier in October 625 (there are also possible dates for the event in 624 and 627). Unfortunately, the damage to the inscription does not allow us to determine the details of the events [12. P. 142–143; 6. P. 2].

K'ab' Chante II participation in the war against Yokib' is quite understandable; it was a continuation of the confrontation that began back in 514. It temporarily subsided in the mid-6th century, when Yokib' entered a period of 40-years hiatus, which apparently allowed Saktz'i' to gain a foothold in the political relations of the Upper Usumacinta region. But that military and political confrontation resumed after the accession of K'ihnich Yo'nal Ahk I in 603, and Saktz'i' apparently found later an ally in the young Baakal king K'ihnich Janaab' Pakal I, who was rivaling Yokib' in the Middle Usumacinta area [12. P. 164–165].

However, known inscriptions from the mid-7th century do not contain explicit references to the kingdom of Saktz'i', but indirect evidence allows us to judge its growing power in the Lacandon area. Panel 4 from Piedras Negras, one of the most important, but poorly preserved, monuments dedicated to the reign of K'ihnich Yo'nal Ak I, reports: (E7) [B'OLON-?OK^{day}] (F7) [HUUX-CHIK-ni] (G1) **KAJ-yi tu-CH'EE'N-na?** (H1) **?pe-e-TUUN-ni** (G2) **yo-?o-NAL-?a-ku**, *B'olon ?Ok huux Chikin kajaay tu ch'een? Pepe'tuun Yo'nal ?Ahk* — “(On the day of) 9 Ok 3rd (of) Chikin settled in his city Pepe'tun Yo'nal Ahk” (PNG:Pan.4, E7–G2). The date of the event has not been preserved, but it can be reconstructed based

on the calculation of distance numbers and refers to 9 Ok 3 Chikin, 9.9.18.6.10 = June 18, 631, and the previously unclear event [6. P. 5], was determined after D. Beliaev and A. Davletshin read the mediopassive verb root — logogram T550 as **KAJ** — “to settle, to found” [15. P. 591]. Thus, the passage *kajaay tu-ch'een' Pepe'tuun Yo'nal 'Ahk* (Fig. 4) speaks of the founding of a new city.

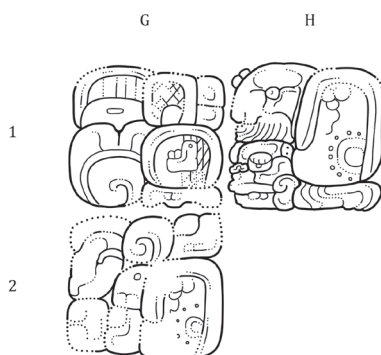

Figure 4. Piedras Negras, Panel 4, inscription fragment G1-G2
Source: drawing by A. Safronov.

This toponym, containing a sign depicting a rabbit head, was previously identified by David Stuart and Stephen Houston as “Rabbit Head Stone” [16. P. 37, 40], and subsequently associated by John Montgomery with the archaeological site of La Mar, located in the Budsilja Valley, southwest of Piedras Negras [17. P. 176–183]. The modern reading of the sign in the form of a rabbit head as a syllabic **pe**, proposed by A. Davletshin and D. Beliaev, as well as the presence in several examples of the syllabic substitution **pe-ʔe-TUUN-ni**, determined the reading of the toponym as *Peʔtuun* — “Fenced with stone”, “Stone fence” [18. P. 35–37]. However, Simon Martin pointed out the presence in most examples of the syllabic **pe** (including Panel 4 from Piedras Negras) of two dots, as the doubling determinative, which gives the reading of the toponym as *Pepeʔtuun* [11. P. 271], Davletshin and Beliaev believe that this toponym could have had a Zoquean origin [18. P. 35–37]. Nevertheless, the very fact of the founding in 631 of a new center directly subordinate to the Piedras Negras king on the southwestern border of Yokib’ at the foot of the Sierra Guiral, speaks to the importance of this direction in the policy of K’ihnich Yo’nal Ahk I. Apparently, *Pepe’tuun*, as a strategic center, was intended to block a convenient pass in the Sierra Guiral, which led from the Budsilja Valley to the Santo Domingo Valley formed a single space with the Upper Lacanha Valley. Obviously, by this time, Saktz’i’ could control all this territory southwest from Yokib’ and also lay claim to lands directly in the Usumacinta Valley.

The event depicted on Panel 2 of Piedras Negras, dated to 658, can be explained by the expansion of Saktz'i' influence in the Lacandon area. This is one of the most famous monuments of Piedras Negras, exhibited in the Peabody Museum (Harvard University), was erected in 667 and dates to the reign of Yokib' king Itzam K'an Ahk III [12. P. 143–144]. The main text on the panel reports on the ritual taking of *ko'haw* — a Teotihuacan type helmet, in 658, which was a repetition of the ritual *ko'haw* taking previously performed in 510 by Yaat Ahk II, who received the regalia of power from the hands of the Teotihuacan *kalo'mte' Tajo'm Uk'ab' Tuun* [11. P. 243]. The iconographic scene precisely conveys this ritual, it depicts Yokib' king, his heir and 6 vassals, dressed in Teotihuacan-type ammunition, but researchers disagree on which event is depicted there: 510 or 658. Simon Martin believes that Panel 2 reproduces the scene of 510, based on the fact that the feathers of the king's headdress indicate the name Yaat Ahk II in the main inscription, the depicted heir to the throne, Joy Chitam Ahk, did not succeed Itzam K'an Ahk III, therefore, he could be the successor of Yaat Ahk II and been an unknown king of the mid-6th century, also Megan O'Neil pointed out the similarity of the Teotihuacan helmet on the king of Stela 7 from Lacanha, installed in 593, with the helmets received by the lords of Xukalnaah on Panel 2 [11. P. 243]. However, we do not agree with this point of view, a number of facts showing to the depiction of the event of 658. 1) It is known that Itzam K'an Ahk III was succeeded by K'ihnich Yo'nal Ahk II in 686, but he was born only in 664 [12. P. 145], so he could not be present at the scene of 658, and was probably the youngest son, while the eldest Joy Chitam Ak was considered the heir, but possibly he died before his father; 2) In the ceremony scene of 510, *kalo'mte' Tajo'm Uk'ab' Tuun* should rather be depicted handing over the regalia of power, as in the murals of Uaxactun presents the king “Sunraiser” who depicted receiving investiture from the Teotihuacan emissary K'ihnich Mo' [19. P. 48–52]; 3) The list of participants of the ceremony is impossible to imagine in 510, but is logical for 658. Six local lords participate in the ceremony: one from the kingdom of Ak'e', one lord of the land of K'ana' from Pa'chan, and four lords from Xukalnaah (a canoe leader (*'aj payaal jukuub'*), lords from Saklakal, Patalaak and B'uhb'ulha'). The Panel 12 from Piedras Negras shows Pa'chan king who was defeated only in 514, so it is unlikely that a member of the royal house took part in the ceremony as a vassal of Yokib' king in 510. Xukalnaah polity was only formed at the early 6th century and it is unlikely at that time it possessed a complex system of territorial organization, including three areas under lord's power. And besides, among the participants there is no Xukalnaah king himself, who was supposed to receive *ko'haw*, so that his successor could be depicted in a helmet on Stela 7 from Lacanha. 4) Also, local lord title, written according to the formula *'aj <toponym> <Emblem Glyph>* (as: *'aj B'ubulha' Xukalnaah 'ajaw*), which represent three Xukalnaah nobles, were formed only at the beginning of the 7th century, but at the early 500s, only kings could bear the Emblem Glyph at that time [20. P. 120–121].

However, if we look at the composition of the participants in relation to the political situation in 658, a curious picture emerges. All the lords depicted come from the Lacandon area: Pa'chan lord from K'ana' probably represented one of the border regions in the southwest from Yaxchilan (for example El Chicozapote); Ak'e' polity is associated with the archaeological site of Plan de Ayutla; Xukalnaah lordship of B'ub'ulha is more likely associated with the site of Ojos de Agua [21. P. 40]; Patal(aak), also known as Knot-site, is affiliate with the archaeological site of Nuevo Jalisco, the place of origin of the mid-8th century. Xukanaah king Knot-eye Jaguar [8. P. 160]; and a possible location for Saklakal is the site Kanankax (Rancho Ojo de Agua), since this place is closest to the territory to Pa'chan, who fought with Saklakal in 642 and 689 [5. P. 125; 8. P. 159]. Thus, all of six Yokib' vassals participating in the ceremony were concentrated in the south and were all located in close proximity to Saktz'i' territory. Thus, we believe that the ritual of ko'haw taking in 658 was due to the growth Saktz'i' kingdom influence in the Lacandon area and the formation of a coalition against it by Itzam K'an Ahk III.

At the end of the 7th century, the number of references to the Saktz'i' increases sharply, which is associated with the appearance of monuments of the Saktz'i' kings themselves, many of which have no precise archaeological attribution, but it should be assumed that they came from Lacanja Tzeltal. Archaeological research has revealed approximately 70 monuments, most of which have been damaged by looters [9]. To date, only one complete monument has been discovered in Lacanja Tzeltal — Panel 1, which is dedicated to events from the late 7th to the first half of the 8th centuries.

The main source for dynastic history in the late 7th century is an inscription on two unprovenance panels, one is exhibited in the Denver Art Museum, the other in the Royal Museums of Art and History of Brussels [5. P. 124; 6. P. 2–4]. The inscription is a continuous text, but the panels are not fragments of a single monument, but rather separate blocks or sides of a stela, and most likely come from Lacanja Tzeltal. The inscription contains only cyclic dates, which were initially dated by Linda Schele and Nikolai Grube, who proposed dating the events to 636 and 641 [1. P. 116], but Peter Biro suggested a different dating option 52 years later — 688 and 693 [6. P. 6–7], Alexander Safronov showed, on the basis of a comparison with synchronous texts from Tonina, that it is the later dating most reliable [22. P. 180–184].

Let us briefly recap the events recorded in the inscriptions on the Denver and Brussels panels and highlight the key points. It begins with a report of an action concerning K'ihnich Yo'nal Ahk II, who is called the king of K'ihn (the second Emblem Glyph of the Piedras Negras kings), which took place on February 14, 688, what was ordered by Saktz'i' king K'ab' Chante'. This is the third king under same name, and likely the most powerful in the history of the Saktz'i' dynasty. The chronology then goes on to present the events day by day: on April 5, 693, K'ab

Chante' III repelled the attack of Nikte' Mo', the king of the small polity of Pepe'tun; the next day, April 6, he beheaded Nikte' Mo', and references to the Pepe'tuun kingdom disappear until the mid-8th century. Then, two days later, on April 8, 693, K'ab' Chante' III won a new victory and captured the Ak'e king Juu'n Ich'aak Mo', who was accompanied by Yab'a...l, "a person from K'ante'l," and another day later, on April 9: ...*pehkaj Yab'a...l 'aj K'ante'l 'aj K'inyaha' 'aj Chaktoo'k'al 'aj ... us 'aj-Paniil 'aj 'Atuun 'aj 'Ab'ua' pehkaj y ichnal K'ab' Chante' Saktz'i' 'ajaw* — "Yab'a...l, a person from K'ante'l, people from K'inyaha', people from Chaktoo'k'al, people from sa, the people from Paniil, the people of Atuun, the people of Ab'ua', they were called in front of K'ab' Chante', the king of Saktz'i'" (Brussel pan., pD5–pD8) [22. P. 179–180].

Here, the following details should be noted. First of all, the events take place during the beginning of the reign of Yokib king K'ihnich Yo'nal Ahk II, only 2 years after his accession. The unknown event could have been a defeat in war or another form of political subordination to the Saktz'i' king, which once again confirms our idea of the growth of Saktz'i' power in the mid-7th century and the formation of a coalition of vassals against it in 658. The emergence on the political arena of the Pepe'tun polity, which, as indicated on Panel 4 from Piedras Negras, was initially some kind of lordship under Yokib' ruling, was caused by the military and political events of the early 690s. The inscription on Monument 91 from Tonina reports the defeat inflicted on the king of Nikte Mo' by the Popo' king K'ihnich Baaknal Chaahk, during which a man from Pepe'tun Chan Maas was captured. That noble captive was presented on Monuments 72, 84 and 147, as well as a captive statue from the Ballcourt. Moreover, the date of Chan Maas capture corresponds on March 17, 693, only 18 days before Nikte' Mo' attack on Saktz'i' [22. P. 182–186; 11. P. 271]. The emergence of royal power in Pepe'tun was apparently connected with the military campaign of the Baakal king K'inich K'an B'ahlam II, which took place between 688–692, it was directed against Yokib' and covered the entire region of the left bank of the Usumacinta and Budsilja Valley. Most of the prisoners captured by K'ihnich Baaknal Chaahk are called *'u-yajaw 'Aj Pitzil Baakal 'ajaw* — "he is a vassal of the Ballplayer, the king of B'aakal" (the title of K'ihnich K'an B'ahlam II) [11. P. 269–272]. It's possible that the conquests of K'ihnich K'an B'ahlam II and the unknown event of 688 involving the Piedras Negras king K'ihnich Yo'nal Ahk by the order Saktz'i' king, are connected, suggesting a coalition between B'aakal and Saktz'i'. This would be a logical continuation of the event of 625 mentioned on Stela 26 from Piedras Negras, and also explains why Nikte' Mo', after the defeat of March 18, 693, attacked the land of K'ab' Chante III on April 5.

No less important is the final passage, which reports on the victory over Ak'e' and the ceremony involving people from the Ak'e' region on April 8–9, 693. Literally the day after the defeat of Ak'e' king Juu'n Ich'aak Mo', his subordinate person Yab'a...l led a procession of people summoned to the Saktz'i' king to recognize his political authority over the kingdom. This fragment includes a list of six toponyms

associated with the Ak'e' polity, which are written using the formula *'aj* <toponym>, and differs from the title of Yab'a...l — <name> *'aj* <toponym>, where the agentive prefix *'aj*- means “the one who...”, “a person from...”. Dmitri Beliaev and Albert Davletshin showed that in this case, when the toponym is written without a name, we are talking about a group of people of low rank, that is, the agentive prefix has the meaning “people from ...” and, apparently, denotes a group of community members or representatives of communities [18. P. 32, 33, 39]. In other words, here are list of six communities (towns) that were part of the Ak'e' polity, obviously, formed the core of its territory, as well as one area represented by Yab'a...l — a person of noble rank, who collectively recognized the authority of K'ab' Chante' III. That action gave the Saktz'i' king a reason to declare himself the king of Ak'e'.

It was after the events of 693 that K'ab' Chante' III invariably used the second royal title, so in the retrospective text on the Caracas panel under 706 in the entry for the consecration of the temple of K'ab' Chante' III it says: *'u kab'jiy 'Aj Yax ... K'ab' Chante' k'uhul 'Ak'e' 'ajaw* — “he ordered this Aj Yax ... K'ab' Chante', the sacred king of Ak'e'” (Caracas pan., C12–D13) (Fig. 5).

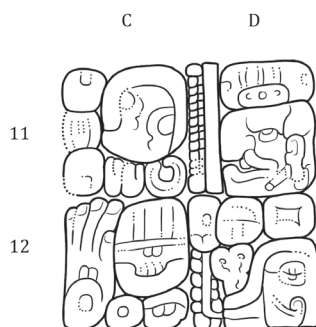

Figure 5. Caracas (New York) panel, inscription fragment C11–D12
Source: drawing by A. Safronov.

At the bottom of Panel 1 from Lacanja Tzeltal, installed by king Chan Ek' in 775, there is an image of K'ab' Chante' III with an axe and a manopla in his hands — attributes of the Chaak deity, and the text is written [4. P. 12–14]: (P1) **WAK-HIXday** (Q1) **HUK-SUUTZ'** (Q2) **JUB'?'-yi** (R1) **HUK-...-B'OLON** (S1) **pa-...-ma** (S2) **K'AWIIL** (S3) **[?AJ?]** (T1) **...-b'u-'a** (U1) **'u-KAB'-ji-ya** (U2) **K'AB'-CHAN-TE'** (U3) **[SAK]-TZ'T'-AJAW-wa** (V1) **K'UH-'a-k'e-'AJAW** (V2) **b'a-ka-b'a**, *Wak Hix huk Suutz' jubuuy? Huk ... "B'olon" Pa...m K'awiil 'aj ...b'ua' 'u kab'jiy K'ab' Chante' Saktz'i' 'ajaw k'uhul 'Ak'e' 'ajaw, b'akab'* — “(On the day of) 6 Hix, 7th (of) Suutz' fell down 7 'Band'... (object) of Pa...m K'awiil, a person from ...b'ua', he ordered this K'ab' Chante', king of Saktz'i', the sacred king of Ak'e', b'akab'” (LTZ:Pan.1, P1–V2). The date of the event corresponds to April 26, 703,

and, apparently, this represents another act of the military and political struggle for Ak'e'. The captive mentioned in the text is most likely associated with the toponym Ab'ua', which is present in the list of persons from Ak'e' on the Brussels panel in 693. An inscription on a column of unknown origin from the collection of the Museum of Fine Arts in St. Louis reports that on July 10, 702, "Etz'nab" Chow, who calls himself *yajaw* (vassal) of the king of Popo' K'ihnich B'aaknal Chaahk, became the sacred king of Ak'e'. Moreover, the monument was erected in 715 in honor of the 13th anniversary of the reign of "Etz'nab" Chow [11. P. 255]. Apparently, Tonina king invaded the Lacandon area again in 702, recaptured the Ak'e' polity and installed his protege, what led to a new war in 703, although in 3 years later K'ab' Chante' continued to be called the sacred king of Ak'e', but apparently the final victory of Saktz'i' was achieved only after 715.

In the lower left corner of Lacanja Tzeltal Panel 1 there is another partially preserved fragment of text that contains an important date (Fig. 6). The fragment opens with the date: (H1) **B'OLON 'OK^{day}** (I1) **HUUXLAJU'N K'AN-JAL-wa** (H2) **SIH-ya-(ja) K'AB'-CHAN-TE'**, *B'olon 'Ok huuxlaju'n K'anjalaw sihyaj* — "(On the day of) 9 Ok, 13th (of) K'anjalaw he was born K'ab' Chante'" (LTZ:Pan.1, H1-I2). Stephen Houston suggested that the date corresponds to February 26, 721 and reflects the birth date of the next king in the dynasty named K'ab' Chante', but such a king is unknown from other monuments. Therefore, we believe that the birth date should be dated 52 years earlier — March 10, 669, which is most likely the birth date of K'ab' Chante' III. That is, he ascended the throne before 688 at the age of about 17–19 years, what explains his long reign until 740 (the date of death is recorded in the main text of Panel 1 from Lacanja Tzeltal) [4. P. 13].

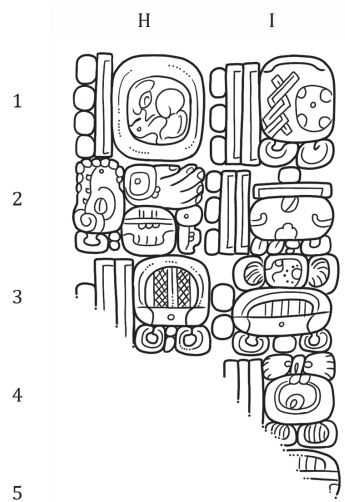

Figure 6. Lacanja Tzeltal, Panel 1, inscription fragment H1-I5
Source: drawing by A. Safronov.

The fragment continues with a distance number, the subsequent Tzolk'in date is lost, but can be reconstructed: (I2) **HUUXLAJU'N-WAK-WINIK-ji-ya** (H3) **B'ULUCH-HAA'B'** (I3) **CH'A'-WINAAK-HAA'B'-ya** (H4) [**HUUX 'AKAB'**^{day}] (I4) **WAKLAJU'N-ma-ka** (H5) ...? (I5) [**K'AB'**]-CHAN- [TE'], *Huuxlaju'n(he'w) wak winikjiy b'uluch haa'b' ch'a' winaakhaa'b' huux 'Akab' waklaju'n Mak ... K'ab' Chante' ...* — “(in) 13 days, 6 months, 11 years, 2 20-years, (on the day of) 3 Akab', 16th (of) Mak ... K'ab' Chante' ...” (LTZ:Pan.1, I2-I5). Houston suggested, based on the dating of the first event, that the second date corresponds to October 15, 771, which was possibly associated with the accession of K'ab' Chante' IV [4. P. 13]. However, from our point of view, the accession of a 51-year-old heir seems unlikely, and given our dating of the first event, the second date should remove on October 28, 719. Most likely, this is not an accession, but some political event, possibly the final adoption of the title of Ak'e' king, since later his successor Chan Ek', during the celebration of the 5-years ending in 775, mentions some regalia of K'ab' Chante' III [4. P. 12–13].

This version is also supported by an inscription on the Stendahl Panel (Zurich Panel), originating from the Bonampak area [6. P. 8–11]. The inscription is dedicated to *sajal* from Xukalnaah kingdom, possibly from the land of Saklakal, who calls in 726 his ruler Yajawte' K'ihnich Chak Chij, “king of Xukalnaah”, who, in his turn, is called himself *yajaw K'ab' Chante' Saktz'i' ajaw k'uhul Ak'e' ajaw* — “vassal of K'ab' Chante', the king of Saktz'i', the sacred king of Ak'e'” (Stendahl pan., G8–F10) [5. P. 127]. It is important here that K'ab Chante' III status as king of Ak'e' is confirmed by contemporary external sources, not just retrospective texts. Besides the kingdom of Ak'e', he also brought Xukalnaah, located in the Middle Lacanha Valley, under his subordination. The intense, a long struggle for the title of Ak'e' king is explained by the presence of the *k'uhul* prefix in this Emblem Glyph, which Saktz'i' kings never possessed. By securing it for himself, K'ab' Chante' III thus classified his lineage among the ancient, revered dynasties.

The apogee and decline of Saktz'i' in the 8th–9th centuries

The period 720–770 marked the apogee of the Saktz'i' power. At the end of his reign Kab' Chante' III controlled mostly the Lacandon area and apparently conquered lands in the Upper Usumacinta Valley. The original royal dynasty of Ak'e' disappeared from written sources, and the accession to power of Xukalnaah kings was directly sanctioned by Saktz'i' ruler. Moreover, it was not representatives of the main royal lineage who were appointed to the throne, but rather local lords related to the royal house. Panels 1 and 2 from Nuevo Jalisco (El Cedro Panels) tell the story of a lord from the Patal lineage named Knot-Eye Jaguar. According to the inscription on Panel 1, he was born in 728 and in 732 a certain Lam K'ihnich Chaahk, possibly his father, died [6. P. 12]. Further, at the beginning of the inscription on Panel 2, the coronation of the

Knot-Eye Jaguar is reported: (A1) **WAXAK-** [^ʔAJAW^{day}] (B1) **HUUX-ma-ka** [JOY]-ja (A2) **...-B'AhLAM-ma** (B2) **ʔu-KAB'-ji-ya** (A3) **K'AB'-CHAN-na-TE'** (B3) **SAK-TZ'T'-ʔAJAW-wa**, *Waxak ʔAjaw huux K'anjalaw johyaj ... B'ahlam ʔu kab'jiy K'ab' Chante' Saktz'i' ʔajaw* — “(On the day of) 8 Ajaw, 3rd (of) Mak was bound (to the kingship) ... B'ahlam, he ordered his K'ab' Chante', king of Saktz'i'” (NVJ:Pan.2, A1–B3) (Fig. 7). For a long time, the dating of this event was problematic, since the Tzolk'in day sign is written without a cartouche and the date according to Haab is badly damaged, so the date 8 Ajaw 3 K'anjalaw = 16 February 717 was proposed, which would mean that this refers to the accession of Yajawte' K'ihnich Chak Chij, mentioned in the Stendahl Panel in 726 [5. P. 127; 6. P. 12–14]. However, from our point of view, a different date is recorded there: 8 Ajaw 3 Mak = 9 October 737, in that case it chronologically continues the text on Panel 1, and reports on the coronation of the Knot-Eye Jaguar as Xukalnaah king, who was only 8 years old at that time. Further he is mentioned in Panel 1 of the Lacanha, established in 746 by Aj Sak Teles, who calls himself: *ʔu sajal ... B'ahlam ʔAk'e' ʔajaw, Xukalnaah ʔajaw ʔaj Patal* — “he is his sajal ...-B'ahlam, king of Ak'e', king of Xukalnaah, the person from Patal” (LAC:Pan.1, D3–D5) [5. P. 127; 8. P. 160].

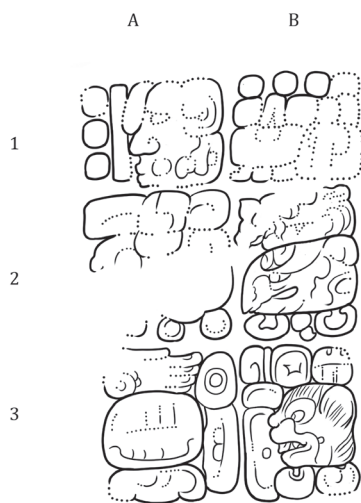

Figure 7. Nuevo Jalisco (El Cedro), Panel 2, inscription fragment J2–J3
Source: drawing by A. Safronov.

This raises the question of the reasons for the use of the double Emblem Glyph by the Knot-Eye Jaguar in the 740s, especially the title *ʔAk'e' ʔajaw*, since from 719 it was held by K'ab' Chante' III, who was the overlord of Xukalnaah kings. It becomes clear from the text on Lacanja Tzeltal Panel 1, that K'ab' Chante' III died around 740, and his tomb, where he rested with his wife, was

consecrated on November 11, 740 [4. P. 13–14]. It is also quite remarkable that the king, who died at the height of his power, is given the name K'ihnich K'ab' Chante' — “K'ab' Chante' the Great”, the first king to be awarded the theofornic part of his name. Moreover, the consecration ceremony of the tomb was conducted by a person named (U)cha'n B'olon, who also called *Saktz'i' ajaw*, but he died six months later, on May 30, 741 [4. P. 13–14]. No details about him are provided in the text, but it can be assumed that he was the successor, possibly the elder son of brother, of K'ab' Chante' III. His short reign could have caused a dynastic crisis, as a result of that Saktz'i' kings lost the right to use the second Emblem Glyph for some time, since its adoption was of an individual nature and was determined by the oath of allegiance of the people of Ak'e' personally to K'ab' Chante' III. [8. P. 160].

The next known king of Saktz'i' is Chan Ek', who erected the Lacanja Tzeltal Panel in 775, however, the family ties of K'ab' Chante' III, (U)cha'n B'olon and Chan Ek' are not entirely clear; they could have been grandfather–father–grandson, or the last two could have been the eldest and youngest sons of K'ab' Chante' III [8. P. 161]. The next event in chronology is recorded on the Caracas Panel, where the third, and heavily damaged, part of the text opens with a Long Count: 9.16.3.10.11, 6 Chuwen 9 Muwaahn = November 20, 754 [6. P. 15–18], unfortunately, the verb after the date has not been preserved, but in the second block after the date is looks similar to the possessive noun *tu-b'aahil* — “on his head” (Caracas pan., H3), so it is possible that this refers to the coronation of a new king: [*k'ahlaj huu'n*] *tu-b'aahil* — “the band was presented on his head”. Considering that the date is not a period ending and is recorded by the Long Count in the middle of the text, this may indicate the special importance of the event. The name of the protagonist has always been a subject of debate; previously we associated him with Aj Sak Maax, who is mentioned in Panel 1 from El Cayo, while the inscription next to the king's image records a different name: *Ti' Muwaahn Chak Sa'* (Caracas pan., M1–M2). However, a detailed analysis of the last damaged part of the main text reveals the presence of the following entry: ... (J2) **CHAN-na-²EK'** (I3) **K'UH-²a-k'e-²AJAW** (J3) **SAK-TZ'T-²AJAW** ..., ...*Chan ²Ek' k'uhul ²Ak'e' ²ajaw Saktz'i' ²ajaw* ... — “...Chan Ek', sacred king of Ak'e', king of Saktz'i'...” (Caracas pan., J2–J3) (Fig. 8). Thus, the panel was erected by Chan Ek' in honor of his accession to the throne, which occurred only 13 years after the death of (U)Cha'n B'olon, and the last date inscribed on it is dated 756. While the unclear name of Ti' Muwaahn in my opinion could belong to the person depicted below, who brought an offering to the king. He has Saktz'i' Emblem Glyph in his title, so, he could have been either another representative of the royal dynasty, or the sajal of the king if the title *²u-sajal* (Caracas pan., K2) was written after his name. It is important that Chan Ek' also use a double Emblem Glyph in his title, following his ancestor K'ab' Chante' III.

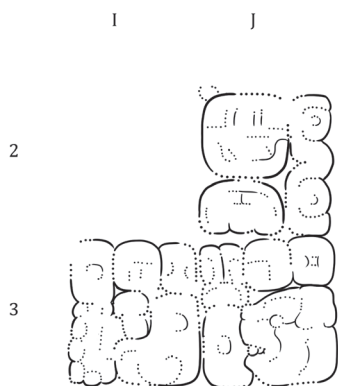

Figure 8. Caracas (New York) panel, inscription fragment J2–J3
Source: drawing by A. Safronov.

The name glyph Chan Ek' is also identified in the inscription on Stela 10 from Yaxchilan. This is a 5-years anniversary monument of the Pa'chan king Yaxuun B'ahlam IV, erected in 766. Its obverse depicts Yaxuun B'ahlam in warrior dress, surrounded by two nobles and one captive. A fragment of the inscription has been preserved next to the king's head: ... (H1) [ʔOCH] tu-CH'EEʔN (H2) CHAN-ʔEK' ...
... (I1) K'UH-KAJ-ʔAJAW (I2) K'UH-PAʔ-CHAN-ʔAJAW. ... ʔoch tu ch'eeʔn Chan ʔEk' ... k'uhul Kaaj ʔajaw, k'uhul Paʔchan ʔajaw — "...he entered to the land of Chan Ek' ... the sacred king of Kaaj, the sacred king of Pa'chan" (YAX:St.10, H1–I2) (Fig. 9). The text refers to the invasion of Pa'chan forces into the territory of Saktz'i', and this is the first known war between these two polities. Since from the beginning of the 6th century, judging by Panel 12 from Piedras Negras, Saktz'i' and Pa'chan should be situational allies against Yokib'. The date of the event is unknown, it certainly took place before 766, and the inscription supports our idea of Chan Ek' accession to the throne of Saktz'i' in 754. However, during the same period, another ruler used the title *Saktz'i' ʔajaw* — Aj Sak Maax is mentioned in Panel 1 of El Cayo as the person, who sanctioned the accession to the power of two sajals of Yaxniil — very important sajaldom under subordination of Piedras Negras. First, in 763, Aj Sak Maax confirmed the sajal of Aj Chak Sinam K'utiim, and in 772, his successor, Chan Panak Wayaab' Aj Yax Sinam K'utiim. Two kings of Yokib' also participated in these events, the burial of the previous sajal was carried out by Yo'nal Ahk III in 763, and the king Ha' K'in Xook is mentioned before the event in 772 [6. P. 20–24; 12. P. 151].

A rather strange situation arises when two rulers with the title *Saktz'i' ʔajaw* appear simultaneously in inscriptions between 754 and 775. However, the subscription to the captive on Stela 10 from Yaxchilan partially explains the situation: (I1) ʔa-SAK-MAAX (I2) (K)OXʔ-ku-lu-ʔa (I3) CHAN-ʔEK' (I4) SAK-TZ'ʔ-ʔAJAW, *Aj Sak Maax (k)oxkuluaʔ Chan ʔEk' Saktz'i' ʔajaw* — "Aj Sak Maax, (k)oxkula of Chan Ek' the king of Saktz'i'" (Fig. 10). In this inscription, both names of Aj Sak Maax and Chan Ek' are mentioned in succession, and there is an incomprehensible block I2 between them. There are two possible options:

1) These are parts of the same name, in that case we are talking about the same person, and the name Aj Sak Maax could have been Chan Ek's childhood name. A similar formula is presents in the name of K'ab' Chante' III — 'Aj Yax ... K'ab' Chante' (Caracas pan., D11-C12), but then it is not clear why only the first part is recorded on Panel 1 from El Cayo; 2) Block I2 could be a title showing the relationship of Aj Sak Maax to Chan Ek', and it is similar to the poor-understood title (*k*)*oxkula'*, which is found in the titles of some rulers, in particular on the Palenque Hieroglyphic Stairway in the title of Ut-...-Chan, the lord of Kaanu'l, who devastated Lakamha' (Palenque) in 599 (PAL:HS, C1–D1), as well as the king of Kaanu'l Yukno'm Yichaak K'ahk' before his accession (CRN:Pan.1, O4–P4), the title could mean either the heir or the warrior of the king [23. P. 63–65]. However, the absence of an ergative pronoun in this example, denoting one person's belonging to another, raises problems in the interpretation of the title.

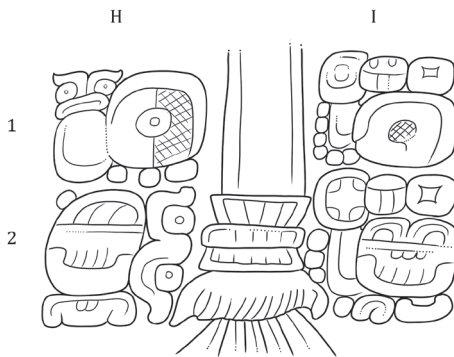

Figure 9. Yaxchilan, Stela 10, inscription fragment H1–I2
Source: drawing by A. Safronov.

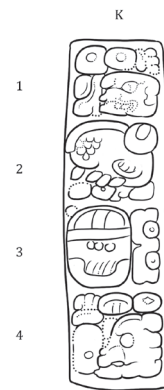

Figure 10. Yaxchilan, Stela 10, inscription fragment K1–K4
Source: drawing by A. Safronov.

If we assume that a title is recorded here, then Aj Sak Maax was certainly a member of the royal house and was possibly a close relative of Chan Ek' and could have kind of governor. The appointment of the sajals is Yaxniil clearly indicates that Saktz'i' conquered lands to the north in Upper Usumacinta Valley and Aj Sak Maax could have been appointed the ruler in the conquered regions. Chan Ek's conquests were so extensive that Saktz'i' reached the borders of Pa'chan, approximately in the area of Santa Clara Lake, leading to war around 766. Apparently, in this capacity, he was captured by Yaxuun B'ahlam IV between 763 and 766, but he did not die, returning from captivity before 772. Anyway, Chan Ek' himself reigned until 775, and his foreign policy successes allowed him to erect a monument in honor of his predecessor K'ab' Chante III, and to assert his claim to the title of "sacred king of Ak'e"

However, after 775, Saktz'i' power declined. Chan Ek's successor was likely Yehte' K'ihnich, who continued his predecessor's policies but was unable to maintain his conquests in the Upper Usumacinta. As early as 748, Pa'chan's

protégé the sajal Aj Sak Teles came to power in Bonampak. His son, Yajaw Chan Muwaahn II, ascended the throne in 776 as king of Xukalnaah and Ak'e', laying claim to the domains of Saktz'i'. Thus, a coalition of Pa'chan and Xukalnaah was formed, supported by a dynastic marriage between the two royal houses, which got a major victory over Saktz'i' in early 787 [5. P. 131]. Lintels 1 and 2 from Bonampak report that the united forces of the Pa'chan king Itzam Kokaaj B'ahlam IV and Yajaw Chan Muwaahn II, four days apart, on January 9 and 13, 787, defeated two units of Yehte' K'ihnich and captured two of his warriors (captains) [6. 24–26; 8. P. 162]. It was in honor of this victory that Yajaw Chan Muwaahn II build a temple in Bonampak in 791, decorated with magnificent murals inside [12. P. 135–136].

We do not know how long Yehte' K'ihnich reigned after 787, but the name of another king from the late 8th century has been preserved in the inscription far from Lacandon area. A fragment of Monument 83 from Tonina depicts a tied captive, next to whom is an inscription stating: ... *Chapaht k'uhul Popo' 'ajaw jub'uuy 'u kabch'ee'n Jatz' Tokal 'Ek' Hix Saktz'i' 'ajaw* "... Chapat, the sacred king of Popo', his city fell, of Jatz' Tokal Ek' Hix, king of Saktz'i'" (TNA:Mon.83. B1–D4). The inscription refers to the defeat of Saktz'i' king's capital; the exact date of the war is unknown, but presumably occurred between 790–800 CE, and the loser, Jatz' Tokal Ek' Hix, was likely the successor of Yehte' K'ihnich. However, the name of the captive has not been preserved, and it is possible that he was not a king, in that case the reign of Jatz' Tokal Ek' Hix continued after 800, but the kingdom lost most of its possessions and political power in the region.

The last mention of Saktz'i' kingdom dates back to the mid-9th century, and is contained on an unprovenance monument known as the Randal Stela (Lausanne Stela), erected on the anniversary date in 864 in the honor of the sajal B'ahlam Chij Kayu K'uk' Maax. The text reports his death in 863 and the consecration of his tomb six months later in 864 [6. P. 27–30]. But the main point of the text is that he was a sajal of the Saktz'i' king, K'ab Chante', the fourth known king by this name, and apparently one of the last kings in Saktz'i' history. No other information about the history of his reign has been found, primarily because most other kingdoms in the Western Region had already declined and their political system had collapsed. However, it became clear from this source, that the Saktz'i' dynasty, unlike many others, not only continued to exist in the Lacandon area until the 2nd half of the 9th century but also maintained a system of territorial administrative governance. However, after this point, references to Saktz'i' in hieroglyphic inscriptions completely disappear.

Conclusion

Behavioral complex analysis of epigraphy data makes it possible to update the history of the Saktz'i' kingdom and supplement the dynastic list. In total, the names of nine kings of the Saktz'i' royal lineage have been identified to date, however, given the time gaps, the list should include at least twelve dynasties (Table).

Reconstructed dynastic list of Saktz'i' (514–864)

Nominal glyph	Dynastic list
	'Ahku'l Mo' (<514) ?
	K'ab' Chante' I (<564–565<) ?
	K'ab' Chante' II (<625) ?
	K'ab' Chante' III (≤688–740)
	('U) cha'n B'olon (740–741) ?
	Chan Ek' (756–775<)
	Aj Sak Maax (<763–772<)
	Yehte' K'ihnich (775<–787<)
	Jatz' Tok(al) Ek' Hix (787<–800<) ?
	K'ab' Chante' IV (<863–864<)

Source: compiled by A. Safronov.

We believe that the Saktz'i' dynasty was founded no earlier than the 2nd half of the 5th century, and the first known king can be considered 'Ahku'l Mo', who ruled until 514. Then until the last decade of the 7th century information about Saktz'i' is very fragmentary, only two kings with the name K'ab' Chante' are known, the first reigned in the 560s, who founded the main temple in Lacanja Tzeltal, and the second participated in the war against Piedras Negras in 625. Since the beginning of the 7th century. Saktz'i' is active in the political arena of the Upper Usumacinta region, however, successful military expansion begins with the accession of K'ab' Chante' III around 688. He subdues the kingdoms located in the Lacanja Valley — 'Ak'e' and Xukalnaah, conducts successful wars against Yokib' and Popo' and expands his possessions to the valley of Usumacinta. By 730, Saktz'i' became one of the strongest kingdoms in the region, but after the death of K'ab' Chante' III, the kingdom entered a period of dynastic crisis, which ended with the accession of Chan 'Ek in 756. He restored the power of the Saktz'i' in the middle of the 8th century, and in the north he controls the lands up to the shores of the Usumacinta (see Fig. 1), while another member of the royal house of the Saktz'i', Aj Sak Maax, appears in the inscriptions. The last decades of the 8th century were a time of weakening of Saktz'i', the kings of Yehte' K'ihnich and Jats' Tokal 'Ek' Hix suffered painful defeats from their neighbors in 787 and around 800, and no longer claimed to dominate the region. Nevertheless, Saktz'i' became the last kingdom in the Upper Usumacinta region, information about which has been preserved in inscriptions — the reign of K'ab' Chante' IV dates back to 864 and then it disappeared in the vicissitudes of the Terminal Classical period.

References / Список литературы

1. Schele L, Grube N. Tlaloc–Venus Warfare. The Peten Wars. In: *Notebook for the XVIII Maya Hieroglyphic Forum at Texas*. Austin: The University of Texas at Austin, 1994. P. 79–165.
2. Anaya Hernández A. *Site Interaction and Political Geography in the Upper Usumacinta Region during the Late Classic: A GIS Approach*. BAR International Series. № 994. Oxford: Hadrian Books, 2001.
3. Anaya Hernández A, Guenter S, Zender M. Sak Tz'i', a Classic Maya center: a locational model based on GIS and epigraphy. *Latin American Antiquity*. 2003;14(2):179–191. <https://doi.org/10.2307/3557594>
4. Golden C, Scherer A, Houston S, Schoder W, Morell-Hart S, Jimenes Alvares S, Van Kollias G, Talavera MYR, Matsumoto M, Dobereiner J, Alcover Firpi O. Centering the Classic Maya Kingdom of Saktz'i'. *Journal of Field Archaeology*. 2020;45(2):67–85. <https://doi.org/10.1080/00934690.2019.1684748>
5. Beliaev DD, Safronov AV. Ak'e and Xukalnaah: history and political geography of the Maya states of the Upper Usumacinta Basin. In: Gvozdeva IA, ed. *Ancient Orient and Antic world: Proceedings of the Department of the Ancient History of the Faculty of History of MSU*. 2004. Vol. 6. p. 119–141. EDN: VOEINT
Беляев Д.Д., Сафронов А.В. Ак'е и Шукальнах: история и политическая география государств майя бассейна Верхней Усумасинты // Древний Восток и античный мир : труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ. 2004. Вып. 6. / под ред. И.А. Гвоздевой. М. : ЭкоПресс-2000, 2004. С. 119–141. EDN: VOEINT

6. Biro P. *Saktz'i in the Classic Period Hieroglyphic inscriptions. Mesoweb. An exploration of Mesoamerican cultures*. 2005. Available from: <https://www.mesoweb.com/articles/biro/SakTzi.pdf> (accessed 12.02.2026).
7. Martos López LA. The Discovery of Plan de Ayutla, Mexico. In: Golden C, Houston S, Skidmore J, ed. *Maya Archaeology I*. San Francisco: Precolumbia Mesoweb Press, 2009. P. 60–75.
8. Safronov AV. Kings of Ak'e, Xukalnaah and Saktz'i: the problem of the reconstruction of the Classic Maya dynastic lists by epigraphic evidences. *Orient Epigraphy*. 2021;(36–3):151–164. <https://doi.org/10.31696/0131-1344-2021-3-4-151-164> EDN: IKHBDD
Сафронов А.В. Цари Ак'е, Шукальнаха и Сакц'и: проблема реконструкции династических списков древних майя классического периода по материалам эпиграфики // Эпиграфика Востока. 2021. № 36–3. С. 151–164. <https://doi.org/10.31696/0131-1344-2021-3-4-151-164> EDN: IKHBDD
9. Matsumoto M, Scherer A, Golden C, Houston S. Sculptural traditionalism and innovation in the Classic Maya kingdom of Saktz'i. *Ancient Mesoamerica*. 2023;34(1):160–183. <https://doi.org/10.1017/S0956536121000316> EDN: SIYMQA
10. Mayer KH. *Maya Monuments: Sculptures of Unknown Provenance*. Supplement 1. Vol. IV. Berlin, 1987.
11. Martin S. *Ancient Maya Politics: A Political Anthropology of the Classic Period, 150–900 CE*. Cambridge, Cambridge University Press; 2020. <https://doi.org/10.1017/9781108676694>
12. Martin S, Grube N. *Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya*. London: Thames and Hudson; 2008.
13. Vepretskii S, Beliaev D, Davletshin A, Love B. Four Santa Elena monuments from Balancan museum, Tabasco, Mexico. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(3):420–439. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-420-439> EDN: SHQZBO
14. Stuart D. The Captives on Piedras Negras, Panel 12. *Maya Decipherment*. 2007. Available from: <https://mayadecipherment.com/2007/08/18/the-captives-on-piedras-negras-panel-12/> (accessed 12.02.2026).
15. Beliaev DD, Safronov AV. Dynastic history of Yokib in the 2nd half of the 8th cent. In: Avdeev AG, ed. *Question of Epigraphy: Proceedings of the I Inter. conf. «Questions of Epigraphy», Moscow, January 30–31, 2012*. Vol. 7. Pt. 1. Moscow; 2013. p. 533–599. EDN: TVRCDH
Беляев Д.Д., Сафронов А.В. Династическая история Йокиба во 2-й половине VIII в. // Вопросы эпиграфики : материалы I Междунар. конф. «Вопросы эпиграфики», Москва, 30–31 января 2012 г. / под ред. А.Г. Авдеева. Вып. 7. Ч. 1. М., 2013. С. 533–599. EDN: TVRCDH
16. Stuart D, Houston S. *Classic Maya Place Names*. Washington, D.C., 1994.
17. Zender M. The Toponyms of El Cayo, Piedras Negras, and La Mar. *Heart of Creation: The Mesoamerican World and the Legacy of Linda Schele*. Tuscaloosa; 2002. P. 166–184. <https://doi.org/10.2307/jj.30347747.14>
18. Davletshin A, Beliaev D. A syllabic sign for [pe] in the Classic Maya inscriptions. *Revista Española de Antropología Americana*. 2022;52(1):29–43. <https://doi.org/10.5209/reaa.75786>
19. Kováč M, Beliaev D, Špoták J, Safronov A. Uaxactun after the conquest by teotihuacanos as told by the mural from palace B-XIII. *Contributions in New World Archaeology*. 2019;13:37–66. EDN: XEHANI
20. Safronov AV. Local elites in the rang system and administrative control of the Late Classic Maya kingdoms of the Western region. *Historical Journal: Scientific Research*. 2022;(5):109–130. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2022.5.38759> EDN: JBAJDC
Сафронов А.В. Местные элиты в ранговой структуре и административном управлении царств майя Западного региона в поздний классический период // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 5. С. 109–130. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2022.5.38759> EDN: JBAJDC

21. Safronov AV. Maya hieroglyphic inscription of the Stela 1 from Ojos de Agua. *GRAPHOSPHERA: Writing and Written Practices*. 2025;5(2):25–49. <https://doi.org/10.32608/2782-5272-2025-5-2-25-49> EDN: JBAJDC
Сафронов А.В. Иероглифическая надпись майя на Стеле 1 из Охос-де-Агуа // *GRAPHOSPHERA: Письмо и письменные практики*. 2025. Т. 5. № 2. С. 25–49. <https://doi.org/10.32608/2782-5272-2025-5-2-25-49> EDN: JBAJDC
22. Safronov AV. Wars over the left bank of the Usumacinta at the turn of the 7th–8th centuries. In: Gvozdeva IA, ed. *Ancient Orient and Antic world: Proceedings of the Department of the Ancient History of the Faculty of History of MSU*. 2004. Vol. 8. Moscow, 2012. p. 176–197. EDN: ZBLPVR
Сафронов А.В. Войны за левобережье Усумасинты на рубеже VII–VIII вв. : проблема датировки и географии событий // *Древний Восток и античный мир : труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ. Вып. 8. / под ред. И.А. Гвоздевой. М. : Академика; 2012. С. 176–197. EDN: ZBLPVR*
23. Davletshin AI, Vepretskiy SV. Ritual seclusion of princes in Classic Maya texts. *Stratum Plus*. 2023;(6):53–72. <https://doi.org/10.55086/sp2365372> EDN: KBMSVC
Давлетшин А.И., Венрецкий С.В. Ритуал заточения царевичей у древних майя // *Stratum Plus*. 2023. № 6. Р. 53–72. <https://doi.org/10.55086/sp2365372> EDN: KBMSVC

Information about the author:

Alexander Safronov — PhD in History, Senior Researcher, Oikoumene Educational and Research Center, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya square, bldg. 3, Moscow, 125047, Russian Federation, e-mail: alexsafronov@bk.ru ORCID: 0000-0002-2121-1136. SPIN-code: 5898-0440.

Информация об авторе:

Сафронов Александр Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Учебно-научного центра «Ойкумена», Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, корп. 3, e-mail: alexsafronov@bk.ru ORCID: 0000-0002-2121-1136. SPIN-код: 5898-0440.